

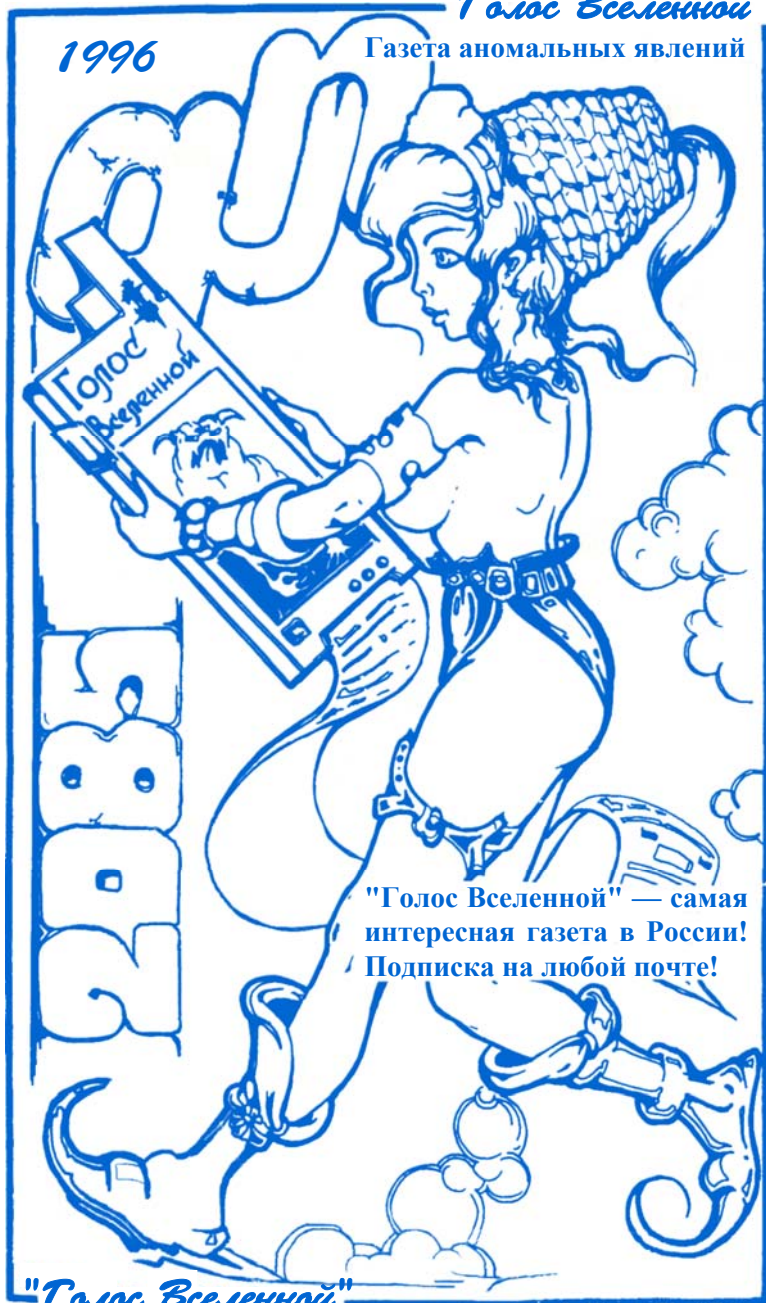
СП 2 96
**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

"Голос Вселенной"

Газета аномальных явлений

1996

"Голос Вселенной" — самая интересная газета в России!
Подписка на любой почте!

"Голос Вселенной"

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

фп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Литературно-
художественный
журнал

2 96

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

30 Jul 11

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юрий Петухов. Меч Вседержителя.</i> Фантастический роман.	3
<i>В.Вотрин, С.Возный, А.Чернобровкин,</i> <i>В.Щербаков. Рассказы.</i>	108

Обложка П.Кузьмина
Иллюстрации А.Филиппова

© "Приключения, фантастика"
© "Метагалактика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Розничная цена свободная.

Учредитель, издатель, гл. редактор –
Петухов Юрий Дмитриевич

Рег. номер – 309.

Подписано в печать 10.01.96 г. Формат 84x108/32.
Объем 9 п.л. Бумага тип. 2. Заказ – 1923
Тираж – 23500 экз.

Издательство "Метагалактика" ЛР 060423.
111123, Москва, а/я 40.

ГМП "Первая Образцовая типография"
Государственного Комитета по печати РФ.
113054, Москва, ул. Валовая, 28.

Индекс 70956

Юрий Петухов
"Меч Вседержителя"

Роман

(продолжение)

***Околосземное пространство. Корабль
Системы. – Зангезия – Пристанище.
Год 2486-й – Обратное время.***

Неспешно течет время, отмеряемое не нами. То ли есть оно, то ли нет его. Неуловимо и ускользающе – канул миг, накатил следующий и так же безвозвратно канул, назад не вернешь, не войдешь дважды в одну и ту же воду. Идут годы, текут века, тысячелетия. Вымирают цивилизации и расы, гибнут миры. А Черная Пропась остается. Для нее времени нет. Она живет по своим мерам. Вспыхивают и гаснут звезды, остывают кометы, рассеиваются галактики и меркнут созвездия. Рождаются люди. И умирают люди. Для них время есть, ибо смертны, как смертны звезды и галактики. Черная Пропась, в которую падают все миры всех вселенных, бессмертна, извечна – для нее нет ни мигот, ни лет, ни веков, ни тысячелетий. Она вбирает в себя все сразу: и прошлое, и настоящее, и будущее. Она не ползет со смертными по шкалам и спиралям текущего призрачного и несуществующего времени, для Нее никто не отмерял секунд и минут, периодов и эпох. Она просто есть.

Нет времени для животного, рыщущего в поисках пропитания и ночлега, ибо нет у него памяти осмысленной и нет предвидения. Насущным мигот живет не наделенный душой и разумом. Нет времени для человека, упорно вершащего дело свое, ибо не отвлечен его ум на созерцание былого и ожидание грядущего, но поглощен всецело настоящим. Но останавливается смертный в пути и деле своем, оглядывается назад с тоскою – и ощущает власть времени. И в ожидании тревожном всматривается в грядущее – что ждет его, не знающего часа своего?

Ожидание. Как и память оно порождает ощущение невидимого, неуловимого, ускользающего и всевластного времени. Ожидать всегда нелегко, даже заранее зная, чего ждешь. Но втрое тяжелее ожидание неведомого, непредсказуемого... ибо может то ожидание еще до свершения ожидаемого иссушить душу и тело, обречь на страдания и убить. Чего ждать приговоренным к смертному исходу, на что надеяться, когда неспешное течение переходит в бег, в бешенный галоп, в стремительный и скорый полет?! Миллиарды и миллиарды под-

давшихся бегу этому и полету гибнут в водоворотах времени, затягиваемые в пучины Черной Пропасти.

Отрешившийся от несуществующего перестает ожидать и вспоминать. Все в нем сейчас – и что было, и что будет. И загнанный в крайнюю точку свою силами внешними, силами, что убивают людей и звезды, он поворачивает вспять по оси времени... И видит, что не ось это, не прямая, вдоль которой прошлое истекает в будущее, и даже не плоскость, но пространство. И отрывает лицо свое он от плоского и убогого пола, к которому прикован был, и поднимается в измерения иные, и проникает в раскрывающиеся глаза его Свет.

Долгое время, дней семь, Гуг Хлодрик все не мог привыкнуть к своей новехонькой, здоровой и живой ноге. Старый биопротез поскрипывал, иногда подворачивался, короче, время от времени напоминал о себе. Сейчас левая нога ничем не отличалась от правой – яйцо-превращатель восстанавливало человека полностью, Гуг знал это по Ивановым рассказам. А теперь вот познал и на своей шкуре.

Радоваться бы надо. И нога здоровая. И любимая Ливочка рядышком. Ан нет, Гуг молча страдал – сопел, кряхтел, бормотал ругательства себе под нос. Косился на Ивана, односложно отвечал на его нечастые вопросы.

Новый 2486-й год начинался тяжело и мрачно. Радость первой встречи быстро улетучилась. Наступили невыносимые будни. Вот уже четвертые сутки они нависали черной тенью над черной Землей, прощупывали поверхность. Иван был полностью поглощен этим занятием. Он осваивал управление огромным звездолетом-маткой Системы и не переставал восхищаться его возможностями. Тот самый ржаво-серебристый шар, что Светлана провела Осевым измерением, на котором вызволила Ивана, теперь покоился в одном из приемных пазов платформы. Сгусток тьмы покорно висел на хвосте, послушный воле карлика Цая – и никто не знал, что с ним делать. Время шло. Они выжигали нечисть где могли, где это не влекло за собой огромных жертв... Но нечисти становилось все больше – и не в одних подземельях. Уродливые монстры выползали на поверхность, взлетали в черное небо на своих черных перепончатых крылах, погружались в черные пучины мертвых морей и океанов. С каждым днем надежды таяли все больше. Их почти не оставалось.

Иван знал, что спешить и суетиться не следует, что сейчас главное, выдержка, точный расчет... а потом – мощный, неожиданный удар, и не куда попало, не с ветряными мельницами сражаться, а в то самое одно-единственное слабое место, которое есть и у них, у этих поганых нежитей. Только так! Он знал, понимал это, но он ничего не мог объяснить своим изверившимся, исстрадавшимся друзьям... что там говорить, ему переставала верить даже Светлана! И от этого становилось вдвое, втрое тяжелее. Они соглашались с его доводами, с логикой его рассуждений, но теперь они отказывались жить и драться по наитию, они требовали от него точного и конкретного плана – что, где, когда... А он не мог им ничего сказать толком. Он сам не знал, когда, где и кому они нанесут этот решающий удар. Он искал. И не находил.

Вот и сейчас Иван сидел в кресле мыслеуправления центральной рубки угнанного Дилом Бронксом из Системы чудовищного звездолета, переименованного ими в честь погибшего в неравном бою с негуманоидами земного корабля-гиганта. Еще неделю назад шустрые шестиногие киберы искусно вывели светящейся алой краской по обе стороны носовой брони и на корме гордое имя «Святогор-2» – пусть видят все, имеющие глаза, Земля не погибла, и сыны ее не сложили оружия. И все же...

Иван дождался.

Он не оторвал глаз от окуляров шупа, когда почувствовал, что за спиной кто-то есть. И он сразу понял, будет разговор. Но не подал виду. Пускай начинают сами.

– Ты чего там, заснул, что ли? – не выдержал первым Гуг.
– Иван, мы пришли!

– Вижу, что пришли.

Иван развернулся вместе с креслом.

Прямо перед ним стояли Гуг Хлодрик, Дил Бронкс и Иннокентий Булыгин, чуть поодаль ссутулился изможденный Цай ван Дау. Светлана стояла у серой стены, стояла, отвернувшись, не глядя на него. Зато Глеб Сизов смотрел в упор, не мигая, не отводя своих колючих и запавших глаз. В руках Глеб держал лучемет, и раструб его был нацелен на Ивана. А у самого выхода из рубки лежал растрепанный оборотень Хар. Мулатка Лива вяло поглаживала его за ухом, кусала полные губы, плакала.

Гуг был непривычно бледен и растерян. Чувствовалось, что ему стоило больших трудов удерживать себя в рамках

приличия. Губы у него подрагивали, левая щека дергалась в нервном тике. Ивану стало жалко старого приятеля. Не надо было его размораживать, не надо, всем было бы лучше, и в первую очередь ему самому... Но и не размораживать было нельзя, это один из тех самых кругов, через которые надо пройти, обязательно надо.

– Все, Ваня, – наконец выдавил Гуг, сгорбился еще больше, опустил глаза, но не сдвинулся ни на шаг. – Слишком долго ты держал нас в кулаке. И мы тебе верили... Все! Хватит! Мы тут с ребятами потолковали... Короче, лучше сам уходи, Иван!

– Вот как?!

– Да, так, Ванюша, – голос Дила Бронкса прозвучал глухо и зло, – ты приносишь нам несчастье. Но мы подчинились тебе, пока... пока были надежды. А теперь все кончено. Мы будем драться до конца. Без тебя!

Иван бросил взгляд на Глеба Сизова.

Тот еще сильнее стиснул и без того сжатые губы, кивнул.

– Так будет лучше, Иван, – виновато пробубнил Кеша, – мы бы тут горы трупов наворотили бы уже, мы б этих козлов наполовину бы повывели. Ты тормозишь всех нас, Ваня... сам заварил эту кашу и сам не хочешь ее расхлебывать...

– Это он собрал всех вас вместе! – неожиданно подал голос из своего угла оборотень Хар.

Гуг вздрогнул, налился кровью.

– Верно, – согласился он, хрипя и тяжело дыша, – все верно. Собрал, чтоб на поминках по Земле-матушке сидеть сложа руки да в две дырочки сопеть. Не хрена для этого было собирать! Лучше б я в каторге сдох! Лучше б меня Сигурд в воронке закопал бы, завалил всякой дрянью – и дело с концом! Хоть бы душа не болела! Нет, Иван, уходи по добру по здорову, бери любую посудину и проваливай, это я тебе как друг говорю!

Иван молчал. Что он мог им сказать, чем мог оправдаться?! Все уже давным-давно сказано... Иди, и да будь благословен! Им плевать на все благословения, они жаждут дела. Скорее всего, на их месте он поступил бы точно так же.

– И что вы намереваетесь делать? – спросил он, глядя на Гуга.

– Давить козлов! До последнего! – ответил тот. – Мы тут связь наладили с Гиргеей и Сельмой – там наши стоят, нюни не разводят, почти всю каторгу прочистили. Будем и мы Зем-

лю чистить, Ванюша, в капусту рубить всю сволочь, пока сами не издохнем!

– Верно говорит, – поддакнул Кеша, – чего сидеть киснуть, мы эдак сами все позагибаемся, сами на себя руки наложим. Ты вот чего, Иван, хочешь с нами гадов давить, оставайся, только чтоб честь честью, не хочешь, – вот тебе Бог, а вот порог!

– Нет, не хочется что-то, – выговорил Иван будто в раздумии, вяло, глядя в пространство, начиная до конца осознавать, что опять остался один, совсем одни. – Пустое это дело, с теньями да призраками воевать.

Цай ван Дау подошел вплотную, скривился как от боли. Процедил:

– Ладно, давай не с теньями! Давай ударим в мозг этой сволочи, в самое сердце! Ты знаешь, где оно?!

– Нет, – признался Иван. – Не знаю.

Он поглядел на Светлану. Неужели и она с ними?

Светлана молчала, отводила глаза. Никто не мешал их немому, молчаливому диалогу. И наконец она не выдержала, выкрикнула в голос:

– Уходи! Так будет лучше!

Иван встал и, не обращая ни малейшего внимания на наставленный прямо в него лучемер, пошел к жене. Остановился... хотел обнять ее за плечи, но руки опустились. Она сама должна решить, сама. Он не имеет права принуждать ее ни силой, ни лаской.

– И ты не уйдешь вместе со мной?

– Нет! – Светлана положила ему руки на плечи, уставилась в глаза: – Я люблю тебя, Иван... по крайней мере, я тебя любила. И еще неделю назад готова была сбежать с тобой хоть на край света, подальше из этого ада. Но теперь что-то изменилось, теперь я близко, совсем близко увидела это, и я не смогу уйти отсюда! А ты уходи! Тебе надо уйти, понимаешь? Все мы слишком привыкли к тебе – привыкли надеяться на тебя, ждать от тебя слова, приказа. Ты сковываешь нас, лишаешь воли. Кеша правильно сказал, мы просто загнемся здесь... Уходи! Потом придешь, потом вернешься. А сейчас уходи!

Это был конец. Иван мягко отвел ее руки от себя. Еще раз заглянул в светлые, пронизанные нетелесной болью глаза. Отвернулся. Хорошо, он уйдет. Они не поймут его, он один, второго такого выродившееся и погибающее человечество, к

сожалению, не подарило миру, он все помнил, значит, так предопределено, значит, всю тяжесть крестной ноши рода людского придется взваливать на свои плечи, такова его гогофа, таков его крест.

– Хорошо, – сказал он, – я уйду.

Гуг снова побелел, из багроволицего, напитого кровью сделался вдруг бледным, почти зеленым. Он явно не ожидал, что Иван, с которого никто не снимал да и не мог снять звания Правителя, Верховного Главнокомандующего, Председателя Комитета Спасения... так скоро, так запросто откажется ото всего, смирится с их приговором. Иннокентий Булыгин тяжело вздохнул, всхлипнул, утер кулаком набежавшую слезу – он не глядел на Ивана, не мог. Карлик Цай тоже не смотрел в сторону бывшего Верховного, но глаза у него были сухи. Дил Бронкс сделал было шаг к Ивану, чтобы обнять его на прощание, прижать к себе одной-единственной рукой, но только качнулся, ссутулился, повесил голову... Прощание было тихим и тягостным. Сам Иван не ожидал, что все свершится так быстро. Ну и пусть! Он пристально посмотрел на Глеба, тот не опустил глаз, значит, уверен в своей правоте, все они уверены!

– Я возьму твой шарик? – Иван снова обернулся к Светлане. – Ты не против?

Она с трудом подавила желание броситься к нему на грудь, зарыдать, уйти вместе, хоть куда, хоть на край света... И только кивнула.

– Ну, что же, – Иван подхватил свою торбу, еще разок впросительном взгляде на Гуга Хлодрика и пошел к нише, где стоял его скафандр, – прощайте! Не поминайте лихом.

Оборотень Хар поглядел ему вслед унылыми, грустными глазами. Лива отвернулась, смахивая темной ладонью хлынувшие из глаз слезы.

Через полчаса Иван сидел в мыслеуправляющем кресле того самого обгорело-ржавого шара-звездолета, что чудом сумела захватить и угнать его Светлана. Он сидел и думал – не о себе, о них, смогут ли они продержаться до его возвращения? Похоже, теперь верховодить будет Гуг, а он известный сорви-голова, он не даст покоя никому, они обязательно влипнут в историю. Но ничего не поделаешь, ведь и они обладают свободой воли, нельзя им все время навязывать свою. А там пусть жизнь покажет, кто был прав!

Иван знал, куда держать путь. Главное, чтобы Первозург не сменил своего укрытия. А ведь тот запросто мог это сделать, уж очень он недоверчивый, мнительный, да еще после того, как его посетил Дил Бронкс, нарушив покой правительственных катакомб. И все же пора в путь.

– На Зангезею! – коротко приказал Иван. Он был спокоен и хмур.

Он снова был один в поле. И полем этим раскинулось во все пространства, измерения и времена непостижимое Мироздание. Иди, и да будь благословен!

Первозург встретил Иван настороженно. Он сам откликнулся на запрос внутренней связи, поднялся на орбиту, ничуть не удивившись, что нарушитель его покоя заявился на корабле Системы.

– Вон, поглядите, – сказал он Ивану, даже не повернувшись к обзорным экранам, – точно такой же болтается. Еще три на поверхности... им уже никогда не взлететь!

Встреча получилась вялая. Они даже не пожали друг друга рук. Иван тоже не стал оборачиваться. Он все знал – корабль негуманоидов пуст и мертв, зангезейская братва поработала на славу, не оставив трехглазых даже на развод – научились, сукины дети, бить иродов! Еще больше не повезло тем, что высадились на саму планету. Сеча была лютой и долгой, не меньше трети братвы полегло в этом побоище, половина осталась перекалеченной, но зато с десятков монстров удалось захватить живьем, и теперь на них отработывали приемы будущих боев.

– Дураки! – вслух сказал Иван. – Корабли можно было и не громить, пригодились бы!

Сихан Раджикрави понимающе улыбнулся.

– В раж вошли, – сказал он с тихой улыбкой, будто оправдываясь за воров и бандюг, не пожелавших сдавать Зангезею ни рогатым выползням, ни трехглазым уродам.

Но радость не обуяла Ивана. Он-то знал, что придут новые гады, а вслед за ними еще одни, что Система может и подыграть братве, потягаться с нею силушкой, покрасоваться, поерепениться... а потом врежет так, что и мокрого места не останется. Это Игра!

– Это игра... – вслух сказал Сихан. И в упор поглядел на Ивана. – С чем пожаловали?

Более странного вопроса в подобной обстановке невозможно было и придумать. Иван промолчал.

– Можете не отвечать. Сам знаю.

На планету они спустились в черном бутоне. Ни один из паханов не посмел притормозить их движения – Первозурга на Зангезее уважали. Слыхали и про Ивана – высоко взлетел, больно упал! Но паханы рассуждали просто, коли хватило у седого силенок вышибить самого диктатора из правительственных катакомб, стало быть, серьезный человек. Короче, Сихан Раджикрави засветился, и знали бы зангезейские ухари, кто на его хвосте сидит, выпроводили бы давным-давно и куда подальше. Первозург бы и сам сбежал – зарылся бы с головой, спрятался, сховался... Но где?! Вселенная не такая уж и большая. Найдут!

Пока действовали коды и заговоры он мог не бояться за своего гостя. Из подземных убежищ было видно хорошо, слышно далеко.

– Гиргея тоже держится, – сказал Иван для затравки, усаживаясь поудобнее в шаровидное упругое кресло. – Странные дела.

Тонкие синие губы Сихана искривились в грустной улыбке.

– Почти все каторги устояли, да еще семь перевалочных баз Синдиката и три планетенки наподобие этой... Ничего странного! Народишко размяк, порассуждать любит... извиняюсь, любил, причин поискать, поразмыслить над истоками зла и добра. А эти не рассуждали, они сразу отпор давали, на каждый удар три ответных... так-то, Иван, кто не в тепличках жил, тот и выстоял. Да только и их добьют. Вот и вы тоже, ищите все ответа на вопросы свои... а ответов никаких не будет, кончились времена ответов. – Завершил он совсем уныло: – И помощи от меня не ждите.

Иван вздрогнул.

– Почему?!

Первозург отвел глаза, перестал улыбаться.

– Потому что у меня нет родни, нет жены, нет детей. У меня нет ничего на этом свете, к чему бы я был привязан. У меня есть только Пристанище. Да, только оно – мое детище. Плохое или хорошее, плевать!

– Тогда не будет ничего! – резко выкрикнул Иван. – И вашего ХХХI-го века не будет! Человечество погибнет, уже почти погибло! Мы не можем поразить их извне, мы не можем даже сопротивляться их вторжению. Вы меня прекрасно по-

нимаєте, Первозург! Пристанище надо брать изнутри... только вы способны сделать это и спасти земную цивилизацию!

– А вы думаете, ее надо спасать?!

Иван стих. Вперился взглядом в сидящего перед ним седого, сухощавого человека с вытянутым смуглым лицом. Он все забыл! Он стал считать его своим, почти своим... Выродок! Это он и ему подобные погубили Землю. Это они породили ложь, подлость, двусмыслие, тайную власть. Это они породили нечисть и предуготовили ее приход в мир людской! Они! Об этом нельзя было забывать, никогда. А он забыл... и все же без него ничего не получится. Ни-че-го!

– И думать позабудьте об этом! – еле слышно выдавил Сихан. – Пусть я выродок, пусть дегенерат... плевать! Создал Пристанище, я стал богом! Вы же верите в Создателя? Да или нет?!

– Верю! – сухо ответил Иван.

– Тогда представьте себе, что Он, создавший ваш мир, вернулся бы в него, разрушил этот мир изнутри, погубив все создания свои – все, везде и повсюду!

– Нет!

– Но почему же вы хотите, чтобы я разрушил мир, созданный мною?

– Вы потеряли власть над ним!

– Пусть! Рано или поздно дети вырастут и выходят из-под контроля, это ведь не означает, что их надо убивать. Я сам ненавижу их, до слез, до скрежета зубного... но это мои дети, и может, они окажутся, в конце концов, более совершенными, чем мы с вами, созданные тем, старым Творцом!

Иван понял, что спорить бесполезно. Первозург знает коды Пристанища. Но он и пальцем не шевельнет, чтобы взорвать этот страшный мир. Более того, он будет защищать его. Бесполезно. Все бесполезно! Новые времена. Новые боги. Новые... Нет, все ложь! Рожденный в старом мире не может создать ничего абсолютно нового, чего бы никогда, пускай и в частях, в отражениях, в наматках не было бы в этом старом мире, он вообще не сможет даже представить себе совершенно нового, не существующего... В старом мире?! Ивана прожгло неземным огнем. Неужто он коснулся главного, случайно коснулся? Их мир уже стал Старым? Нет, бред! Ему не удастся перепрыгнуть через круги, ему надо идти шаг по шагу, шаг за шагом... и каждый несделанный шаг будет возвращать его назад. Да, свой Путь следует пройти самому – от

начала и до конца. И нет никаких новых богов. Это все гордыня! Породивший нечисть не может быть богом. Но ведь и сам Творец порождал не только праведников, но и падших ангелов... Ложь! Кошунство! Он не порождал падших, он порождал чистых и светлых, они сами стали падшими... свобода воли! основной закон Мироздания. И Первозург такой, он не преломит своей воли... Своей ли?!

– Ты окончательно запутался, Иван, – прошептал Сихан Раджикрави, снова переходя на «ты». – Ты нервничаешь, мечешься, бьешься как рыба об лед... а знаешь, почему?

Иван поднял глаза. Он не хотел сейчас думать о себе. Но Первозурга надо было слушать. Надо. В этом он убедился давным-давно, еще когда у них было много времени для долгих, бесконечных философских бесед.

– Почему?

– Потому что ты сам себя глотишь. Вы называете это совестью. Что такое совесть? Ты знаешь, Евангелие – это «благая весть». И жить по совести, значит, жить по Евангелию, жить сообразно с «вестью» из высшего мира, не нарушая заповедей. А ты их нарушал. Ты боролся со злом его же оружием, тем самым умножая зло...

– Такова была воля Свыше!

– Ты загубил множество людей, забыв, что и они были ближними твоими...

– Губят не тело, лишь плоть убивается, губят душу. Но нет сил, способных погубить душу против ее воли, и сгоравшие в огне посреди палачей своих не теряли души! – Иван говорил истово, веря в каждое свое слово.

– Ты обрек на муки и страдания друзей своих и всех, пошедших за тобой.

– Я собрал их, вернул к жизни. А они изгнали меня!

– Ты предал доверившуюся тебе. Ты предал сына своего!

Иван сжался в комок. Да, Первозург прав. Пока эта боль будет изводить его, покоя не жди. А значит, Старый мир не примет его. И ничего не изменится – агония рода людского будет продолжаться, до последнего двуногого в адских подземельях. Все так. Первозург видел его насквозь, он видел то, чего не видел сам Иван.

– Что молчишь? Может, я не прав? Может, твое детище менее уродливо, чем мое?!

– Ты прав, – процедил Иван сквозь зубы.

– Ну, что ж ты сидишь тогда – иди и убей его! – Первозург испытующе уставился на Ивана. – Убей! И тогда я уйду в Пристанище...

Иван стиснул лицо руками. Все верно. Этот бессмертный старец, еще не родившийся на свет Божий, сказал лишь то, что постоянно колотило Ивану в мозг, наколачивало безъязыким, причиняющим тупую боль колокольным билом – неясным, глухим, убивающим. И чего требовать с кого-то, ежели он сам, ищущий Света и бьющийся за него, избранный из многих, породил оборотня? По плодам их узнаете их.

На левом боковом экране в беспросветно-лиловом мраке трехлунной зангезейской ночи ватага вооруженных до зубов головорезов расправлялась с рогатыми выползнями, лезущими из дюжины подземных труб сразу. Парни работали сноровисто и лихо. Они верили, что победа будет на их стороне. Они просто не знали всего... Сихан Раджикрави нахмурился. Одни уроды бьют других уродов. Обычным, нормальным людишкам такого не дано... на то они и нормальные.

– Ты прав, – повторил Иван еще глуше. – Мне надо идти к ним.

Это было просто кошмаром наяву. Пристанище шло за ним по пятам, оно не давало ему жизни даже теперь, когда он получил Высшее благословение, оно давило его, душило... Нет, это он сам не давал жизни себе. Очистительные круги! Ничего не получится, пока он не очистит своей совести, и не удастся этого дела отложить на потом. Проклятое Пристанище! Проклятая планета Навей! Черное заклятье! Оно сбывалось. Злой дух этого чудовищного мира властвовал над ним.

– Сверхпространственный туннель открыт? – спросил Иван, не решаясь поднять глаз.

– Да. – Сихан Раджикрави встал, подошел к центральному экрану. Его верхний сегмент показывал изуверскую бойню на другой стороне планеты – там опустился новый звездолет из Системы, еще не помеченный налетом вселенской ржавчины, серебристый шар. Не менее полусотни закованных в латы трехглазых, будто древнегреческая фаланга, сомкнутым строем теснили разношерстную армию Синдиката. Недобитые, полуискалеченные головорезы корчились на кремнистой земле под уродливыми и мощными птичьими лапами. Звуки не доносились в катакомбы, но по разинутым в отчаянии ртам и выпученным глазам было видно, что лихие парни погибают в мучениях. Сихан знал, на этот раз они устоят, продержатся,

теша своими смертями полумертвецов Системы. Но это будет потом.

– Тебе нет нужды идти по туннелю, – сказал он, переводя взгляд на Ивана. – Ты забыл про мой личный канал. Он тоже открыт.

– Хорошо, – Иван встал. Ему сейчас не было дела до братвы и трехглазых. – Хорошо. Дай мне коды биоачейки!

– Алена давно умерла... ее нет. Остался лишь злой дух.

– Не верю!

– Это твое право, – Первозург не выдержал взгляда серых колющих глаз. – Я буду с тобой на связи. Если понадобится, позовешь.

– Ладно. На этот раз я ее вытащу оттуда! – Он сжал кулаки, будто прямо сейчас собирался броситься в драку. – А этого... выродка я убью.

Сихан сокрушенно вздохнул, покачал головой, но ничего не ответил.

– Алена в шаре?

– Да. Но только для тех, кто знает коды.

– И этот шар такой же... – до него только сейчас дошло, что земной звездолет в Спящем мире планеты Навей очень похож на эти звездолеты, на серебристые шары Системы... похож, но не совсем.

– Нет, не такой же, – пояснил Сихан, – все эти ваши шарики – разработка XXVII века, устаревшие модели. Тот почти мой ровесник, его сработали в XXX-ом. Но он врос в Пристанище. Ни мне, ни тебе не увести его оттуда, и не мечтай! И вообще, брось свои несбыточные затеи – тебе надо облегчить душу, вот и давай, повидайся, поговори, сними груз с сердца. Но помни, что рожденный тобою сильнее тебя, он не простит своего прошлого поражения. С временной петлей шутки плохи. Ну, хватит об этом. Пора!

Сихан снял с головы тонкий обруч, надел на Ивана, сжал плечи руками, ледяным взглядом пронзил насквозь.

– Где я выйду...

Вопрос растаял во мраке и тишине.

Иван рванулся вперед, сильно ударился обо что-то гремящее и пустое. Вывалился наружу. Щербатая мертвецки синяя луна висела над поганим лесом. За спиной поскрипывала незатворенная полусгнившая дверь избушки. Шлюз! Он уже вышел из шлюза. Вот и ответ.

В лесу выли обезумевшие от тоски волки. А скорее всего, это забавлялся один из оборотней. Может, и его сын, а может, и другой.

Иван ощупал себя руками – комбинезон, фильтры, малый лучемер, парализатор на бедре, сигма-скальпель, рукоять меча у предплечья. Нормально! В прошлый раз он был почти голый, безоружный и ничегошеньки не понимающий. Нынче все иначе, нынче он сам иной.

Ловко этот Первозург все проделал! Будто ждал заранее... нет, канал он готовил для себя, а его, Ивана, спровадил, лишь бы с глаз долой, чтоб память не грызла и не мучила – кому дано долго носить в сердце благодарность!

Иван отворил дверь, на ощупь пробрался через темные сени, ступил в горенку с косым, просевшим окошком. В прошлый раз именно тут довелось свидеться с Аленой – постаревшей, неузнаваемой, доживавшей последние годки. Больше такой встречи не будет. А будет совсем иная... ежели вообще им суждено свидеться в этой постылой жизни. Главное, не ошибиться.

Иван поднял за корявую ножку табурет, поставил возле потемневшего от старости стола. Присел. Прежде ему морочил голову подлый Авварон, сбивал с пути, пихал то в болото, то под камнепад, разыгрывая из себя спасителя и благодетеля. Но все же он вел Ивана к цели, худо-бедно, но вел. Ныне гнусного бесеныша не будет. Он сам его изгнал. Ныне надежда только на себя. Избушка была непростой. Да и какая это, к дьяволу, избушка – одна видимость только, а на самом деле – многоканальный шлюз-переходник, одна из межпространственных пуповин, связующих несчитанные миры Пристанища. Из этого шлюза Иван выходил не единожды и через дверь и через окна, сюда его приволакивали связанным, сюда несло его по своей воле.

– Ничего, разберемся! – пробормотал он себе под нос.

Из сеней повеяло холодком. Где-то снаружи звякнуло что-то, будто цепь поддернули, невидимый оборотень каркнул хрипло и приглушенно. Было. Все это было!

Иван усмотрел в черном дощатом потолке небольшую дыру – только-только протиснуться. Встал. Нашарил в сенях скрипучую лесенку, притащил внутрь. Хотел было вытащить из бокового клапана инфраленту, прилепить к вискам, чтобы в потемках видеть получше. Да передумал, зажег полуистлевшую лучину на подоконнике, таком же кривом и ветхом как и

само окно. А потом приставил лесенку к стенке и быстро вскарабкался наверх.

Чердак был пыльный, старый, забитый всяким хламом и рухлядью. Три метра вперед, два направо, три налево, а дальше сплошняком: мрак, паутина, обшарпанные стены, рванье какое-то, хлипкие стропила, что-то дряблое, свисающее с них, хлам, мусор, грязь... Иван ожидал чего угодно, только не этого – он весь оцепенел, переваливаясь от края в прелое сено. Это был тот самый чердак! который вел в Систему, на Хархан-А! Всего пять шажков по лесенке! Непостижимо! Неужто подлец Авварон не знал про этот лаз?! Не мог не знать... нет, мог и не знать! не все лазы открыты для всех, есть стены и фильтры, в которых видит распахнутые ворота и щели лишь допущенный к перемещению в них. А Авварон все время ныл и жаловался, что не во все двери его, видите ли, пускают. Вот так избушка! Это замкнутый круг, из которого невозможно выбраться. Он сразу все припомнил. «Лети, комар, форточка открыта!» Они тогда издевались над ним... Теперь они его просто убьют. Тогда он был забавной букашкой, ползающей по ярусам и сферам-веретенам, жалкой и смешной мошкой. Теперь он непрощенный и злой гость, с которыми поступают круто. Он все помнил. Чтобы очутиться в садах Хархана, надо провалиться сквозь мякоть этого фальшивого «прелого сена» – и все закрутится по-новой, опять пойдут лютые мордобои и развлечения, опять его закуют в цепи и бросят в подземелье... или сразу прикончат. Нет! Причем тут Хархан-А! Ему нужен Спящий мир Пристанища, а не триединое квазипространство «системы», вывернутое наизнанку одновременно в восьмидесяти полюсах Страшных Полей. Назад!

Иван сунулся к дыре. Опустил вниз голову. И не увидел убогой горенки, освещенной тусклой лучиной. Избушка-шлюз сыграла свою очередную шутку.

– Сихан, ты слышишь меня? – молча спросил Иван, настраиваясь на катакомбы Зангезеи.

– Слышу, – раздалось в ответ после секундной задержки. – Но не советую злоупотреблять связью. Они запеленгуют тебя... и убьют.

– Поглядим еще, кто кого, – проворчал Иван. А мысленно сказал: – Мне нужен выход в Спящий мир!

– Все! Молчи! Я дам знать, когда ты наткнешься на него!

Иван примолк. Первозург зря нервничать не станет, есть причина. И он сам пока что не в «системе», а на пыльном чер-

даке, значит, есть ход назад. Как дико и прекрасно устроен мир! До одной и той же цели можно лететь веками, преодолевая бесконечную толщу пространства, изнывая и умирая на пути этом, а можно лишь шагнуть – и ты уже там, на месте! Пристанище и Система! Их разделяет только дверь – тончайшая, невидимая, недоступная для прочих. Их разделяют миллионы световых лет. И здесь нет никакого противоречия, ибо Мироздание живет не по человеческой логике, у него свои законы, не доступные разуму людскому.

Иван встал на ноги, и его тут же качнуло порывом налетевшего неведь откуда ледяного ветра. Злобный вой, переходящий в хохот, ударил не только в уши, но и в само сердце, в обнажившуюся внезапно на этом ветру душу.

Он резко обернулся. И замер от ужаса.

– Ты возвратился, чтобы умереть! Сбывается черное заклятье!!!

Призрак страшной старухи, злого духа планеты Навей черной смертной тенью нависал над ним. Бились в ураганных ледяных струях черные одежды, скалилось изможденно-злобное лицо из-под черного капюшона, тряслись вздетые кверху уродливые морщинистые руки... Это была она – Алена! Брошенная им, прожившая века в горе, исстрадавшаяся, озлобленная, превращенная извергами-зургами в ведьму, в злобную навь, беспощадную, мстительную, неистовую. Время творит чудовищные дела.

– Стой!!! – закричал он в отчаянии. – Не смей!

Острый конец черного посоха, что сжимала в своих лапах старуха, был нацелен в его грудь. В этом острие таилась Иванова смерть – не телесная, но погибель, вечная погибель его души. И он это знал. И еще он знал, что в морщинистых, корявых, вздетых к мрачному верху руках в этот миг слилась вся сила преисподней, вся злоба черного мира, вся ненависть потусторонней бездны и еще... месть извергнутого беса Авварона. И ему дана лишь доля мига, чтобы принять решение. И отсрочек не будет. И Пресветлые Силы с ним... но Они не вмешиваются, ибо только он, только он сам должен решить – наделенный душой и волей.

Смертное острие неотвратимо приближалось, будто в замедленном старинном кинематографе, и одновременно несло с быстротою молнии, разящей обреченную жертву. Надо было отпрыгнуть, увернуться, уйти от удара. Но Иван поступил иначе. Он ринулся вперед, отбил древко посоха, ухва-

тил старуху за костлявые плечи, с силой сдавил их, встряхнул высохшее тело, отбрасывая черный капюшон за спину... и заглянул в пустые глазницы черепа.

– Алена!!!

Желтые зубы, почти не прикрытые расплывающейся полустлевшей плотью, закрипели, разомкнулись. Из горла извергся протяжный и тоскливый вой. Он ощутил, как морщинистые костистые пальцы сомкнулись на его горле, стали душить.

– Алена... – прохрипел он.

И, преодолевая ужас, отвращение, боль, притянул ее голову к своей, впился в последнем горячем поцелуе в ее тленные губы, изгоняя своим человеческим теплом все то нечистое и злобное, что вселилось в нее, что сделало ее такой, что управляло ею, обратив в одержимую, бесноватую. И почти сразу их обоих подхватило, понесло в ледяных струях урагана куда-то вниз, в пропасть, бесконечную пропасть холода и мрака. Но он не отрывался от ее губ. Он уже не дышал, горло было сдавлено до хруста позвонков. Он цепенел будто скованный льдами, замерзая в этом смертном ледяном поцелуе, умирая, уносясь в Мир Тьмы. И уже когда сознание покидало его, когда не оставалось надежды, он вдруг ощутил, что губы ее теплеют, что в них возвращается жизнь. И замелькали почему-то перед внутренним взором падающие снежинки, огромное множество, целый калейдоскоп падающих снежинок. И падение прекратилось.

Он вздохнул полной грудью – горло его было свободно, ничто не давило, не душило. И в глазах начинало проясняться.

– Аленка, – просипел он, отрываясь от полных теплых губ. – Я вернулся за тобой. Вернулся, как обещал!

Жизненные силы потихоньку возвращались в тело. Теперь Иван начинал понимать, где он. Но встать сразу не смог, руки и ноги плохо слушались его. И тогда он перевернулся на спину и увидел над собой, метрах в четырех-пяти голубое объемное ложе, Прозрачный гроб. «Я буду ждать... Помни, я... нет, мы ждем тебя!» – промелькнуло в голове.

Преодолевая слабость, пошатываясь, Иван встал. Прямо над его головой в биоячейке, удерживаемой силовыми полями, лежала Прекрасная Елена, его любимая и брошенная им Аленка. Он не ошибся. Он попал в Спящий мир! Он попал в шар-звездолет! Он разорвал Черное заклятье и развеял миражи. Страшная старуха-ведьма с ее сатанинским воем и горя-

щими глазами никогда не придет к нему. Он разомкнул временную петлю! Значит, она спит. Значит, она не просыпалась! А раз так – никакого сына у них нет! И не надо никого убивать. Облегчение охватило Ивана, нахлынула радость и... печаль. И сомнения. Ведь все, что случилось сейчас, есть, это само собой. Но и то, что было прежде, тоже есть. Путаница какая-то! Он протянул руки к ячейке.

И вдруг услышал тихое:

– Не спеши.

Звук шел сразу со всех сторон. Иван завертел головой – по стенам огромного, тающего в дымке зала стояло не менее дюжины сутуловатых, сгорбленных существ с длинными руками и шерстистыми телами. Мохначи! Он сразу узнал этих странных тварей. Но почему они на борту звездолета?! Им ведь сюда нет дороги!

– Пошли вон! – прохрипел Иван.

Рукоять меча скользнула в его руку. По стародавнему своему опыту он знал, что с мохначами церемониться нечего. Два с лишним десятка желтых, горящих глаз наблюдали сейчас за ним. Два десятка покрытых рыжей шерстью узловатых лап сжимали рукояти грубых, увесистых палиц, топоров и мечей. С такими подарками встречают только незваных гостей. И все же говорили не все они сразу. Говорил один. Кто? Иван попытался определить это. Но не смог.

– Уйдешь ты. И уйдешь навсегда!

Кольцо начало сжиматься. Проще всего было достать малый лучемер да и пожечь нечисть без разговоров. Но Иван помнил, что в этом мире действуют свои законы и можно запросто попасть впросак.

– Ну, ладно, – пробормотал он себе под нос, – хватит болтать.

И не стал дожидаться, пока кольцо сомкнется и его проглотят. Сделав неожиданный обманный выпад в одну сторону, он мощным прыжком отскочил в противоположную, развалил на две половины встречного мохнача, сбил наземь второго – и выскочил из кольца. Можно было бы уложить еще парочку-другую, но Иван решил выждать, авось образумятся сами, да и силы еще не совсем вернулись.

– Проваливайте по добру по здорову! – закричал он без злости.

– Провалим, только ты прежде сдохнешь! – раздалось снова сразу отовсюду.

Иван никак не мог понять, кто говорил. Впрочем, какое это имело дело.

Он слегка ускорил внутренние ритмы. И бросился, сломя голову, вперед. Этот бросок стоил мохначам еще пяти жизней. Они не успевали даже вскидывать своих мечей и палиц, как падали с отрубленными головами, рассеченными телами... но не умирали, не корчились, а застывали кучами съезживающейся полуживой плоти, дрожащей и отвратительной.

Это мы уже проходили, отметил про себя Иван. В прошлый раз его выручил барьер, отделявший одну полость Пристанища от другой. Нынче бежать из звездолета было некуда. И куда бежать, если там, в ячейке лежит та, ради которой он пришел сюда.

Еще одним броском Иван завалил двух мохначей. Отпрыгнул, пристально глядя на упавших. Нет! Та же самая биомасса – тупая, послушная и безжалостная, ежели попадешься ей под руку. Верховодил этими бездушными убийцами кто-то другой – или один из них, до которого пока никак не удастся добраться, или некто извне.

Первый «труп» уже почти восстановился и медленно вставал на карачки, так и не выпустив из лапы топора. Иван пошел было к нему. И чудом успел увернуться от брошенной сильным и ловким броском железной палицы-шестопера. Одновременно с трех сторон на него сиганули три мохнача, бешено вращая смертоносным железом. Они и не думали отходить! и не собирались сдаваться! Более того, пока Иван уверачивался от ударов, не находя возможности взмахнуть мечом, еще двое подкатили сзади, метнули под ноги тонкую прозрачную сеть. Такой номер мог пройти с кем угодно, только не с ним, не с десантником-смертником Дальнего Поиска. Немыслимо извернувшись и выскользнув из сети, он успел схватить ее за край и захлестнуть ею троих нападавших. Тут же отвернулся от них, сразил мечом двух наглецов. Вернулся к несчастной троице, хрипящей в металлической мелкоячеистой паутине... Главное, не ошибиться! Очень бы хотелось поглядеть на урода, который всем этим заправлял. Нет, у всех троих глаза были бессмысленно-тупые, полыхающие желтым огнем, ни проблеска!

Обернулся. Последние четверо шли прямо на него. Не доходя шагов восьми, они вдруг отбросили свои железяки, сгрудились в кучу, затрепетали, задрожали, слились в какую-то сотрясающуюся глыбищу плоти. И... поднялся, распрямляясь,

наливаясь буграми мышц и силищей, один исполин с двухметровыми ручищами, вдавленной в плечи головой и непомерной волосатой грудью.

Оборотни!

Иван потянулся к лучемету. Но рука его онемела. Он попробовал шагнуть навстречу монстру – ноги не послушались. Невероятным усилием воли он оградил себя барьером Вритры, собрал остатки сил, успел отшатнуться от сокрушающей силы удара и наотмашь резанул сигма-скальпелем по спине исполина. Тот взревел раненым зверем. Но не упал. Из огромной дыры потекла зеленая жижа. Второй удар Иван нанес мечом. Но и тот не сразил оборотня, наоборот вызвал ответный – подброшенный пудовым кулаком вверх, Иван отлетел метров на двадцать пять, рухнул на пол и еще трижды перевернулся через голову.

– Ты не уйдешь отсюда!

Громopodobное рычание вырывалось из глотки исполина, который подходил к поверженным телам, одно за другим вбирал их в себя, раздуваясь, наливаясь новой плотью, становясь все огромное.

Иван оглянулся на прозрачный голубоватый гроб, висящий в вышине – тот чуть покачивался, будто на невидимых цепях. Эх, Алена, Алена! «Мы... будем ждать тебя!» Мы? Нет, не может этого быть! Он вспомнил битву с сыном-оборотнем. А перед этим была встреча с постаревшей до неузнаваемости Аленой, встреча в полутемной избушке посреди страшного и тоскливого леса. Она ждала его, она состарилась, она прядла себе пряжу на саван... а он был все таким же молодым, даже значительно моложе, чем при их расставании, ведь был Откат, ведь время на Земле и в Пристанище текло неодинаково, да еще эта проклятая петля. Именно тогда она призналась, что родила ему сына и что его забрали нелюди... и она уже начала забывать их обоих, но сын-оборотень был всегда где-то рядом. Да! И он вскоре убедился в этом. Бой был жестокий, беспощадный, изнуряющий – и все же он превозмог себя, он осилил оборотня и вогнал ему в грудь осиновый кол. Подлец Авварон все видел. И он назвал его убийцем! Да, все так и было... Гаденыш преследовал свои цели. И все же Иван успел спасти сына, он выдернул расщепленную, смертельную для оборотней осину из груди порожденного им самим. И тот обрел свои собственные черты. И Иван узнал в нем себя – тот же

нос, тот же лоб, те же уши... только шрама над бровью не было. А Авварон упорхнул черным вороном. Но не это главное...

Удар был мощный, но мягкий. Иван не мог предполагать, что ручища исполина вдруг вытянется резиновой дубиной на десяток метров и отшвырнет его к стене. Здесь Пристанище! Не надо забывать! Он чуть не свернул себе шею при падении. И все же успел выхватить лучемер и, еще не коснувшись плечами пола, выпустить заряд в надвигающуюся тушу. В нос шибануло паленым, волосатая грудь оборотня покрылась пузырями лопающейся кровавой плоти – душераздирающий рев прокатился под сводами зала, и исполин отшатнулся, упал на свой толстый зад, вытянул вперед лапы. Только Иван был уже ученым, он не стоял на месте. В три прыжка он выскочил из-под мельтешащих в воздухе бешеной мельницей огромных кулаков, перекатился по полу, разбежался, прыгнул и обеими ногами ударил прямо в нижнюю челюсть огромному оборотню. Тот рухнул на пол, рухнул плашмя, даже не успев извернуться. Вот сейчас можно было довершить дело, Иван уже вскинул сигма-скальпель, чтобы срезать уродливую голову с плеч долой, чтобы раскроить покатым костистый череп и уничтожить мозг гадины... Но рука дрогнула. Нет, он не смел этого сделать! Нельзя! Даже если есть хоть один шанс из тысячи, что это его сын, он не имеет права рисковать... И он не успел отскочить. Исполинская лапища ухватила его поперек туловища, сдавила, вскинула вверх, к сводам. А затем стала медленно подносить к чудовищной клыкастой пасти – страшный конец был предрешен: лютая, дикая смерть в зубах монстра! вот награда за секундное сомнение! Он ничего не мог изменить, он не мог сейчас противостоять нечеловеческой силе этой лапы, он был сдавлен, сжат, лишен возможности шевельнуться, кровь текла из его рта и из носа, кости трещали, он не мог даже вздохнуть.

И тогда откуда-то сбоку раздалось пронзительно:

– Не смей!!!

Он даже не узнал сначала голоса, ничего не понял.

Но лапа замерла, застыла в воздухе. Пасть прикрылась и оба желтых глаза уставились куда-то вдаль, за его спину. Передышка? Минутная задержка перед неминуемым концом?!

– Отпусти его! Это твой отец!

Иван уже терял сознание. Но теперь он знал наверняка – кричала Алена. Она пробудилась! Она жива!

Лапища чуть ослабила давление, и ему стало полегче, он даже смог набрать немного воздуха в рвущиеся из груди легкие. Он даже сумел сжать правый кулак – рукоять чудесного меча, причиняя адскую боль, протиснулась в его ладонь, обожгла ее – в тот же миг ослепительно сверкающее харалужное лезвие вырвалось из рукояти, прорезая мясо и кости лапищи. Иван лишь слегка повел кистью и огромные толстые пальцы, сжимавшие его, посыпались скрюченными бревнами на пол, посыпались, разбрызгивая по сторонам зеленую жижу.

– Ууаугр-рр-р-ааа!!! – взревел оборотень.

И выкинул к Ивану, уже стоящему на ногах, другую лапищу. Поздно! Последовал один лишь взмах меча, и тяжкая пятерня застыла на полу, залитом жижей.

– Ос-та-но-ви-тесь!!!

Алена кричала во весь голос. Иван успел скосить глаза и увидел ее – сидящую в прозрачной биоячейке, бледную, протягивающую к ним руки, неистовую, ослепительно красивую, молодую. Она не могла ошибиться! Это был их сын! «Мы будем ждать тебя!» Мы?! Да, каждый ждет по-своему. Они дождались его. И, видно, не помогло то первое свидание, видно, не признал его сыночек-то... того и гляди, так приголубит папашу, что и мокрого места не останется.

Иван видел, как из обрубокв прямо на глазах вытягиваются новые лапищи, еще ухватистей и здоровее первых. Ничего особенного, управляемая биомасса, с ней ничего не поделаешь, пока не доберешься до того, кто сидит в мозгу, кто ей управляет. Ничего!

Удар невозможной силы вышиб из его левой руки луче-мет, отшвырнул к стене. Оборотень никого не слушал, никого не желал признавать... А еще плоть от плоти! Иван сморщился, досада душила его, ведь в тот раз он собственными руками надел на безвольного, измученного сына свой собственный простенький железный крестик. И тогда он, оборотень, сказал ему: «У меня никогда не было матери!» Он ничего толком не знал. И Иван поведал ему сокрытое нелюдями Пристанища, признался во всем. И наказал носить крест, не снимая. Ведь оборотень был его двойным должником, Иван дважды дарил ему жизнь... и его серые глаза были растревожены, он начинал понимать, он думал о своей матери. Но почему же сейчас он, этот их сын и сын Пристанища, ничего не помнил, почему он столь страстно желал смерти своего отца и не слышал воплей матери?!

– Не убивайте друг друга! – голос срывался, становился сильным, страдальческим. Алена тянула к ним тонкие изломанные руки, молила, плакала, но что она могла поделать.

Нет! Он не будет убивать его! Он убьет лишь оборотня, нелюдскую сущность этого исполина. Да! Иван созрел. Теперь в нем не было сомнений. Он уже превращал себя в алмазную палицу русского бога-воина Индры. И ничто не могло совладать с ним, ни Пристанище, ни Система. Двумя почти невидимыми ударами меча он отсек вновь выросшие лапы, кубырем кинулся под ноги монстру, вскочил, рубанул под левое колено, увернулся, рубанул еще раз. Исполин, дико зарывчав, упал набок, тыча в Ивана обрубками. И тогда меч превратился в мерцающее «северное сияние» – оно полыхнуло небесными сполохами, отсекая огромные волосатые руки от плечей, распарывая чудовищную грудь, извергая потоки зеленой поганой крови.

– Ива-ан! Не смей! Ты убьешь его! Ты убьешь нашего сына-а-а!!!

Нет! Он не мог ей ответить сейчас, каждый миг был на вес золота. Но он знал, что не убьет, он лишь отсекал нечистую плоть... И все же монстр умудрился отшвырнуть его от себя единственной уцелевшей ногой. Иван снова ударился о стену, потерял ориентацию, грохнулся плашмя на пол.

Всего несколько секунд потребовалось ему, чтобы собраться, подготовиться к новому прыжку. Но исполина, вернее, его обрубков уже не было – в центре зала сидела шестилапая гадина с загнутым вверх хвостом-жалом и четырьмя клешнями. Она не была столь огромна, она была не больше заурядного наземного поликара. Но смотреть на такую тварь без содрогания смог бы далеко не каждый. Оборотень! Сыночек! По понятиям Пристанища – зург, овладевший техникой быстрых воплощений. Неужели он все забыл?! Или тут что-то иное? С волками жить по-волчьи выть, у Пристанища свои законы.

Скорпион медленно поползал на Ивана, тускло поблескивая зеленым хитиновым панцирем. Выпученные красные глаза на стебельках слегка подрагивали. По плодам их узнаете их! Иван усмехнулся, ежели выразиться по-русски: «Яблоко от яблони недалеко падает». Ну что ж, значит, было в нем самом нечто такое, что породило эдакую тварь, не одни нелюди планеты Навей тут виноваты, не изо всякого можно сотворить оборотня.

Алена сидела в своем хрустальном гробе, стиснув виски белыми руками. Она не могла больше кричать. Она молчала, но в глазах ее был ужас.

И вообще, все это походило на безумие. Внутри сверхсовершенного звездолета ХХХ-го века, в чреве всепроникающе-боевой машины величайшей цивилизации Вселенной, корабля, который обеспечивал полную и абсолютную защиту внутри себя, творилось недопустимое, невозможное средневековое побоище между человеком и какой-то гнусной тварью... Тварью? Иван досадливо передернулся. В том-то и дело, что не тварью, а точно таким же человеком, но облеченным в иную плоть и наделенным иным сознанием. Если бы было иначе, корабль парализовал бы эту «тварь» немедленно и переправил бы по гравиходам в бортовой виварий.

Острейшая клешня с оглушительным лязгом сомкнулась над Ивановой головой, тот еле успел пригнуться. И тут же другая сшибла его с ног. Клешни были на выдвижных конечностях... а Ивановы руки обычными, человеческими, короткими.

Он отскочил к стене, привалился к ней спиной. И выкрикнул:

– Опомнись! Посмотри на меня!!

Челюсти скорпиона разжались, и из них проскрипело:

– Я знаю, кто ты. И потому ты умрешь!

– Я твой отец!

– У меня нет отца! У меня есть только мать и Пристанище!

Прыжок зеленой гадины был столь внезапен, что Иван, ускользя от убийственных челюстей, разбил в кровь о хитиновый панцирь голову, чуть не вывернул руку – он проскочил между двумя усеянными шипами конечностями. И отчаянным взмахом успел защититься от ядовитого жала – меч рассек изогнутый хвост на две части. Следующим ударом Иван отрубил смертельный, серповидный коготь. Но сразу же клешни, стремительно брошенные скорпионом за спину, ухватили его за запястья, растянули, подобно распятому на кресте. Это было безвыходное положение. Иван, узрев игольно острую сжатую клешню, нацеленную ему прямо в лицо, сомкнул веки. Это все. Это конец!

Но вместо удара, острой боли, избавляющей от жизни, он ощутил вдруг на своем теле внезапную тяжесть – живую, теп-

люю, трепещущую. Влажные губы коснулись его щеки и тут же оторвались.

– Стой! Я прокляну тебя!!!

Мягкие женские руки обвивали шею и плечи Ивана. Она буквально повисла на нем, прикрывая своим телом от клешней, от челюстей оборотня, от самой смерти. Алена! Иван даже не видел, когда она успела выпрыгнуть из ячейки, добежать до них, взобраться на скользкую зеленую спину гадины, подпрыгнуть и повиснуть на нем.

– Стой!!!

Клешни мягко опустили их обоих на пол. Сын-оборотень был послушен воле своей матери. Но не во всем.

– Он заслуживает смерти! – проскрипело из челюстей. – Он бросил и тебя, и меня! Он предал нас! И он умрет!

Иван крепко обнял Алену, поцеловал в губы. Его глаза были мокры от слез, голос дрожал. И все же он прошептал ей на ухо:

– Отойди, мы сами разберемся.

– Нет!

Она не желала отводить своих рук, она защищала его, защищала как могла. Он был отцом их сына, он был ее любимым. И только он мог вывести ее из Пристанища. Он не виноват, что пришел поздно. Лучше поздно, чем никогда, он сделал все, что мог сделать, она знала это, и она верила ему – она видела свое прошлое и свое будущее. Временная петля давала ей возможность видеть все – и старость в долгих ожиданиях, и потустороннюю маяту в образе злого духа планеты Навей, она побывала везде, во всех предназначенных ей судьбою ипостасях – всего этого невозможно было вместить в себя. И потому Алена готовилась умереть, но не принять недопустимого. И все же...

– Любимая! Ты должна понять меня... нас! – Иван сжал ее руки, отвел от себя, отстраняя. – Потерпи еще немного!

Клешнелая гадина выжидала, не смея нанести последнего удара. Она и не думала отступить, смириться.

Иван подхватил Алену на руки, отнес к стене. Положил. Она не могла стоять сама, ноги не держали. Отошел. Он был готов к бою. Он был готов к смерти.

И тут в голове его щелкнуло. И голосом Первозурга возвестило: «Ты должен убить его! Ты должен уничтожить, стереть с лица Мироздания плод свой. И тогда я убью свое дети-

ще. Помни, Иван, мы с тобой уже не простые смертные, мы выше их – мы почти боги! Убей же его!»

– Сын мой, сын! – кричала еле слышно слабеющая Алена. – Заклинаю тебя, не поднимай руки на отца своего! Ты все поймешь! Ты сумеешь простить его!

Простить? Иван нахмурился. Да, он виноват перед ними. Ему надо было еще тогда, в подземельях Пристанища, пройти мимо нее, таких были тысячи – консерванты, биомасса, «спящие красавицы». Раньше это было только в мире планеты Навей, теперь это везде по всей Вселенной людей – десятки миллиардов человек превращены в биомассу, в регенерируемую плоть для воплощений в цепи воплощений, для создания новых более совершенных, по их меркам, существ. Он мог ее не заметить. И все было бы иначе. И не было бы «хрустального фоба», не было бы мук и страданий, не было бы расставаний, сына, ничего... не было бы самой жизни. И все же он виноват. Во всем виноват!

Иван отбросил парализаторы, сигма-скальпель, сорвал нагрудные пластины полускафа. Кровь все еще текла у него со лба. Но он не замечал теплых и липких струек. Он думал о другом.

– Что ж, пусть поединок решит, кто прав! – выкрикнул он прямо в горящие ярой ненавистью выпученные глаза гадины. – Ты пробрался сюда чтобы защищать мать?

– Да!

– От кого же, если не секрет?!

– От тебя! И ото всех прочих, кто нарушит ее покой!

– Нет! Нет!!! – закричала Алена.

– Да! – проскрежетал скорпион.

– И ты носишь на груди мой подарок?!

Ответа не последовало. Гадина явно растерялась. И это было неплохо, если она обладала такой способностью. Иван расправил плечи. Теперь он знал, что победит. Он верил. Без веры здесь нечего делать.

– Я все помню, слишком хорошо помню, – проскрежетало из-под брони хитина совсем глухо, – я помню наш прошлый бой, и твою ярость и злобу, и твою жалость. Мне не нужна жалость! Рожденный в Пристанище не должен знать жалости и давать пощады! Тебе нет места в этом мире! Ты лишний здесь!

– Я пришел, чтобы забрать вас. Обоих!

– Ты пришел напрасно!

– Тогда покажись в своем облике! И докажи это!

Бессвязный скрежет послышался в ответ. И тяжкий выдох обреченного. Членистоногая, клешнерукая гадина с отсеченным и наполовину восстановившимся хвостом, вдруг осела на задние конечности, задрожала, набухла, раздулась... и верхние продольные пластины толстенного панциря полопались. Изнутри, страшивая с себя ошметки клейкой слизи, поднималась человеческая фигура – рослая, могучая, жилистая.

– Сыно-ок! Не надо! Ты ведь не посмеешь... – запричитала из своего угла Алена. Она оправилась от первого потрясения и уже стояла на ногах, намереваясь шагнуть к ним, к отцу и сыну, к неслышащим ее мольб, но сил пока не было, и она только пошатывалась, скользя ладонью по стене. Она жалела, что проснулась. Лучше быть в забытьи! Лучше спать, ничего не видеть и не слышать!

Иван и сам стоял в оцепенении. В голове еще звучал голос Сихана Раджикрави. Убей его! Если бы Первозург знал, как это непросто – убить свое детище, даже если оно никуда не годное, совсем плохое, отвратительное, губительное, страшное... Нет, Сихан все знал. Иначе Пристанище давно бы погибло. А может, и нет.

Иван смотрел на сына – высоченного, крепкого, здорового, похожего на него самого как две капли воды, но немного увеличенного, раздавшегося и подросшего, точно такого же, только с ее, Аленкиными, глазами... и не мог сдерживать себя – левая щека мелко подрагивала в нервном тике. Это его сын! Единственный! Брошенный, преданный... но его!

А тем временем оборотень выбрался из чрева скорпиона. И встал перед тем, кто считал себя его отцом. В правой руке его был зажат сверкающий двуручный меч, в левой устрашающего вида палица.

– Сразимся в честном поединке, – предложил он сурово и непреклонно.

– Пусть будет по-твоему, – согласился Иван.

– Не-ет!!! – застонала Алена и закрыла лицо руками.

Убей его! Убей его!! Убей его!!! – молотом колотило в мозг. Иван рукавом оттер холодный пот. Вгляделся в сына. Сколько же ему лет? Он уже не мальчишка, но еще и не зрелый мужчина. Ничего не понять. Тут все перепутано! На вид они ровесники с Аленой – обоим годков по двадцать пять. Но Алена, по правде говоря, не родилась еще – она современница Первозурга и родится лишь в XXXI-ом веке. Сын на столетия

старше своей матери! Мать, пройдя витками Временной петли, прожила тысячелетия во плоти и вне ее, в обличий существа нетелесного. А он сам? Рожденный двести с лишним годов назад, сорока лет от роду, состарившийся в Пристанище до дряхлости и вернувший молодость на Откате три года назад... Шутки незримого и самого невероятного измерения – времени! Она поднялась из биочайки точно такой же, какой и легла в нее, а в промежутке, не вставая из своего «хрустального фоба», она умудрилась родить сына, превращенного зургами в оборотня, связать из мерцающей пряжи саван, уйти в Изгнание со странниками Пристанища, вернуться во Вселенную людей и явиться ему еще там, в рубке капсулы, в потайном дворце Синклита и в Секторе Смерти, явиться в образе злобной и мстительной фурии – задолго до их знакомства. Это было непостижимо! Но в этом была их жизнь, которая, как известно, у каждого своя.

Тело оборотня прикрывала грубая дерюга, лишь руки и ноги от локтей и колен были оголены. Дерюгу перепоясывал черный кожаный ремень, капюшон укрывал голову, не пряча ясных диких глаз. Это был отчаянно смелый шаг с его стороны. Да, он отчаялся, превозмог себя.

И ринулся на Ивана, поочередно выбрасывая вперед то меч, то палицу с кривыми зубчатыми шипами. Это была еще только разведка. Но и по ней становилось ясно, что силушкой сынок обладает недюжинной.

От первых выпадов Иван ушел с легкостью. Вынырнул у оборотня за спиной, не стал разить мечом, дал тому обернуться – только после этого плашмя, голоменью меча ударил по груди. Тут же отскочил, едва не рассеченный надвое.

Иван никак не мог решиться. Ему надо было убить сына. Во что бы то ни стало! От этого зависели судьбы земных миров. Алена поймет потом, смирится. Это будет их искупительной жертвой во имя спасения человечества. Да, именно так, ибо Благой и Всемогущий в образе Спасителя во второй раз на Землю не явится – Иван знал точно. Убей его! Легко сказать!

– Ты трус! – взревел оборотень, после того, как Иван отскочил в очередной раз, отводя меч.

– Нет!

Иван собрался в долю мига. Он был не один. С ним в этом миге были тысячелетия россос. Подвластные его воле кожные покровы и мышцы на мгновение, всего лишь на одно мгнове-

ние стали щитами Гефеста, обретая нечеловеческую прочность. Палица обрушилась на его плечо с сатанинской силой, обрушилась паровым молотом... и развалилась на две части. Оборотень застыл с оскаленным в яростном броске ртом, с обломком рукояти в дрожащей левой руке. Он не верил своим глазам. Он был ошеломлен. В этот самый подходящий момент достаточно было ткнуть в его живот мечом... Но Иван не смог, силы оставили его именно в этот миг. И он снова отскочил в сторону, давая противнику опомниться. Слабость! Проклятая человеческая слабость! Она не давала ему нанести решающего удара свирепому и беспощадному бойцу. Сын? Какой он ему сын! Они виделись лишь однажды, в еще более лютом поединке. Нет, это не его кровь, не его плоть, даже если когда-то давно он и зачал его. Нет, зурги все изменили, это их детище – и его надо убить, уничтожить во что бы то ни стало!

– Ну все, прощай! – процедил Иван, глядя прямо в серые глаза.

Он сделал два ложных выпада. Расслабил кисть, прожигая насквозь дикие зрачки оборотня. «Китайский веер» сотней искрящихся мечей заслонил его от противника и на завершении ослепительного, сводящего с ума круга втянул в свой водоворот тяжелый двуручный меч, вырвал его из сильной руки, отбросил далеко назад.

Теперь сын-оборотень был безоружен. Оставалось лишь смахнуть его голову с плеч или просто пронзить насквозь. Иван взмахнул мечом, выбросил руку вперед... и тут же резко отдернул ее назад. Трус! Он самый настоящий трус. Но он испугался не за себя. Ведь сын его и противник его был во своей собственной плоти, биомасса лежала шипящей, шевелящейся кучей поодаль. Одно движение – и ничего нельзя будет вернуть назад.

Убей его! Убей!!!

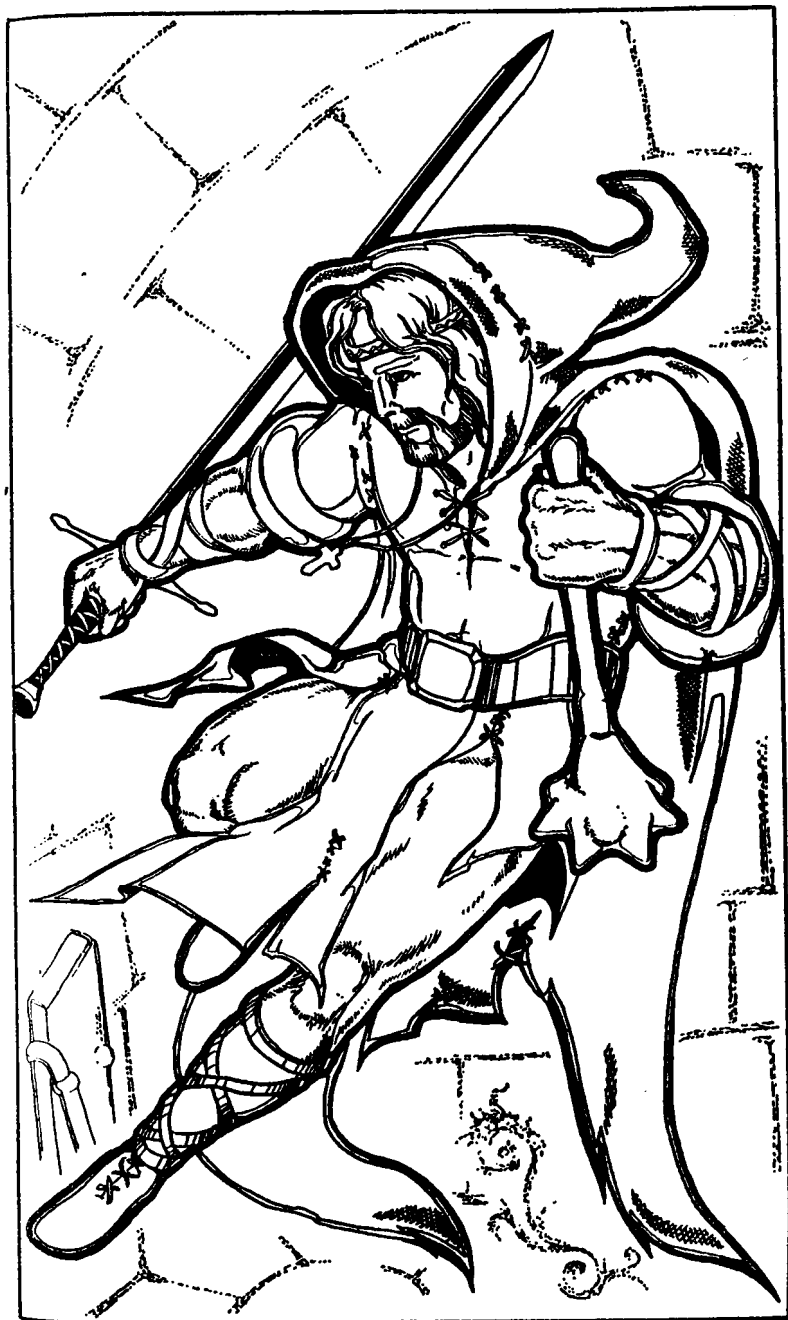
Острые меча рассекло дерюгу на груди оборотня, она свалилась капюшоном с головы его, обнажила плечи и грудь. Он откинул рванину, отодрав ее у пояса. Сжал кулаки, подался вперед, готовый биться до конца.

И что-то крохотное сверкнуло на груди его.

Крест!

Ивана будто огнем прожгло. Он его не выбросил! Носил! Берег! Значит, он все помнил! Значит, он берег память об отце! Как же так?!

Убей его!!!

Иван поднял меч для последнего удара. Он не имел права оставлять жизнь этому существу. Слезы лились по его лицу, подбородок трясся, руки дрожали... Но он должен был сразить оборотня.

– Прощай, сын!!!

Неожиданный удар в спину сшиб его с ног. Он не ждал этого удара, и потому повалился на пол будто юнец-первогодок, будто сноп сена, растерянный, недоумевающий, но не решающийся воспользоваться тайными и смертными приемами. И он оказался прав. Вслед за ним на пол упал тяжелый двуручный меч – Алена не смогла удержать его, она свалилась с ног, рухнула рядом с Иваном.

А на него самого диким барсом набросился оборотень, перевернул на спину, вдавил в серый ледяной пластик, вцепился в горло, зарычал в глаза. Свет смеркся пред Ивановым взором. Он видел лишь оскаленные крупные зубы и болтающийся на груди его убийцы простенький железный крестик. Но и это пропало. Натиск был неостановимый, звериный, беспощадный и, главное, внезапный. Иван понял, что пришла его смерть.

– Прости... – прохрипел он еле слышно.

И вот тогда Алена кинулась на спину сыну-оборотню. У нее почти не было сил, он мог ее отшвырнуть играючи, не причинив вреда. Но она успела, она взяла быстротой и сноровкой – крохотный бритвенно острый кинжал вспорол загибок оборотня и отлетел на пол. Тонкая белая рука впиалась в кровоточащую рану, дернулась, вздрогнула... и выдрала из загибка на свет белый крохотного полуживого желтенького червячка с багровыми глазенками. Алена скатилась со спины сына, ни на миг не выпуская извивающееся тельце из своей руки, подхватила кинжал и со всей силы вонзила его в пылающий ненавистью красный глаз. Червь трепыхнулся и замер,

– Отец! Отец!! – бывший оборотень, не обращая ни малейшего внимания на жгучую боль в затылке, на текущую по шее и щекам алую кровь, тормозил Ивана за плечи. – Очнись, отец!!!

Алена, закутанная в полупрозрачную хламиду из биочейки, положила его голову себе на колени и сказала:

– Ну, вот и слава Богу – все хорошо, что хорошо кончается.

Иван хотел было сказать, что до конца еще далеко. Но счел за лучшее промолчать.

Сын сидел, привалившись к стене, пригорюнившись. Он припоминал все, что было с ним в последние два десятка лет и кривился, хмурился – человеку трудно совладать не со своим прошлым. Но он знал больше, чем его родители – выхода ему из шара-звздолета нет, мир Пристанища теперь для него чужой. На Земле он никогда не был, его страшила эта черная, мрачная Земля. Отец показал ему свою планету-родину... нет, он не хотел туда. Там царил ужас.

Ивану тоже, стоило лишь прикрыть глаза, начинала мерещиться жуткая картина: пожарища в земной ночи, вулканы, извергающие не лаву, а насекомообразных гадин с вышученными черными глазищами и клювами, орды нелюдей, копошащихся в жиже океанов, превращенных в болота, гарь, смрад, безысходность... и пальба, реки огня и излучений, ад! Двух часов не прошло с тех пор, как они с Олегом – так нарекла Алена сына при рождении – вернулись из «рубки управления» звездолетом. Никакой рубки, разумеется, не было. Был узкий серый коридорчик со сферическим потолком, был раздвигающий стены и полы туман, был полет в вышине – теперь они оба висели в бездне, и Вселенная показывала им то, чего желали они, вернее, чего желал Иван, он один, он обязан был показать сыну «колыбель человечества». И он показал. Ему некуда было деваться. Они ничего не знали, они верили в него. А он... у него теперь была лишь одна надежда, на звездолет. Последний раз он связался с Сиханом Раджикрави почти сразу после поединка, лишь сознание упрочилось в его мозгу и вернулось в грудь и голову какое-то непривычное, почти детское ощущение чистоты и прохлады, Иван включил внутреннюю связь. Он не ожидал ничего худого. Ведь он выполнил обещанное. Он сохранил жизнь сыну. Но он убил – убил оборотня! Не он один, ему помогла Алена, неважно, главное, что оборотень мертв! Но он не успел сказать ни слова. «Ты обманул меня! – раздраженно прозвучал в мозгу голос Первозурга. – Ты схитрил, Иван! Ты не убил его! Выбирайся теперь сам, как знаешь! Прощай!» Связь прервалась. А Иван еще долго в прострации глядел на высокие своды, ничего не видя, ничего не соображая. Первозург предал его! Нет... предают друзья, а Сихан никогда не был его другом. Что же, значит, такой расклад. И вот тогда он повел сына в «рубку». Им двигало не одно лишь желание вновь увидеть Землю, поведать

о ней и ее трагической судьбе этому диковатому парню. Он хотел испытать себя, если звездолет подчинится его воле, они спасены. Нет... на нет и суда нет. Они прошли по узкому коридору, они воспарили в Пространстве, и из его мрака к ним выплыл мрачный шар, разросся, став огромным, черно-багровым. За десятки тысяч парсеков от Млечного Пути, из закрытого сектора альфы Циклопа макросозвездия Обратной галактики Черный Шар, вплетающейся шестью спиралеветвями в метagalaxy Двойной Ургон, они видели Землю так же хорошо, как если бы пролетали над ней на заурядном дисколете. Там многое изменилось. Там шла страшная, непонятная бойня. Методично, с разрядкой в сорок секунд, невероятно огромный корабль-матка Системы, сверхмогучий «Святогор-2», облетая планету по экватору, выпускал вниз залп за залпом! залп за залпом!! Он превращал поверхность в исполинское сито с тысячами черных дыр, теряющихся в клубах дыма, клокочущих вырывающейся из них розовой пеной. Два десятка серебристо-ржавых шаров скользили над самой почвой хищным косяком карателей – и жгли, жгли, жгли выползающую изо всех щелей и пор земли нечисть. Прямо на глазах у Ивана и его сына на пути одного из шаров раскрылось неожиданно жерло скрытого, пробуровленного рабами выползней вулкана, и вверх, на высоту двух километров ударила плотная беснующаяся струя раскаленной магмы. Она залила, скрыла из виду шар, повлекла его вниз, плавя, сжигая. На какой-то миг он вырвался из притяжения целого океана расплавленного металла, но тут же замер в черном небе дрожащей гаснущей звездой... и сопровождаемый оглушительным свистом рухнул вниз. Сердце у Ивана тревожно сжалось. Кто был внутри этого шара – Дил Бронкс? а может, Глеб Сизов? или Светлана?! Перед этим он долго пытался объяснить сыну, что происходит сейчас на Земле. Но тот, похоже, ничего не понял. Он парил в пустоте рядом с отцом и молчал, ни о чем не спрашивал. А «Святогор» продолжал крушить вражью силу. Гуг Хлодрик-Игунфельд Буйный не терял времени даром. Они дрались! И противник был не так прост, как казался, он овладел силами и внутренностями самой Земли. Он был неистребим! Иван видел страшных тварей, выбирающихся наверх – они кишели кишмя, их были миллиарды, десятки миллиардов. Он видел их прежде! Да, это было давно, в Лос-Анджелесе, на черной мессе, страшной мессе. Игла проникновения! Подземные инкубаторы! Тогда в миллионах прозрачных ячеек лежали в скрючен-

ных позах эмбрионов тщедушные, головастые тела... и они должны были лежать еще долго. Яростное пламя «Святогора» пробудило их! Эти твари выползали во тьму земной огненной ночи. Черепа с птичьими клювами, огромные глазницы с выкаченными глазищами, шесть многосуставчатых лап. Новая раса! Промежуточная раса! Они пожирали выползней, корчащихся в смертных муках, в пламени и в лаве, они тянули вверх свои конечности и зудели. Они не боялись излучений и залпов. И на месте уничтожаемых в перекрестиях сверхсильного огня появлялись новые – алчные, прожорливые, кишащие. Вот оно, демоночеловечество! Разве тут можно что-то объяснить! В смрадное дымное небо взлетали, не боясь ни бога, ни черта, ни всей мощи боевых кораблей, тысячи, сотни тысяч отвратительных монстров на огромных черных перепончатых крыльях. Они пытались гнаться за зеленоватыми сгустками энергии, гибли тысячами, выли, скрежетали, пищали, зудели, но, не исчезали, их не становилось меньше. Их становилось все больше. Иван скрипел стиснутыми зубами. Гуг! Старый и опытный боец! Воин! Неужели он не мог понять, это своим бесшабашным натиском, своим буйством лишь умножает легионы нечисти, способствует ее выходу из недр истерзанной, изъеденной взрывом планеты! Они изгнали его, они ввязались в страшную драку, в Большую Игру, которая разворачивается и идет не по их правилам! Безумцы!!!

Земля проплывала вниз. И Иван узнавал материки, горы, долины, засыпанные пеплом города. Он видел кипящие заливы Средиземного моря, полувыверженного, полувыкипевшего, превращенного в пузырящееся болото. Лава пробивалась к его поверхности со дна, фейерверками чудовищной мощи взметывалась вверх, осушалась остывающими комьями... в округ, насколько хватало глаз копошилась омерзительная нечисть, ее выносило из внутренностей прошившего земного шара, ее выталкивало наружу, она господствовала всюду: многометровые жирные щупальца тянулись к черным небесам, раскрывались жуткие клювы и пасти, содрогались студенистые тела... Иван косил глаз на сына. И видел, что того самого трясло. Он многое повидал в Пристанище... но про Землю он знал до сих пор совсем иное. Иван слышал его сопенье и отдельные глухие слова: «Убивать! Всех убивать! Жгите их! Жгите!!!» И этот туда же! И этому ничего невозможно объяснить!

Они висели над проплывающими внизу русскими равнинами. И сердцу не было места в груди. Огромные адские дыры-воронки багровыми взъяренными озерами бурлили внизу. Хищный клекот, визги, хлопанье перепончатых крыл, предсмертные агонии... и пламя, пламя, пламя всесокрушающих залпов. Земля горела во мраке ночи. Дороги, поля овраги России... черные мертвые реки, змеящиеся по мертвой земле. Горе! Ужас! Отчаяние! Наверное, надо было просто остаться там и умереть. Со всеми вместе! Иван с трудом узнал занесенные пеплом, огромные, почти бескрайние развалины Москвы. Так теперь выглядели все крупные города, их почти невозможно было отличить друг от друга. Но что-то в душе отозвалось тягучей болью. Это она, Москва! В ее пределах не бушевал адский огонь, не билась в конвульсиях истребляемая и нарождающаяся нечисть. Город был просто мертв. И только просвечивало что-то неясное сквозь наросты грязного, черного льда – золотистые искринки, блики отраженного неземного огня. Это были они. Купола! Иван прикрыл глаза, потом снова раскрыл их. Стоит Несокрушимая Твердыня, вопреки всему стоит! А значит, не все еще кончено!

Он сосредоточился, собрался, напряг всю свою волю – и дал команду «бортовому мозгу» звездолета: вперед! туда! к Земле!

Ничто не изменилось, не шелохнулось, не дернулось, не откликнулось на его страстный приказ-мольбу. Иван зажмурился, стиснул зубы. Еще раз! Он пробовал трижды. Но корабль не слушался его. Это было пределом всему. Они погибли... нет, они просто обречены навсегда оставаться здесь, в Пристанище, на планете Навей! И никогда Первозург не вытащит их отсюда по своему сквозному каналу! И никогда им не выбраться самим! Это конец!

Алену шар тоже не слушался, они пробовали еще тогда, бесполезно, для шара она была только биомассой, недаром подлец Авварон называл ее мертвой, он все видел, он все знал, теперь нет надежды и на его колдовскую, бесовскую силу... Оставался Олег. Он один. Но это вообще было невозможно. Олег никогда не жил в земных колониях, на Земле. Он ничего не знал, не понимал, он был оборотнем-зургом. Но Иван решился. Он протянул руку сыну, крепко сжал его кисть, притянул к себе.

– Слушай меня внимательно, – сказал он, заглядывая в его светлые, наполненные болью и гневом глаза. – Забудь обо

всем, зажмурься, соберись в комок... и представь абсолютно четко, как большой шар отрывается от плоскости. Просто представь. Ну, давай!

Он не отпускал его руки. Ждал. Но ничего не происходило.

Наконец Олег встряхнул головой с длинными русыми кудрями, открыл глаза, прошептал:

– Не могу, ничего не получается!

– Сможешь!

Иван сдал ему виски, прижался лбом ко лбу, передавая свою волю, свою веру

– Давай!

Он понимал, что сын, будучи могущественным оборотнем, обладал властью над живой и неживой материей. Но сейчас он освободился от чар, утратил свою нелюдскую силу. Надежда оставалась лишь на одно – на то, что звездолет, оставленный в этом мире его создателями перевозургами, поверит в него, рожденного здесь.

– Давай!

Черная Земля стала уплывать во мрак, исчезать. Но это ничего не означало, просто они перестали желать ее видеть. Одно дело быть зрителями, совсем другое властителями. Звездолетом такого суперкласса легко управлять, необычайно легко, доступно и младенцу. Но для этого нужно всего одно условие, чтобы «мозг» корабля доверился человеку, признал его за того, кто может властвовать над ним. Тридцатый далекий век! Иван никогда не бывал в нем. Но ведь Олег был не только его сыном, он был сыном Алены, рожденной в XXXI-ом веке! И других тут нет.

– Давай! – взмолился Иван.

И ощутил, как его чуть тряхануло, совсем немного. Но все сразу понял. Корабль послушался сына.

– Стой! – заорал он. – Стой!!

Олег раскрыл глаза и удивленно поглядел на отца.

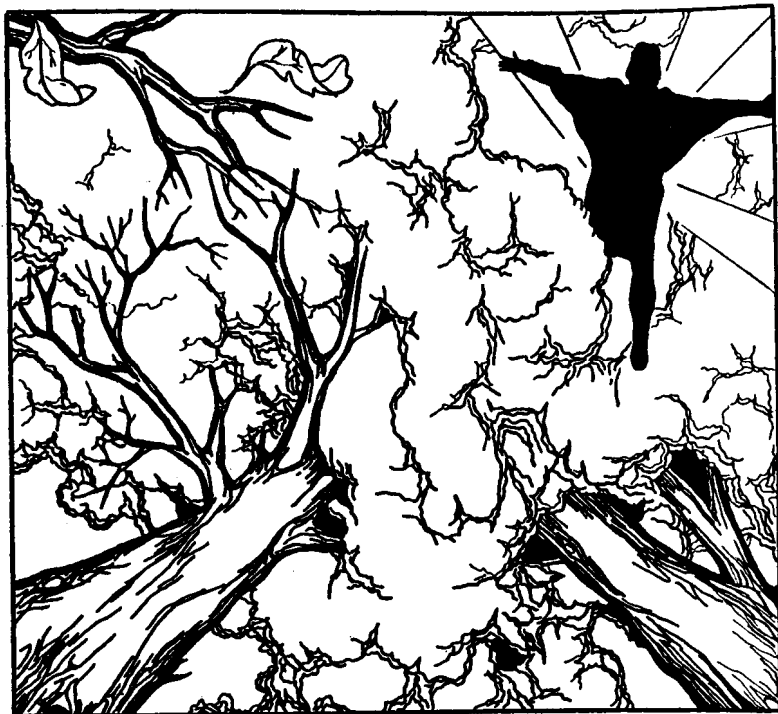
– Он подчинился тебе. Все! Мы победили! Но уходить отсюда еще рано... Пошли к матери, малыш!

Они вернулись в зал с высокими сводами. Иван еле дотронулся до стены, у которой сидела Алена, уткнулся головой в ее колени. И вспомнил Светлану.

– Все хорошо, что хорошо кончается! – прозвучало над ухом.

Иван не ответил. Он ожидал, что вот сейчас, после нахлынувших воспоминаний, после того, что было в «рубке», после слезы, упавшей из Алениного глаза на его щеку, опять навалятся сомнения, задавит тяжесть в груди, станет больно и тоскливо. Но ощущение чистоты и света не проходило. Он чист! Он прощен! Он прошел через круги очищения! Он воздал каждому по должному, он вернулся к себе... и значит, ему идти иной дорогой. Ничего, сын уведет звездолет к Земле. И Алена улетит с ним. Пришло время поменяться местами. Его ждет Старый Мир, и нет надежды на кого-то добренького и всемогущего, теперь он и сам доберется туда.

А они снова будут ждать. Может, не просто ждать. Они тоже наделены свободной волей. Время их сна кончилось. А ему пора!

Часть третья

СТАРЫЙ МИР

*Пристанище – Осевое измерение –
Старый Мир.
Параллельное время.*

Долгих проводов не было. Иван обнял Алену, поглядел на сына. Улыбнулся через силу, вздохнул и сказал на прощанье:
– Не поминайте лихом!

Рой кружащих серебристых и лиловых снежинок принял его в себя, вынес за пределы звездолета, мягко опустил на каменистую почву Спящего мира.

Иван нисколько не сомневался в сыне, он успел ему все рассказать и объяснить – они доберутся до Земли. И они будут под защитой этого чудесного непреступного шара, в сравне-

нии с которым все прочие корабли, капсулы, флагманы, косморейсера и боевые звездолеты Земли и Системы были просто детскими игрушками. «Бортовой мозг» не даст им ошибиться и погубить себя. А чужакам внутрь не прорваться. Все будет хорошо, все будет нормально, они продержатся до его возвращения!

Он отошел на сотню шагов, остановился, задрал голову вверх – на стоэтажную сферическую громадину, нависающую над землей, но не касающуюся ее. Он знал, у этого исполина хватит сил, чтобы вырваться из цепких объятий безумной планеты Навей, из этого чудовищного мира свернутых галактик и искривленных пространств. Чего же они медлят? Наверное, опасаются за него, дают возможность уйти подальше?! Что ж, он бы тоже немного выждал. С исполинами не шутят.

Иван отошел еще на сотню метров. Теперь он видел почти весь корабль, висящий огромной матовой луной в потемках вечной ночи Спящего мира.

– До встречи! – выкрикнул он и махнул рукой.

Они его видели, точно, видели. Почти сразу шар вздрогнул, тихонько загудел... и исчез. Не взлетел, не ушел в небеса, не сел на поверхность, а именно исчез. И сразу стало темно, холодно, сыро и неуютно.

Иван поехал, запахнул полы плаща, сотворенного из сыновней дерюги и побрел к развалинам замка. Побрел, припоминая, что именно там он добил гаденыша-колдуна, проклятого беса Авварона, что после этого Спящий мир на какое-то время пробудился, верша по обычаю своему зло и правду, а потом снова впал в дрему, свет в этом преддверии Пристанища был явлением редким. И плевать! Полигон слишком рано свернулся, они не успели отработать, отладить все системы да плюс ко всему сорок миллионов лет блужданий в иных пространствах... Иван не верил ни в какие «миллионы», это было иносказанием, за столь долгий срок здесь все истлело бы сотни раз, они блуждали не больше трех-четырёх тысячелетий! А может, не больше сорока? Или не меньше четырехсот?! Какое это имело значение! Все смешалось воедино. Полигон и Черное Благо. Планета Навей и Страшные Поля. Взбесившиеся, взбунтовавшиеся вурдалаки, смоделированные, запрограммированные, материализованные зургами-выродками и истинные выползны из потусторонних миров. Так всегда и бывает. Только так! В природе не существует ничего в чистом виде, сплошные смеси, наслоения, все-

ленский чудовищный компот, бурлящая каша Мироздания. И в этой каше верно лишь одно, верен закон Пристанища: «Куда бы ты ни шел, в каких временах и измерениях, если ты постоянно думаешь о цели – ты достигнешь ее!»

В замке было еще холоднее, стывшие ветра пронизывали его насквозь, заносили палую листву, целые ворохи листвы, хотя в этом мире не было ни единого дерева. Иван уже не обращал внимания на такие несуразности, принимал их за должное. Его мучило иное. Он хорошо помнил, каким образом в прошлый раз они «добирались» до поганого леса, до гиблого болота и самой избушки. Но путь тот был многосложный, утомительный, опасный... хитрый бес намеренно кружил Ивана в мороках наваждений, вел кривыми тропами. Негоже идти по его дьявольским следам и теперь.

– Ничего, разберемся!

Иван сел на широченную дубовую скамью, иссеченную трещинами и черную. Закутался в дерюгу с головой. Приздумался. Ему некуда было спешить. Он постиг эту нехитрую премудрость, вернее, ему внушили ее там, в Свете. Ему открыли глаза, и он научился видеть – он это почувствовал сразу после воскресения, еще в каменном гробе своем, узрев сквозь перекрытия и своды Золотые Купола, увидев стонущего под рабским ярмом Глеба... все было. Откроется дорога и ныне. Надо только изгнать лишнее, отвергнуть гордыню, ибо даже пройдя все Круги Очищения не имел он права сам себя считать безгрешным и чистым, не имел: одна мысль, что он единственный, избранный, посланный в мир, чтобы спасти его, могла погубить. Да, все так и только так, но это где-то вне его, там, где ему и должно быть. А внутренне он – лишь Меч в руке Вседержителя. Но ведь меч всегда послушен руке, всегда подвластен воле держащего его! Как же так?! А как же его собственная свобода воли?! Иван положил голову на дубовый стол, уперся в холодное дерево лбом, сдавил виски руками, отгоняя ненужное, внешнее. Как же так? Да очень просто – так бывает, когда две воли сливаются в одну, когда желания, стремления, помыслы едины! И нет в том никакого противоречия, наоборот – только так достигаются Высшие Цели, в единение с Волей Творца! И воля эта в том, чтобы идти прямым путем.

Пришло время приобщиться к избранным сынам Его.

Иван приподнял голову над столом. И взгляд его уперся в кучу рухляди и старья, наваленную у драной облезлой стены,

ту самую кучу, в которую постоянно нырял крысеныш Авварон, где он прятался и откуда выскакивал наружу. Тряпье?! Рухлядь?! Иван смотрел все пристальней и начинал видеть совсем иное: никакого ветхого мусора и тряпичной дряни в этой куче не было, видимость одна, морок, и самой кучи никакой нет, а есть черная дыра, непроницаемый для глаза провал, укрытый от неосторожного взгляда переплетениями бесчетного числа тончайших нитей, многомерной сложнейшей паутиной. Шлюз! Иван откинулся к стене, привалился. Это же обычный многоканальный шлюз-переходник, укрытый системой приемных фильтров! И фильтры эти паршивые пропускали туда-сюда Авварона Зурр бан-Турга в Шестом Воплощении Ога Семирожденного! Подлец и негодяй, «лучший друг и брат» все врал! Он водил Ивана за нос! Впрочем, это прояснилось еще давно, правильно говаривал Дил Бронкс – просто-та, она хуже воровства. Иван никогда не верил крысенышу, но каждый раз, поймав себя на том, что снова попался на его удочку, досадовал и негодовал. Русская душа, ну никак она не желала принимать подлости и обмана, даже от порождений самого ада! Теперь все равно. Теперь все в прошлом! Иван рассмеялся в голос. Прощай, скучный Спящий мир!

Он уже знал, куда попадет через минуту.

Паутина обволокла его, недоверчиво прощупывая каждую клеточку тела, сдавила, лишила дыхания. Болото! Он вспомнил болото в поганом лесу, вспомнил фильтр-гамак, паучьи гнезда... Ничего, надо немного потерпеть. Сейчас эта проклятая «паутина» сканирует его, просвечивает до мельчайших волокон, до молекул и атомов, потом она же немислимой силы импульсом швырнет каждый из этих атомов в отдельности в дыру, в черный провал шлюза – и за многие тысячи, а может, и миллиарды верст отсюда, в ином пространстве, в ином измерении точно такая же «паутина» примет мельчайшие частички в себя, впитает и воссоздаст его, один к одному. А ежели меж этими мирами есть пуповина, она просто протолкнет его из одной полости в другую, и плевать, что между ними десятки пространств и миров, тысячи световых лет и целые временные эпохи, пуповина связует полости вне измерений. И нечего удивляться, это простые переходники XXXI-го века, пора привыкать!

Иван зажмурился. И упал в прелое сено, в рухлядь и хлам старого чердака. Он не хотел открывать глаз, зная – вокруг миражи, одни миражи. И чердак, и сама избушка, и темный

ночной лес с воем то ли волков, то ли оборотней – неправда, и если в такой же путь по шлюзам и фильтрам отправить, скажем, звероноида с Гадры, тот увидит совсем другое, может, пурпурные джунгли и утробы живых деревьев, а может, лишайники-трупоеды и соломенные растрепанные хижины. Здесь нет ничего настоящего! Настоящее там, на Земле! Было! Иван со щемящей тоской припомнил те счастливые времена, когда они лежали с сельским батюшкой на чистой и зеленой травушке-муравушке, посреди чистого поля, под шуршащей зелеными прядями березой и под белыми пушистыми облаками. Там все было взаправду! Здесь все – злой морок я тоскливое наваждение, которые надо терпеть, ничего не поделаешь. Пристанище несокрушимо, и Система несокрушима – бегать по ним с кулаками и лучеметами, бить, громить, палить, взрывать, давить нечисть – все бесполезно. Но чтобы понять это, надо прожить жизнь.

Иван сидел на «прелом сене» я думал о тех, кто правил мирами Мироздания и о тех, кто под их пятой. Черви, слизни, комаришки, амобы! Глупо, страшно, цинично, омерзительно... но так оно и есть. Толпа не ведает планов элиты, не знает ее подлинной силы и слабости, но самое страшное, она и не подзревает, как эта элита относится к ней, к толпе. И вот приходит развязка. И никто ничего не понимает. И каждому воздается по делам его. Именно так. Ибо и безделье, нежелание ничего делать есть твое дело, за которое судим будешь. Вся Земля, вся Вселенная пылает в адском пламени преисподней, а в Пристанище тишь да благодать. Пристанище тихо перетекает через сквозные каналы в земные миры и при этом ничуть не убывает – таков закон Пристанища. Оно неостановимо, ото необоримо. Предначертанное свершается. Иван припомнил еще ту, первую для него парижскую черную мессу, на которую он прокрался тайком, тогда он ничего не понимал, тогда ему казалось, что все это игрушки для взрослых... а это не было даже началом, это было уже приближением развязки, конца. И вот Земля в лапах дьявола. А он сидит на старом чердаке и предается пустым философствованиям, вместо того, чтобы идти туда, где ему укажут единственно верный путь.

Иван открыл глаза. Многосложные нити паутин пропали. Он и впрямь сидел на куче тряпья, рванья и прочего мусора, обильно пересыпанного ломкой, прелой соломой и пучками высохшего сена. Все выглядело до ряби натурально. Тут же в хламе дожал и старенький, низенький колченогий стульчик,

на котором когда-то восседал всезнающий Лжехук, восседал и проповедовал ничегонеизвестному Ивану, издевался над ним как хотел, паясничал, глумился, но понемногу раскрывал глаза. Кто это был? Поди разберись!

Иван поднял стул, поставил его и осторожно сел на протертое сиденье. Почти сразу он увидел лежащего напротив, в куче соломы человека, почти обнаженного, в одних пластиковых форменных плавках на ремне... и был этот человек им самим, тогдашним, пробравшимся в «систему» Иваном. Налетело подобно вихрю неудержимое желание выложить ему, этому двойнику, еще только начинающему набивать себе шишки, все, выложить начистоту, объяснить каждый шаг в многомерных мирах, уберечь от страшных и непоправимых ошибок, спасти... Нет! В одну воду не ступишь дважды. Иван вскочил со стула, отшвырнул его от себя и видение пропало. Что это было? Может, и впрямь он сам являлся себе? Нет! Значит, у него были предшественники? Конечно, были! Это прежде он считал себя единственным, потом выяснилось, что и в Систему и в Пристанище забрасывали многих ему подобных, скажем, Рона Дэйка из проекта Визит Вежливости. Они наступали друг дружке на пятки. Они погибали, оставались в чужих мирах, в иных ипостасях, подобно тому же лешему-Дэйку. Несомненно, Ивана наставлял кто-то из них. Но сам он не годился на роль наставника, особенно сейчас, он не мог себе позволить лезть с головой во временную петлю – она захлестнет его шею, утянет в прошлое. Нет!

Избушка. Только в ней он найдет вход... Иван осторожно приблизился к дыре, ведущей в полутемную горенку. Если все правильно делать, он окажется внизу. И нечего психовать! Главное, спокойствие. Главное, надо помнить, что нет ничего – ни избушек, ни лестниц, ни хлама – а есть закрытые объемы, в который пускают далеко не всех, и есть люки-фильтры, множество люков, каждый из которых в зависимости от того, как ты в него лезешь, ведет в другие объемы других пространств. И все! Никакого колдовства, никакой аномальщины и бесовщины!

Он неторопливо спустил ноги в дыру, нащупал ступнями лесенку, шагнул вниз раз, другой, третий... луна в черном небе была по-прежнему шербоатой и мертвецки синей, волки-оборотни выли столь же нудно и тоскливо. Догорала зажженная им лучина Иван с шумом выдохнул, расправил плечи. Слава тебе, Господи!

Он не знал, куда идти, бежать или ползти дальше. Но он видел. Пуповина была где-то внизу. Ему повезло. Этот шлюз оказался воистину универсальным, надо трижды поклониться в ноженьки тем, кто его закладывал именно в этом секторе Полигона! Подлец, Первозург! Он был просто обязан идти с Иваном, но не пошел. Ну и ладно. Ну и черт с ним!

Иван ощупал руками простой дощатый пол, выскобленный добела, будто рачительная хозяйка избушки наводила в ней порядок еще сегодня утречком... Нет, не бывает тут ни утра, ни дня, тут всегда ночь, темень или сумерки с потемками, одним словом, Поганый лес. Иван прошел в сени, наткнулся по старой уже и доброй привычке то ли на корыто, то ли на таз, ушиб скулу. И замер. Пуповина-фильтр была где-то совсем рядом. Он опустил на четвереньки. Тяжелое медное кольцо само звякнуло под рукой. Оставалось лишь приподнять крышку и спуститься в подпол. Что Иван и проделал.

Он не ошибся – даже в беспросветном мраке подпола черным безысходным пятном чернел провал, окутанный слоями многомерной паутины. Это была дверь т у д а !

Оставалось сделать всего три шага, умудряясь не разбить себе затылка о множество непонятных балок и стропил, которые в совершенном беспорядке удерживали полы избушки. Иван шагнул... И захрипел от неожиданной резкой боли, ухватился за цепь, брошенную на горло, рванул. Его тут ждали! Прав был Сихан, они следили за ним! Кто они?! Еще две цепи обвили его ноги, дернулись в разные стороны, опрокинули. А он рвал железную удавку, и не мог ничего поделывать, задыхался, хрипел, ничего не понимал – ведь в подполе никого не было, точно, никого, чутье не могло его подвести, он слышал, видел, осязал в любых потемках. Значит, они выскочили откуда-то извне, рассчитывая на внезапность, значит, они знали с кем имеют дело, значит, они охотились именно на него! Иван закинул руки за голову, ухватился за концы цепи, рванул, что было мочи и перекинул через себя чью-то увесистую, сопящую тушу. Его тут же рванули на двух других цепях назад, растянули. Но не убили. Почему?! Значит, он нужен кому-то живым? Нет! Одновременно с двух сторон на его грудь обрушились два молота. Он успел собраться и включить барьеры за долю мига до удара, но кости затрещали, сердце тяжко ухнуло... и на какое-то время перестало биться. Он никому не был нужен живьем! Его убивали? Допотопно! Первобытно! Будто желая доказать ему перед смертью, что с ним можно

сладить именно так – грубо и дико, как с попавшимся в капкан зверем. И сила была на их стороне. Шейные позвонки трещали. Из последних сил Иван удерживал цепь душащую его, ломающую хребет. Он не мог сопротивляться. Все новые и новые цепи захлестывали его тело, распинали, раздирали, рвали... Он бился до последнего. Да, он вспомнил вдруг незабываемое, вспомнил, уходя в небытие, залитый кровью, с переломанными костями, с растерзанной грудью, вспомнил: «Каждый воин бьется, пока ему достает сил, а потом он бьется сверх силы своей...» Сверх силы? Как это?! Очередной удар разможил ему лицо, расплющил нос, сломал надбровные дуги. Да, его убивали – неторопливо, наверняка, на совесть. Но в голове, в мозгу звучало из иных сфер: «Слаб человек. Но я отворил дверь перед тобою, и никто не сможет ее затворить! Ни люди, ни бесы, ни ты сам!» Так было. И так будет!

Он ощутил вдруг тело свое свободным, сильным, невероятно сильным, сверх всякой силы своей. Одним рывком, не касаясь черного пола руками, он вскочил на ноги... И потемки развеялись» он обрел новое зрение. И увидел себя самого, избитого и изуродованного донельзя, лежащего в цепях, корчащегося от боли. И увидел шестерых здоровенных трехглазых уродов, тех самых, что сожгли его мать и отца, что пытали и вешали его в Системе, что устраивали боины на земных станциях и звездолетах. Это были воины Системы. И они чувствовали себя в Пристанище как дома, они, поочередно перехватывали концы цепей, били, били и били его распростертое и чудом еще живое тело. На размышления и философствования времени не было. Пришла пора биться сверх силы своей.

Иван подскочил к ближнему монстру и ногой ударил его в пах. Удар был убийственный – монстр переломился пополам, начал оседать на земляной пол. Но Иван не дал ему передышки, одной рукой он рванул на себя затылочные пластины, другой саданул в незащищенную мякоть – трехглазый дернулся и застыл навеки. Другие замерли, перестав бить беззащитное тело. Они явно не видели Ивана. Он понял это сразу. И потому дальнейшее было делом техники – в считанные минуты он управился со всеми. Он перебил их как щенят, как слабосильных и хлипких выползней. И он чувствовал, что мог бы справиться еще с десятком, с сотней. Это было неестественно и непонятно... «Никто не сможет ее затворить!» Иван оглянулся и увидел в дальнем конце почти бесконечного подпола Д-статор, здоровенный гиперторроид. Вот тебе и избушка! Но

это ерунда, это мелочи. Он окинул взглядом поверженных уродов. Скривился от досады. Надо было оставить хоть одного, разузнать, кто их послал. Поздно. Да и не самое это главное. Вот как с самим собою быть? Он опустился на колени перед собственным изуродованным, залитым кровью телом... и вдруг почувствовал, что неведомая и мягкая сила влечет его к нему, к этому месиву из костей и мяса. Он упал, слился с ним, затрепетал... и ощутил, что нет и не было раздвоения, что это он сам – целый, невредимый, немного усталый, с чуть приметными синяками и кровоподтеками на руках. Но ведь трупы негуманоидов лежали перед его глазами – страшные, искореженные, однозначно безжизненные. Он встал, пнул ногой ближнее тело. Оно дрогнуло, оно было настоящим, не призраком, не наваждением.

Значит, ему дано биться сверх силы! Значит, это был не сон, не бред – он был в Свете! и он послан в мир! и в него верят! Иди, и да будь благословен!

Иван стяхнул оцепенение.

Провал ждал его, зияя своим мраком. Нельзя останавливаться. Это закон не только Пристанища, это закон Жизни. Надо всегда идти только вперед – и тогда обязательно придешь к цели.

Паутина засосала его, сдавила, обволокла, прощупала, просветила, разложила на невидимые частицы. И выпихнула в молочно-белый туман.

Иван чуть не выругался вслух. Только Осевого измерения ему еще не хватало! Он рассчитывал прямым ходом угодить в Старый мир. И он совсем позабыл, что дорога в него шла через Осевое, и нечего злиться на шлюзы и фильтры. Дорожку эту давненько протоптали беглецы из секретного сектора Дальнего Поиска, которые, как он сам выяснил, последние годы работали на Синклит, и которых след простыл.

Он стоял по колено в белесом тумане и уныло глядел на серые пики скал. Куда идти? В Осевом нет шлюзов-переходников, нет даже простеньких Д-статоров, Осевое это мир призраков и теней. И туман, обволакивающий ноги, вовсе не туман, а растворенные в здешних полях неприкаянные души. Их много, им нет числа, они проходят через свое чистилище. Но причем тут он? Он ведь чист!

В Осевом измерении нет направлений, нет дорог, здесь все туманно и призрачно. Оно и разделяет Старый Мир и Но-

вый, но где эти границы, где черта, через которую надо переступить. Тяжко слепому без поводыря!

Иван прошел метров двести. Присел на замшелый валун. Раньше он приходил сюда, чтобы увидеть ее, Светлану. Теперь у него нет в Осевом близких и в душе его нет пятен, ему нечего бояться наваждений и преследований. Он сидел и думал.

До тех пор, пока из-за спины не послышался тихий голос:

– Она приходит каждый вечер. И душит меня, понимаешь, душит!

Голос принадлежал Арману-Жофруа дер Крузербильд-Дзухмантовскому, рекомому в кругу друзей Крузей.

Иван не стал оборачиваться. Призраков нельзя притягивать, иначе потом не отвяжешься. Просто он убедился окончательно, Крузи среди живых нет. А приходит к нему по вечерам никто иная как Афродита, подлая и лживая любовница Хука Образины, которую он повесил на ее собственных простынях в Дублине.

– А вчера я обернулся, – продолжал Арман, – а это не она, это тот самый выползень, который высосал из меня кровь. Зачем он пришел? Что ему еще от меня нужно?! И так все отнял, жизнь...

Иван не удержался.

– Выползень пришел за твоей душой, – прошептал он, – но не бойся, он не отберет ее у тебя. Терпи, Крузя!

– Повернись!

– Нет, спасибо.

– Ты не хочешь повидать старого друга?

– Мой друг давно в сырой земле, а душа его на небесах.

– Ну, а я кто тогда?!

– Ты... – Иван задумался. – Ты сосуд, в который вливается... нет, не душа, а лишь ее тени, ее следы, оставленные повсюду.

– Спасибо, утешил!

– Ты не нуждаешься в утешении, – сказал Иван, прикрывая глаза ладонями, чтобы призрак исподволь, сбоку не влез в поле его зрения. – Ты не наделян душою, ты лишь мятущийся дух, а это разное, Крузя. Уходи!

– Нет! Я не уйду, ты сам привязал меня к себе, я не могу уйти.

Иван тяжело вздохнул – век живи, век учишь, влип как мальчишка, первый раз попавший в Осевое. Теперь пойдет морока.

Он резко обернулся.

На валуне спиной к нему сидел покойный Артем Рогов. Он его сразу узнал по шраму на шее. Худой, жилистый, сутулый. Он обдурил Ивана, запросто обвел вокруг пальца – тоже еще Арман-Жофруа! Лучше было не смотреть.

– Ты зря убил меня, – бесстрастно изрек Артем.

– Я тебя не убивал. Ты сам сорвался в пропасть.

– Нет, это ты меня убил. А ведь я шел в Желтый шар, чтобы покончить с этой сволочью!

Иван снова обернулся, вгляделся в спину – нет, это не сутулость, это переломанный хребет, он так и не выправился... и дыра в затылке, запекшаяся кровь. Ошибся, он думал, что Артем выстрелил тогда себе в грудь, а он взял да продырявил собственную башку. Да так и остался в Осевом, только перешел из разряда живых в разряд неприкаемых.

– Ничего, Артем, – успокоил его как мог Иван, – я за тебя посчитался с ними... и тогда, и позже!

– Я не хотел работать на этих гадов!

– Да ладно, чего уж теперь. Я верю, многие влипли сдуру, Синклит умел опутывать, я это понял позже... да что толку! – Иван невесело рассмеялся. – Ты меня прости, Артем.

– Если бы не подлец Голд Зовер, я давно бы поднял ребят. Его специально приставили ко мне, стукача поганого, суку подлую!

– Плюнь! И забудь!

Туман начинал клубиться, это было нехорошим знаком. Но назад не повернешь. Осевое измерение – Столбовая дорога Вселенной, обитель мучеников и страдальцев. Иван начинал различать в клубах отдельные лица, искаженные болью, раскрытые в крике рты, тянущиеся к серым небесам руки. Они почуяли присутствие живой плоти. Надо уходить.

Но Иван боялся спугнуть Артема Рогова. В тот самый «сосуд», что он притянул к себе запросто могла влиться иная субстанция. Нет, уж пусть лучше Артем.

– Зачем ты ушел из Старого Мира, ведь многие остались в нем?

Рогов повернул к Ивану лицо, изуродованное и шрамом от уха до уха, старым еще, заполученным на Замгамбе, пятой

двойной планете системы Единорога, и свеженькой дырой, разнесшей полщеки.

– Там слишком хорошо, Ваня, для нас, грешных, нам там не место.

– А те, кто остался?

– Они просто дураки. На них там смотрят как на животных, как на пса, который с мороза забежал в теплый подъезд, которого просто жаль выставить обратно. Я не хочу так.

– Но ты знаешь туда дорогу?

– Конечно.

Оставалось попросить о главном. Но язык не поворачивался. Иван сидел сиднем и глядел, как густые и цепкие языки тумана лижут его сапоги. Он не спешил. Все так же как и всегда не хватало времени. Не хватило его, что бы толком побеседовать со своими друзьями-товарищами, переубедить их, не допустить бессмысленной бойни. Не хватило его на Алену, с которой не виделся целую вечность, и на родного, позаброшенного им самим сына, уж с ним-то он обязан был сродниться, свыкнуться – не чужая кровь. Не хватило даже на то, чтобы разобраться в подполе с трехглазыми уродами – осмыслить, понять... что понять?! что в мире не все поддается объяснениям?! это он и так знал. Раньше не было покоя, была суета и страшная неразбериха кругом. Сейчас покой пришел, и он разобрался с этими треклятыми уровнями и пространствами, но ведь вне него ничего не изменилось, неразберихи и хаоса не убавилось, и никогда не убавится. И прав был покойный батюшка, прав: нечего соваться куда не след! человек должен жить в том мире, где был рожден – попросту говоря, где родился, там и пригодился. А его, Ивана, все носило по чужим порогам... вот и постой у этого чужого, поклоняйся, впустият или не впустият? А если бы не было никакого Артема, ежели б не та дикая битва в Осевом?!

– Я проведу тебя в Старый Мир, – сказал призрак. – Пошли!

– Пошли!

Иван встал. И почувствовал, как его ноги оторвались от каменистой почвы. Он поднимался вверх, он парил над молочным туманом, из которого тянулись к нему бледные и тонкие руки. Он и не подозревал раньше, что способен летать – просто так, без помощи всяких приспособлений, антигравов и прочего. Хотя от Осевого можно было ожидать чего угодно.

Призрак парил рядом, но при этом оставался совсем не похожим ни на птицу, ни на ангела – какой там ангел с переломанным хребтом! Ему суждено оставаться таким, пока он здесь, потом станет лучше... или хуже, никто не угадает. Главное в другом, он простил Ивана. А Иван простил его. Прощение и понимание пришли с опозданием, но пришли. Никому не стало от этого легче. Какое там облегчение, когда во Вселенной людей идет безумная, уже проигранная война, и даже не война, а просто бойня, в которой убивают не единожды, но бесчисленное число раз, убивают бесконечно, до умопомрачения и утраты души, до растворения ее во мраке. И Артем знал об этой бойне. Лучше бы ему и не знать» подобно неприкаянным, тянущим свои хлипкие руки, разевающим в беззвучном протяжном вое рты. Что толку выть и стенать! Что толку молить и просить! Ничего не изменится, такова сама природа Жизни и Смерти – цивилизация землян тысячелетия назад пришла в Жизнь, теперь она ее покидает, кончилось ее время, она издыхает в агонии... Нет!

Иван прянул руку призраку.

И тот сжал его ладонь.

И они взмыли вверх. Взмыли, теряя ощущение верха и низа. Иван ожидал, что окоемы раздвинутся, что он узрит бесконечную череду скал. Но получилось наоборот – их словно окутало молочным пушистым туманом, как ватой, запорошило глаза, оглушило, что-то тяжелое и неостановимое навалилось со всех сторон.

– Ничего не бойся, – прошептал в ухо Артем. – Все нормально, мы стоим там же, остальное только кажется, понял?

– Нет, – просипел Иван.

Старый Мир не за горами, к нему не надо идти. Он сам вбирает в себя... надо только вызвать его.

– Вызвать?

– Да, есть коды. Но ты меня больше ни о чем не спрашивай, Иван, ты десантник и я десантник, я помогу тебе как брату. И никакие коды тебе больше никогда не понадобятся...

– Почему?! – Иван попытался вырвать свою руку из руки Артема. Но тот держал крепко, железной хваткой.

– Ты останешься там. Новые миры гибнут. Тебе незачем выходить!

– Нет! Ты не имеешь права!

– Имею! Должен хоть кто-то уцелеть из наших. Хватит смертей!

Иван вздрогнул при слове «наших». Значит, Артем, несмотря ни на что, причислял себя к «нашим», значит, действительно свой. Сколько таких погибло зазря! Проклятая, подлая жизнь, почему ты не даешь смертным исправить свою ошибку, искупить, пережить заново час слабости! Спорить бесполезно, ежели Рогов что-то втемяшил себе в голову, то на ней можно хоть кол тесать, ничего не изменишь. Теперь Иван и сам ощущал, как из чего-то непостижимо большого и прекрасного, светлого и чистого к нему, застывшему в сгущенной белизне тумана, выдвигается невидимая и полуживая труба, как она притягивает к себе, засасывает – еле уловимо, мягко, неспешно. И еще он ощущал, как разжимается рука Артема, как пропадает в белой вате его затихающий голос: «Про-о-щай!».

Он уходил из Осевого. Его вбирал в себя мир иной, неведомый.

Но прежде, чем рассеялись последние клочья живого тумана, перед Ивановыми глазами, вырвавшись из уходящей белизны, проступило искаженное болью лицо, женское лицо с растрепанными, разметавшимися волосами и глазами, полными отчаяния, мольбы, ужаса. Светлана!

– Назад! – заорал он что было мочи, раздирая горло в нечеловеческом крике. – Наза-а-ад!!! Оставьте меня в Осево-о-ом!!!

Раскаленным обручем стиснуло голову. Замерло пронзенное болью сердце. Он все понял, понял в единый миг – она умерла! она погибла в той лютой бойне, что шла на Земле! Она ушла навсегда, пока он прохлаждался в Пристанище и здесь! он не смел ее бросать! наза-а-ад!!!

Искаженное мукой лицо растаяло в тумане.

И сам туман пропал.

Вернулось ощущение тяжести, прохлады. Он лежал на земле, обычной терпко пахнущей земле, уткнувшись лицом в густую траву – самую настоящую, земную, лучшую в Мироздании траву. И ветер легкими, нежными струями своими холодил его спину, затылок. Он лежал и плакал, навзрыд, сотрясаясь всем телом, не желая ничего видеть вокруг, моля об одном – о смерти. Светлана, бедная, несчастная Светка! Он не имел права бросать ее. Не имел!

– Успокойся, сын мой.

Теплая и мягкая ладонь легла на его затылок. Голос прозвучал столь знакомо и близко... будто не было долгих лет,

будто не было ничего. Иван повернул голову, приоткрыл глаз. Рядом, прямо в траве в черной рясе, с непокрытой седой головой сидел батюшка, его стародавний друг и собеседник. А вокруг простиралось зеленое привольное поле, обрамленное далекими зелеными лесами, и высилась над ними береза, склоняя свою зеленую, чуть трепещущую на ветру крону... как многие годы назад.

– И это... Старый Мир?! – спросил Иван сквозь слезы, удивленно и ошарашенно.

– Это просто мир, – ответил батюшка, – все остальное нынче называется иначе. Успокойся, Иван, здесь тебе ничто не грозит, поверь мне.

– Ее убили! – прохрипел Иван.

– И тебя убивали, сын мой. Смирись с неизбежным. Она не останется там, ей определено другое.

– Ты все знаешь?!

– Я знаю, что есть, не более того. Успокойся.

Мягкая ладонь, из которой исходило тепло и покой, легла Ивану на лоб. И он сразу перестал дрожать, расслабился. Он смотрел в знакомое до слез небо – синее, бездонное, изукрашенное белыми кучерявыми облаками, родное, русское небо, защищающее от сил тьмы лучше, чем километровые слои бронетитана, чем миллионы нацеленных во мрак ракет. Но он уже знал, что это небо не то, не старопрежнее, это другое небо – вечное и неподвластное.

Ивана почему-то перестало удивлять, что батюшка, убитый давным-давно теми, кто шел по его, Иванову, следу, и похороненный на тихом сельском кладбище, жив, здоров и невредим. Откуда-то издалека, из этой небесной синевы, пришло понимание – здесь так и должно быть. И никакой это не загробный мир, не рай небесный, а нечто совсем иное, необъяснимое.

– Я хочу увидеть ее... – попросил он как ребенок.

– Потом, – пообещал батюшка. Пригладил растрепанные седые лохмы. Поглядел на Ивана проникновенно, с прищуром.

Тому показалось, что вот сейчас опять завяжется бесконечный их спор о человеке мятущемся, о Земле и Черной Пропасти, в которую падают все миры... но предчувствие это развеялось. Тут не о чем спорить, тут все и так ясно. Иван приподнялся, подошел к березе, привалился к ее стволу. И сразу почувствовал себя сильным, как это дерево, открытым

всем ветрам. Светлана! Она умерла, ее больше нет. Где нет? Там, на Земле, во Вселенной людей? Но ведь и его там нет, и Армана там нет, и батюшки, и отца с матерью... и что с того, что это меняет? Успокоение. В обретении его начинаешь понимать, что не даруется оно раз и навсегда, но нисходит волнами, теплыми дуновениями. Так и должно быть.

Он вспомнил рассказы бледного секретника про Старый Мир. Он убил этого несчастного, убил собственными руками – предателей не прощают. Но тот еще до смерти много чего поведал: и про то, что в Старом Мире живут не люди, а боги, что там человек прозревает и обретает слух, что после Старого Мира уже невозможно, тяжело, нудно, горестно и погано жить в мирах новых, и что кроме новых миров за пределами Старого Мира ничего нет, все новые: вселенные, системы, пристанища, осевые и прочие измерения, преисподняя, все пространства, все, что образовалось после всей череды больших взрывов..., что только там и начинаешь понимать: – есть всего лишь две полости в Мироздании Бытия. А еще он говорил, что из Старого Мира все прочие миры видны насквозь, будто перед аквариумами сидишь и глядишь на тех, кто и не подозревает, что за ними следят... он говорил о чудесах. Но Иван не замечал никаких таких чудес. Трава как трава, поле как поле, небо синее и вечное.

– Я должен увидеть ее! – повторил он с нажимом.

– Хорошо, – батюшка склонил голову, – здесь ты властен во всем. Я знаю, Кто тебя прислал. Но я знаю и другое – благое дело не терпит суеты. Ты чист и светел. Ты хозяин здесь. Но всегда помни, зачем ты послан сюда...

– Я помню!

Ему не нужно было много, он хотел лишь увидеть ее – в последние часы, в последние минуты, ничего больше. И он увидел.

Синь перед его глазами стала до невозможности прозрачной, утекла куда-то в стороны. И открылся ад земной. Не на экранах, не в объемных голопроекциях, а всей реальностью своей, зримой плотью.

На Земле не было таких воронок, не существовало таких впадин. Ржаво-черный шар, колеблющийся в багряных языках пламени, опускался в неимоверной величины черный провал. Тучи демонов, рогатых, крылатых, бешено, истерически клекочущих, стаями выпархивали из каких-то мрачных гнезд в стенах провала, бросались на шар и отлетали обугленными,

трясущимися комьями, застывали на миг в черном дрожащем воздухе тягучего пожарища, падали в извергающиеся снизу тонкие струи лавы. А шар неудержимо и натужно шел вниз, в геенну огненную, в ад. Время от времени он выпускал из себя гроздь молний и мерцающие сгустки, они разрывали тьму, пробивали путь... Это было страшно. Это было вдвойне страшно, потому что, Иван знал, внутри шара еще жила она, Светлана.

Большое логово нащупали со «Святогора». Кто бы мог подумать, что оно окажется под развалинами старого тихого Вашингтона, позаброшенного еще полтора века назад, захолустного городишки. Щупы звездолета-матки и локаторы «черного сгустка» Цая ван Дау засекли в этом заброшенном пустыре, точнее в норах под ним, уходящих на десятки миль вниз, такую силу нечисти, такую концентрацию инферно-полей, что остатки седых волос на голове у Гуга Хлодрика встали дыбом.

Церемониться с врагом не было смысла. И «Святогор» под унылые присказки унылого Дила Бронкса засадил в логово два глубинных заряда подряд. С карательным рейдом вызвались идти Глеб Сизов и Кеша. Но после побоища под Парижем, после того, как чудом удалось выбраться из сатанинского котла, Гуг Хлодрик запретил ходить парами, надо было шадить бойцов, и так по пальцам пересчитать. Светлана распихала налево-направо обоих добровольцев.

– Пойду я! – сказала она с такой решимостью, что Гуг не выдержал, отвел взгляд. А Лива, утратившая после пробуждения свою твердость и силу воли, расплакалась.

– Пойду я!

– Иван просил беречь тебя, – глухо процедил Кеша. Но это высказывание лишь распалило Светлану. Они просто забыли, что она не только жена бывшего Верховного, не только женщина, но и боевой офицер Дальнего Поиска.

Она не сказала больше ни слова. Но вопрос был решен.

На матке еще оставалось две дюжины шаров. Светлана не выбирала. Каждый побывал в бою, каждый был полностью укомплектован боезарядом – шестиногие «муравьи»-киберы несли службу исправно. И не в этом заключалось дело. После вылазки с Иваном они так ни разу и не зарывались в недра планеты, не пытались пробиться внутрь и разобраться с нечистью. Они выжигали поверхностные слои, один за другим,

методично, беспощадно, сатанея от тяжелой и гиблой работы. Нечисти становилось все больше. Порой Земля казалась Светлане каким-то огромным червивым плодом, все внутренности которого выела омерзительная, копошащаяся внутри мразь. Она уже не верила в освобождение рабов. Ей двигала жажда мщения.

Сверху шар прикрывали всеми силами. Лишь шесть патрульных звездолетов, управляемых Цаем с его «сгустка» висели на геостационарных орбитах. Все остальные обеспечивали прорыв Светланы.

А она, опускаясь в гигантскую воронку, мечтала об обычной десантной капсуле, которая как ножом масло резала любой грунт. Но где сейчас взять капсулу?! Она верила, что именно в этом поганом логове таится голова той чудовищной гидры, что опутала всю планету. Без веры она бы и не пошла вниз. Смертники! Они все смертники, они все обреченные. И бежать некуда, от себя не убежишь.

Здоровенные пузыри вспучивались на дне воронки. И лопались, выпуская наружу в зловонных клубах пара сотни крылатых гадин. Силовая защита отбивала струи лавы. Бортовые радары показывали, что еще глубже, буквально в двух-трех тысячах метров что-то есть, непонятное, темное, инородное... инородное во чреве Земли?! Светлана увеличила скорость. И дала полный пробойный залп – бить так бить! Тучи пыли, грязи, пены и пепла ударили на километры вверх, выбрасывая из воронки всю нечисть и мерзость. Удар был направленный, мощный – и он пробил туннель к этому непонятному и темному. – Вперед! – Светлана вжалась в кресло. Страх не было. Были ярость и азарт. Даже если придется погибнуть, она все равно успеет уничтожить поганую гидру.

– Вниз!!!

Почерневший в побоищах шар ворвался в туннель с оглушительным ревом, готовый нанести молниеносный удар по любой появившейся цели, готовый сокрушить любую твердыню.

Но никакой твердыни за туннелем не оказалось. Звездолет вынесло во мрак и пустоту. Он сразу оглох и ослеп. «Бортовой мозг» ничего не понимал и ничего не мог объяснить. Такой пустоты и мрака внутри Земли не должно было быть!

Светлану потрянуло так, что чуть не выбросило из кресла. Перегрузочные системы не срабатывали. Посланные радарами

корабля лучи ушли в пространство и не вернулись. Шар висел в пустоте – безмерной и бесконечной.

Сквозной канал! Светлана поняла, что случилось, когда было поздно. Вот он, Сквозной канал, она угодила прямо в него! Здесь пусто, здесь ничего нет! Но отсюда есть проходы и в Пристанище, и в Систему, и в саму... преисподнюю. Нет, она не собиралась сдаваться просто так. Они еще поборются! Пока «мозг» звездолета послушен ей, она поспорит с судьбою, не все кончено!

– В Невидимый спектр!

Шар задрожал мелкой дрожью. И мрак на экранах исчез. Расцвели мохнатыми бесконечными лианами лиловые переплетенные в замысловатых узорах структуры. Зрение обострилось до нечеловеческой силы и ясности, открылись невидимые, но опутанные все теми же сплетениями дали. Надо было найти лазейку между ними, дорожку – это и станет выходом. «Мозг» работал на полную, не щадя себя. Светлане оставалось только ждать. Она не могла рассчитывать на помощь Гуга Хлодрика, Дила Бронкса и других. Она сейчас далеко от них, далеко от Земли, вероятно, за тысячи парсеков. Кто бы мог подумать, что «дыра», уходящая в иные измерения и пространства, окажется именно там, под третьеразрядным захолустным городишком, в котором последние двести лет жили одни дебилы и наркоманы. Поздно! Ожидала одно, а получила другое... еще и неизвестно что.

– Вот ты и попала в мышеловку. Мышка! Громовой голос прогрохотал снизу, даже серый пол затрясся.

Светлана узнала этот голос – старческий, дребезжащий, тусклый. Он мог принадлежать лишь бессмертному, насосавшемуся крови многих поколений выродку. Вот она – Игра. Игра по чужим правилам!

Обзорные экраны съезжились, сморщились будто обгоревая пленка, стекла жижей вниз. И прямо на сером бронеметалле обшивки выпучилось дряблое, отвратительное лицо.

– Ты узнаешь меня?

– Да!

Еще бы ей не узнать Мертвеца-Верховника, властелина Зала Отдохновений, злого гения ее последних лет. Он пришел за ней, за ее жизнью. Он все-таки обыграл ее!

– Ты очень глупая мышка, – снисходительно протянул старец, – с тобой неинтересно играть. А ведь ты возомнила, что погубила меня в каменном мешке заточения, что сожгла

мое тело... и-ех, простота – хуже воровства. Разве я тебе не говорил, что единосущ во множестве ипостасей? Говорил. И вот ты сама пришла ко мне... Глупая мышь всегда сама бежит в лапы к кошке.

Светлана оцепенела от ужаса. Ей стало холодно, невероятно холодно, будто весь холод Космоса проник внутрь нее. И все же она нашла в себе силы, она выхватила одновременно с двух сторон оба парализатора, висевшие на ее бедрах в кобурах, и вlepила двойной очередью в огромное уродливое лицо. Поверхность брони вздыбилась, покрылась пузырями и тут же сделалась гладкой и чистой.

– Не бойся, я не притронусь к тебе...

Иван все видел. У нее было лицо точно такое, как там, в Осевом. Ужас, отчаяние, боль. Он видел все. Изнутри и снаружи. Корабль-шар незримо, непонятными, чудовищными силами в мгновение ока разодрало на две части, будто орех – обе половины разлетелись, сгинув во мраке. И какую-то долю секунды она, Светлана, нежная, живая, теплая и беззащитная висела в пустоте. Висела, откинув назад голову с разметавшимися русыми волосами, сложив крест-накрест руки на груди, поджав колени. Ее разорвало в клочья – словно в ночи вспыхнула ослепительно-алым цветом и погасла сверхновая звездочка. От нее не осталось ничего. Черная Пропать, в которую падали все миры во все времена, поглотила и эту малую каплю жизни. Ничего – ни любви, ни мук, ни отчаяния, ни боли.

Иван сдавил лицо руками. Прав был батюшка, не надо видеть такого, не надо. Она умерла. Ее больше нет.

– Она обрела бессмертие, – прозвучал совсем рядом тихий и добрый голос.

– В Осевом, – мрачно откликнулся Иван.

– Для бессмертных душ нет барьеров, – стоял на своем батюшка, – она взойдет к Свету. Не печалься о ней. Печалься об утративших души, погрязших во мраке – их много, неисчислимо много, переходящих из нор земных в воды черного океана.

– Мне плевать на них! – зло обрубил Иван.

– Нет, сын мой, твой язык сейчас не принадлежит тебе. Ты еще слаб. Но ты будешь сильным.

Иван открыл глаза, прогоняя страшное видение. Белые облака плыли по синему небу, перекачивались неспешные

волны по зеленой траве-мураве, шуршали листья березы над головой. Ничего не изменилось в этом мире.

Ничего. Так заведено. Она пережила его смерть. Он переживет ее смерть. Ничего! Надо только стиснуть зубы и не раскисать. Игра не закончена. И придет час, когда он заставит их, этих вырожденков, играть по своим правилам. И пусть их легион легионов, все равно он сокрушит их, ибо он – Меч Вседержителя!

– Пойдем, тебя ждут, сын мой.

Иван кивнул. Надо идти. Все будет так, как было сказано. Иди, и да будь благословен!

Зеленое поле казалось бесконечным, и хотелось шагать по нему всегда, без остановок, без привалов и оглядок, только вперед, к зеленым кронам далекого чистого леса. Иван не помнил, когда он дышал так легко и свободно, такого дивного воздуха не было ни на Земле, ни на одной из других планет. Старый Мир! Здесь живут боги... Где они? Трижды Иван наткнулся на лежащих людей в десантной форме, они были обросшие, изможденные и счастливые. Они не видели проходивших мимо, хотя глаза их, раскрытые и восторженные, отражали всю синь неба.

– Эти тоже пришли из Осевого. Их никто не звал сюда... – пояснил батюшка.

– Но никто и не гонит?

– Нет. Зачем гнать? Они никогда не поймут, куда попали, они только смотрят. Для слабых нет ничего иного... ты же видишь, на их лицах блаженство.

– Они просто устали в своем мире, – заключил Иван.

Батюшка кивнул, ничего не ответил. Он смотрел вдаль, выше убегающей зеленой кромки дубравы. Что он там видел? Иван ничего не понимал, но душевный покой возвращался к нему. Он начинал постигать немудреную вещь, что ярясь и злобясь, лютуя и теша жажду мести, ничего не добьешься и никогда не пересиличишь врага. Надо превзойти его, подняться над ним, ощутить не злобу и ярость к нему, а лишь ясное понимание, что это излишнее на белом свете. И все. Чем дольше и быстрее они шли, тем ровнее начинало биться его сердце, глубже и легче дышалось. Он ни о чем не спрашивал, зная, что скажут, когда придет черед, и ни один из вопросов не останется без ответа. Ведь его ожидает встреча с излюбленными сыновьями Творца, с наделенными благодатью и просветлением, с теми, кто предшествовал апостолам и уче-

никам Его, с носителями Истины. Да, Господь мог наделить его знаниями сокровенного и силой вершить суд, наделить сразу – рукоположением Своим, взглядом Своим, еще тогда в Свете. Но Он не сделал этого. Теперь Иван понимал, почему. Избавление должно было принести не Чудо, но воля, ум, вера и сила смертного, рожденного на Земле и постигшего все постижимое на крестном пути своем. Много званых, да мало избранных!

– Кто ты? – неожиданно спросил Иван у батюшки.

– Ты знал лишь часть мою, ее ты и видишь, – ответил тот смиренно.

– А помнишь, как мы вели беседы долгими зимними вечерами, как мы спорили под той березой, под тем синим небом... Помнишь, как ты крестил меня?!

– Все помню, Иван. Даже то, как ты скорбел на моей могиле, как корил себя...

– Но ведь ты был мертв, – тихо изумился Иван.

– Отсюда все видно. И я смотрел за тобой, я радовался твоим победам и горевал вместе с тобой. Но зло сюда не приходило, сюда приходит из иных миров лишь доброе и чистое, Иван, Старый Мир очень стар, он научился жить не по лжи, но по правде. И если даже все в Мироздании погибнет, истребив себя, он останется, Иван, останется, чтобы породить новые миры. Да, да, они все рождаются в Свете, чистыми и добрыми, и они все идут путем вырождения, они падают в черную бездну, даже не осознавая этого. Не печалься и не горюй, придет время и ты вернешься сюда – вернешься, чтобы остаться навсегда.

– Навсегда?

Батюшка улыбнулся. И Иван увидел, что глаза у него те же самые, добрые, умные с чуть подслеповатым прищуром, какие и были, но в них таится что-то такое, чего не бывает в глазах даже самых умных и добрых – и он ощутил себя рядом с ним малым ребенком, несмышленьшем, который в простоте и суете своей бегал попусту по полянке, резвился, подобно братьям своим меньшим, щенкам да котяткам, и вдруг подхваченный сильными добрыми руками опустился на чьи-то колени, задрал головушку свою вверх и увидел глаза человека совсем иного, взрослого, умудренного, знающего про этот свет все или почти все, увидел бездну, глаза бога... Вот почему они так говорили! вот почему об этом твердил перепуганный бледный! Глаза есть зеркало души и разума. Он прав, Иван

прежде знал лишь часть его. И то дело. Многие видят одни тени живущих рядом с ними.

– Этот мир вечен. И в нем нет времени. Ты можешь прожить здесь век, но ты останешься точно таким же, каким вошел сюда. Даже через тысячелетия, если намеришься уйти отсюда – ты уйдешь в миг входа сюда. Поэтому я и сказал – навсегда. Ты должен вернуться.

– Я еще не уходил, – заметил Иван.

– Ты пришел, чтобы уйти. На этот раз.

Стена леса выросла перед ними неожиданно, внезапно. Иван даже остановился – целый водопад густой, темной, сочной зелени струился с могучих высоченных стволов. Это было как в сказке – шли-шли, не могли пройти, и вдруг оказались на месте. На месте? Почему он так подумал?!

– Дальше тебе идти одному, – сказал батюшка и сдвинул ему плечо. – В добрый путь!

– А ты?!

– Каждому положены свои пределы. Ты пришел не ко мне, но к ним. И они ждут тебя. Иди!

Иван прижал седого, невысокого священника в черной рясе к груди, потом оторвался и молча, не сказав ни слова на прощание, пошел в густую сень дубравы.

Иван сидел на небольшой опушке, залитой солнцем, сидел в окружении огромных и стройных деревьев, которым он не знал названия, смотрел на их шевелящиеся темные кроны, общающиеся с небом, и думал, что никогда человек не создавал и не создаст храма величественнее и проще, чем этот храм, созданный тем безликим и невидимым, что именуется Жизнью.

Две недели он бродил по дубравам в одиночестве, пил чистую и звонкую воду из крохотных ручейков, обирал с кустов и трав ягоды, ел их, без спешки, неторопливо радуясь терпкому вкусу каждой в отдельности, наслаждаясь тайной живой силы, заключенной в крохотных комочках. Слои за слоем, неприметно и безболезненно сходило с него лишнее, наносное – будто сам чистый воздух дубрав, густой как ключевая вода, смывал с него внешнюю грязь, избавлял от незамечаемой им дотоле коросты. Он спал прямо на земле, в травах, под могучими и надежными стволами деревьев. И вставал свежим, бодрым, счастливым, каким он никогда не бывал в новых мирах, разве лишь в далеком полузабытом детстве. За

все эти дни он не видел, не слышал, не осязал ничего ненужного, неприродного – ни шумов, ни дымов, ни лязгов, ни машин, ни дисколетов... ни на едином дереве не было ни отметины, ни таблички, в траве и палой хвое – ни ржавого гвоздя, ни гильзы, ни оторванной пуговицы, ничего, будто никогда не бродил, не ходил здесь, в девственных лесах, человек, оставляющий следы свои. Дубравы были чисты, и сосновые рощи были чисты, в них не докучал гнус и комары, из них не хотелось уходить... Да и куда? Никаких выходов не было. Лишь встречались временами опушки – крохотные и светлые, с порхающими беззаботными бабочками и висящими в хрустальном воздухе стрекозами. Один раз Иван набрел на лесное озеро, заглянул в темень вод его и поразился глубине – то ли казалось это, чудилось, то ли было наяву – видел он на тысячи сажень, видел тихих молчаливых рыб и покачивающиеся в вечном танце водоросли, видел песчинки, в каждой был свой мир... Он скинул одежды прыгнул в воду. И почти сразу выскочил обратно будто ошпаренный. Он впервые испытал ощущение очищающего холода, проникшего внутрь тела, омывшего его своими целебными струями изнутри, омолодившего, придавшего сил... все это было невероятно. Иван провел рукой над бровью и не нащупал шрама, его не было. Значит, его и не должно было быть. Все просто. Он оделся и еще долго лежал на берегу, глядя в чарующую глубь. Потом побрел дальше.

Волхв явился ему на двенадцатый день, когда Иван сидел на точно такой же полянке, ни о чем не думал, наслаждаясь самим бытием своим в этом сказочно-обыденном, простом мире.

Иван не испугался и даже не вздрогнул, не напрягся, когда высокая и сухощавая фигура в светлых льняных одеждах возникла перед ним прямо из пропитанного солнечными лучами воздуха. Длинные волосы, усы и борода волхва были седыми как лунь, но лицо его смуглое и доброе, было молодо, легкие морщины над прямыми бровями и две складки, бегущие от скул, не старили его. Волхв, не сводя взгляда светлых глаз с Ивана, опустил на замшелый валун, которого прежде не было на полянке – Иван точно помнил, и улыбнулся еле заметной улыбкой.

Они сидели и молчали. Но молчание не было тягостным. Поначалу Иван не нашел даже слов для приветствия, но потом понял, что никаких приветствий не надо, что этот человек

всегда был с ним, а может, и в нем самом, что они не расставались, просто сейчас он стал немного виднее, понятней... и он не совсем человек, но и это неважно.

Иван смотрел в светлоголубые глаза волхва без робости и стеснения, и до него доходило, что это тоже не совсем глаза, что это двери, распахнутые в диковинный, чудесный мир, в котором нет ни железа, ни ускорителей, ни звездолетов, ни гиперторроидов, ни батарей, аккумулирующих энергию тысяч созвездий и галактик, ни биогенераторов, ни зургов, в котором нет ничего не созданного самой природой и Творцом, но который в миллиарды раз сильнее, могущественней всех иных миров. Смотрел и ждал, зная, что в запасе у него вечность.

– Ты многое постиг на пути росс-веда, – начал без вступлений тихим проникновенным голосом волхв, – под солнечным ветром Белого бога тебя вел дорогой воина Индра, надевая алмазной силой своей, преодолевая врага своего Вритру и выпитывая в себя его крепь. Ты постиг больше прочих смертных, наделенных душою. Ты не разделял первороссов и постигал мудрость вождя их, черного воина Кришны, являя тем миру свою мудрость и зрелость. В тяжкие времена к тебе приходят, вливаясь в душу твою, тысячи воинов Рода нашего, они покидали луга истинного Велеса, чтобы укрепить тебя, ибо ты многого достиг и ты был их продолжением в новых мирах. Ты много успел за короткую жизнь свою... и ты мог бы обойтись без нашей помощи, взбираясь вверх по лестнице, ведущей к Свету, ты мог бы стать одним из нас и обрести вечность среди всемогущих истинных детей Создателя. Но на тебя пал иной жребий!

– Я знаю, – кивнул Иван.

– Знать мало, – мягко поправил волхв, – и понимать мало. Надо видеть. Ползущий по следу знает запахи жертвы и преследователя, облики их и стать, по отпечатку копыта и лапы он познает, что было, предугадывает, что будет. Но воспаривший в высях видит – все сразу, он не вязнет в песке и глине, дорожная пыль не застит его взора. Он видит т. Ты должен не только знать, ты должен видеть и иметь силу. Тогда свершится возложенное на тебя.

– Я готов! – Иван склонил голову.

Когда он поднял ее, волхва на поляне не было.

Честно говоря, еще месяц, два назад, даже позже Иван ожидал совсем иного – он думал заполучить от сыновей Вседержителя коды проникновения в пространства, овладеть но-

вой ступенью боевых искусств, разжиться всесокрушающим оружием, которое позволит ему смести нечисть с лица Вселенной людей... Потом все эти ожидания куда-то сами собой запропастились, и вместе с покоем душевным пришло осознание прежней мелочности и суеты, но и это ощущение растворилось почти бесследно, не оставив и тени на его челе. Еще два дня он бродил в лесах, размышляя об услышанном и наслаждаясь пением птиц, таящихся в густых кронах над головой. В блужданиях своих он набрел на искрящийся водопад, ниспадающий с каменистого уступа. И, не раздумывая разоблачился, встал под его струи. Ощущение очищающего холода было таким же как и в лесном озере. Но теперь Иван учился терпеть, и с терпением этим прибывали в нем силы неведомые и небывалые. Только сейчас он начинал понимать, что такое настоящее здоровье – тот, каким он был прежде, казался ему хилым, издерганным, нервным, суетным, болезненным типом, думы о прочих смертных вызывали в нем и вовсе жгучую до боли жалость, слава Богу, что они сами не понимали своей убогости, нечистоты и слабости.

Ближе к вечеру второго дня после встречи с волхвом он решил оглядеться, испытать себя – он с быстротой белки, не ощущая ни малейшей усталости и почти не прикладывая усилий, вскарабкался по совершенно ровному стволу корабельной сосны на двухсотметровую непостижимую для дерева высоту. И ничего не увидел кроме бескрайнего моря зелени, кроме синего неба и чистого, ясного солнца над головой. «Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу...» – припомнилось почему-то. Нет, лес не был сумрачным. Лес был светлым, чистым и... живым. Иван совершенно неожиданно понял, что ему совсем не надо сползать вниз по стволу. И он разжал руки – упругая зеленая ветвь подхватила его, передала другой, нижней, та мягко бросила на ладонь раскинувшейся под ней... а потом он сорвался с пушистой хвои и стал медленно опускаться, будто проглотил с десяток антигравов. Это было не падение, но тихий и плавный полет. Он управлял своим телом, иногда чуть взмывая вверх, иногда останавливаясь в теплых струях восходящего воздуха, пропитанного запахами сосен, и медленно скользил вниз.

Ночью ему не снились сны. Он закрыл глаза в сумерках. А открыл с первыми лучами, пробившимися сквозь переплетения ветвей. И снова долго шел. Пока не набрел на эту опушку.

Он уже знал, что опять увидится с волхвом. И не ошибся. Поначалу ему показалось, что ему явился тот же самый человек в льняных одеяниях, явился как и в прошлый раз – из воздуха. И глаза были те же и лицо, и седые пряди. Но всмотревшись, Иван понял – не совсем тот, этот старше и чем-то ближе, будто кто-то из дальней единокровной родни. Вполне возможно, что это лишь казалось.

– Ты быстро впитываешь в себя белый дух Рода, – сказал напрямую волхв, – и ты уже лучше видишь, ты не зря готовил себя к встрече с нами еще в земных мирах.

Иван смутился, пожал плечами.

– Я бесцельно блуждаю в дебрях, – начал оправдываться он, – а вижу ровно столько, сколько видел прежде.

– Не обманывай сам себя, – прервал его волхв, – и не напрашивайся на похвалу. Я только хотел сказать, что тебе здесь легче чем другим, потому что ты пришел не в чужой мир и не к чужому Роду, ты, извергнутый как и прочие при рождении, приобщаешься, осознавая себя частью созданных по Образу и Подобию. Очевидное не утаишь.

Волхв уселся на невысокий и чистый пенёк. Иван мог дать голову на отсечение, что еще минуту назад здесь не было никакого пня, но теперь это его несколько не удивило. В живом лесу не валят деревья, здесь не может быть пней, но ежели он нужен – он будет.

– Это Священный лес. Его не было в Старом Мире до нашего прихода, мы перенесли его с собой, тысячелетия назад. И теперь нет по иным вселенным старше его, даже если вселенным этим десятки миллиардов лет. Ты понимаешь меня?

– Да, – ответил Иван. И на самом деле он начинал понимать волхва. Старый Мир был изначален, и все, что попадало в него, обретало изначальность, ибо в иных мирах было только отражением изначального.

– Смертные рождаются обреченными, одинокими, они приговорены к жизни в пустоте и неосознанности – ты не знал этого, но ты познал это. Ты сам был рожден среди миллиардов землян изгоем, как и прочие, не ведая себя, не зная принадлежности своей и места своего. Но началось это не с твоего рождения, а задолго до него. Представь себе муравейник, в котором каждый обитатель его завернут в кокон, отделяющий его от братьев своих, представь пчелиный рой, где каждая пчела опутана пленкой, отгораживающей ее от сестер, представь себе, что ожидает этот муравейник и этот рой – и ты

узришь судьбу рода людского. На тебя пролился Свет, исходящий от Отца нашего, и ты в состоянии видеть в Свете. Но прежде, чем начать видеть, ты должен избавиться от отрешенности, навязанной тебе чужими, властвовавшими над тобою и надо всеми живущими в земных мирах. Ты должен быть силен не только своей силой, но силой всех твоих дедов, прадедов, пращуров, всего Рода твоего, из коего ты вышел. Твою связующую нить с Родом твоим обрубали правящие Землей и Вселенной, как обрубали они ее каждому из рожденных на Свет Божий в веках и тысячелетиях. Ты блуждал, страдал, маялся, метался и не находил ни дороги, ни выхода, потому что из тебя сделали «муравья в коконе», потому что на твои глаза, на твой мозг и твою душу надели с рождения черную повязку. Ты постиг многое, ты познал, что земными мирами правили выродки и при власти их вырождение было законом – иначе не могло быть. Тебе пришлось пройти через все круги ада, чтобы познать очевидное, лежащее на ладони. Но миллиарды рождаются с повязкой на глазах и умирают с нею. Так заведено выродившимися, так удерживают власть свою – власть животных, не наделенных душою, над созданными по Образу и Подобию. Ты с каждым днем, с каждым часом пребывания в Священном лесу становишься сильнее и мудрее. Ты обретаешь связь с Родом своим, ты становишься одним из нас, посланных на Землю Свыше.

Иван смотрел прямо в светлоголубые глаза волхва. И видел, понимал, выпитывал в себя в тысячи раз большее, чем изрекаемое устами. Этот седой волхв с молодым лицом родился за тридцать тысячелетий до него. Он был из тех полубогов и героев, что пришли на Землю, в мрак и хаос остервенелой борьбы за выживание, пришли, чтобы принести в мир тупой, дикой, алчной и хищной плоти Божественную искру. Но пришли не со стороны, не прекрасными и всесильными, не инопространственными чужаками-благодетелями. А пришли Внеземным Божественным дыханием жестких космических излучений, проникших из сверхпространственных измерений, поразивших хищную, алчную, тупую плоть избранных двуногих на геномном уровне и уровне неуловимом, тонкоматериальном и нематериальном, породивших в этих животных душу и наделивших их Духом. Десять тысячелетий Божественного Дыхания! Сотни, тысячи первоначально избранных среди миллионов злобных и трусливых зверей! Род созданных по Образу и Подобию! Он точно знал это, он чувствовал чем-то безымян-

ным, сидящим в груди и под черепными сводами – в крошечном мраке и хаосе животного естественного отбора, в визге, рыке, реве, зуде, писках, столах и вое бесконечной, беспредельной грызни вершилось Иное, Благое, не доступное понимание обездушенных исследователей. Вершилось зарождение и становление Рода, который лишь и дал право всему прочему двуногому называться в веках родом людским, Рода, положившего начало самому человечеству. Да, уже тогда было то, что он узрел лишь недавно – была биомасса: хвостатая, рогатая, зубастая, ушастая, прыгающая, скачущая, ползающая, летающая, прямоходящая, четверорукая и предмыслящая. Творец одухотворил часть этой плоти... и все, что делалось позже в Пристанище, на нынешней Земле, в подземельях, в норах, вивариях, инкубаторах, лабиринтах, ярусах, делалось тупым копированием тех великих деяний Творца, животным, неодухотворенным обезьянничанием, делалось с дьявольским ухищрением, делалось самим дьяволом – ибо именно он и был по мудрым изречениям древних «обезьяной Господа Бога». Великое и благое повторяется на новой спирали смешным и нелепым поначалу, трагическим и чудовищным впоследствии. Свобода воли! Творец бросил их, избранных, наделенных душой, в океан Бытия. И они не выдержали испытания?!

– Почему вы ушли из земных миров? – спросил Иван. – Почему вы бросили оставшихся, братьев и сестер по Роду, бросили среди животных и выродков?

Волхв улыбнулся, откинул длинные волосы за спину. Он был явно доволен учеником.

– Вседержитель не наделил нас бессмертием в земных мирах, – ответил он просто. – И ты знаешь это. В тебе вопрошает не разум и душа, но жажда справедливости. А она есть лишь там, где правит право. На Земле права не было. Нам приходилось нелегко. Но мы держались друг за друга, помня отцов и матерей своих, дедов и прадедов. Ни один умерший не уходил от нас, оставаясь в памяти нашей и храня Род. Теперь и ты будешь везде чувствовать опору. Ты был один как песчинка. Ты лишь изредка вбирал в себя силу многих. Отныне под тобой и за тобой гранитная скала, твердыня, которой нет равных – твой удар обернется для противника сотнями миллионов разящих ударов, стремительной лавиной такой сокрушительной мощи, что не породила еще ни одна из цивилизаций Мироздания. Вседержитель избрал тебя разящим мечом Рода нашего и орудием Своего возмездия.

Иван протянул волхву свои ладони.

– Мои руки пусты, – сказал он, – и слишком слабы, чтобы сокрушить вселенское зло.

– Ты не ведаешь силы своей. Подойди к дубу этому! – он повел глазами в сторону великана-старожила в несколько обхватов, упирающегося своими ветвями в свод небесный. – И вырви его!

Иван встал, повинувшись старшему в Роде, подошел к дереву. Он не был в состоянии даже часть его охватить своими руками. Да и смешно было думать... Глаза нащупали небольшое дупло на уровне колен. Нет, не стоит даже пробовать! Иван сунул руку в дупло, ухватился за край, чуть потянул вверх – град осыпающихся желудей затмил свет, от треска, с которым могучие корни, толщиной в два его тела выдирались из земли, рвались барабанные перепонки, сломанные ветви падали одна за другой, качались и шумели будто в бурю соседние деревья, еще немного... нет! Он вытащил руку. Пусть стоит великан, ничего, оправится, и корни вращут в землеюшку, и ветви новые побеги пустят.

– Ты убедился? – спросил волхв.

– Да, – ответил Иван.

– Сколько таких дубов ты смог бы вырвать одним движением, не утруждая себя?

– Не знаю, – Иван задумался, ведь он почти не приложил никакого усилия, даже чтобы сорвать нежный василек, потребовалось бы больше. – Может, сотню-другую... не знаю, зачем мне такая сила?!

– Это еще не сила, – ответил волхв, – ты только начинаешь единиться с теми, кто был до тебя. И помни, в твоей руке – их руки, в твоём уме – их ум, в твоей душе – их души – души героев и полубогов. Ты еще узнаешь о них. А сейчас иди. И помни, что кроме рожденных до тебя и пребывающих в тебе, есть оставленные тобой!

Иван только раскрыл рот, намереваясь спросить, узнать, как волхв растворился в лучах солнечного света, пробивающихся сквозь кружево листвы.

Помни! Две недели он бродил отрешенным и благодетным по дубравам и рощам. Две недели! И пусть здесь время течет иначе, пусть! Волхв не мог просто бросить слово на ветер. Там что-то случилось! Наверное, с Аленой и сыном? Добралась она или нет?! Душа не откликнулась на воспоминание о них, на имена... а выплыл почему-то будто из толщ водных

Глеб Сизов, старый приятель, верный помощник его, нервный, раздражительный, злой, но прямой и открытый, свой, браток... Иван прижался лбом к холодному стволу. Видеть. Он должен был все видеть!

Двенадцать суток они ждали Светлану. На тринадцатые перестали ждать. Никто ничего не понимал — она в самом прямом смысле провалилась сквозь землю, и ни один прибор, ни один анализатор, ни «бортовые мозги» кораблей ничего не показывали, ничего не объясняли — был шар... и нету шара!

Они жили среди смертей и утрат. Но они не могли привыкнуть к смертям и утратам. Костлявая не щадила женщин: Таёка, теперь Светлана... кто на очереди? Ливадия Бэкфайер-Лонг смурной тенью бродила по «Святогору». И ее побаивались, не решались с ней заговаривать. Глеб как-то остановил ее в коридоре возле рубки, улыбнулся, хотел спросить что-то пустяковое, лишь бы отвлечь, развлечь мулатку... Но она шагнула от него как от прокаженного, торопливо перекрестилась и прошептала, бледнея, отводя взгляд: «Печать! И на нем печать смерти!» Глеб криво улыбнулся, пошутил как-то нелепо и бестолково про «любимцев богов, которых те забирают к себе молодыми». Ну какой он был молодой! После рабства в подземном аду Глеб ощущал себя двухсотлетним дряхлым старцем. Два лишь чувства владели им, заставляли жить — ненависть и жажда мщения, на них держался он, как наркоман «на игле». Глеб не верил, что им удастся спасти хотя бы частицу человечества и развернуть дело к возрождению такого, после драки кулаками не машут. Он просто не хотел сдаваться живым.

В тот день они пришли из рейда злые и усталые. Ходили на десяти шарах — четыре на ручном управлении, остальные — ведомые, на автопилотах. Дил Бронкс со своим «Святогором» висел на орбите, зализывал очередную рану — при посадке под Асгардом, точнее, невдалеке от его развалин, сиреневая пупырчатая гадина своим длинным крокодильим хвостом с зубцами чуть не снесла Дилу голову. Хорошо подстраховал Кеша. Гадину изрубили в лапшу. Дила залили жидким пластырем, отправили в черном бутоне на борт. И потому в рейде он участия не принимал. Операция прошла неудачно — проклятая нечисть крепла с каждым днем, и ежели раньше ее можно было сверху давить безнаказанно, как баранье стадо, то теперь она давала отпор, видно, в подземных инкубаторах-лаборато-

риях старались не зря. В Европе вообще было тяжело работать: болотистая жижа морей позаливала выжженную сушу, ничего невозможно было разобрать – где реки, те горы, где останки городов. И потому шли по полученной с утра карте, шли над скоплениями гадин в подземельях, снимая поверхностными зарядами почвенные пласты, выдирая наружу внутренности лабиринтов-катакомб и выжигая заразу. Глеб Сизов уже давно не понимал, с кем они воюют: с выползнями ли, с медузами, с уродливыми-гибридами или со вчерашними своими братьями-людьми, из которых и выращивали всю эту мерзость. Он уже и не хотел ничего понимать. Он хотел жечь, топтать, крушить. Их шары-звездолеты были неприступны. За все время побоищ нечисти удалось сбить направленными струями лавы только четыре пустых корабля, эти потери были скорее случайными, их можно было избежать, включив автоматику хотя бы на четверть... да берегли энергию, теперь с ней были проблемы, базовых станций нет и не предвидится, корабль-матка тоже не скважина без дна.

Глеб искал смерти, лез на рожон. Каждый раз после «утюжки» района, он возвращался и нырял в остывающее пекло на черных бутонах, на маневренных, но хлипких ботах. Он тоже пытался определить, где же там эта проклятая кощеева игла зарыта. Ответа не было. Студенистые твари, управлявшие нечистью, зарывались глубоко, не достать с налету... а Глеба мучила одна навязчивая идея – добраться до них, прижечь им загривки, только так, он верил, можно было остановить это чудовищное безумие.

На этот раз бутон опустил его в развороченные виварии, в копошащиеся обрывки и обрубки щупалец, хоботов, хвостов, перемешанных с хлюпающей жижей, грунтом, кровью и мясом консервантов. Глубина была приличная. Но Глеб выпрыгнул из бутона, полез вниз – ему повезло: ствол шахты срезало как бритвой, спуск был открыт. Оставалось прикрепить крюк лебедки и сигануть во тьму и неизвестность, что он и сделал. Скаф был надежный, враг в смятении разбежался и расползся по дальним углам-закоулкам, все говорило за то, чтобы рискнуть. Глеб рискнул. Он застрял на крохотной площадке километрах в четырех от поверхности, срезал из лучемета какую-то образину, попершую на него. Потом углядел, что чуть левее есть спуск еще ниже – не раздумывая, прыгнул в него. Пролетел, придерживаемый почти невидимым тросом, еще с пару верст, пробил покрытие, другое, чуть не переломав ноги,

и рухнул во что-то мягкое, шевелящееся. Врубил на малую фонарь шлема. И передернулся от брезгливости. Миллионы миллионов крохотных паучков копошились со всех сторон. Он лежал в живой, трясущейся массе и шуп скафа, показывал, что нет ей ни конца, ни краю. Паучки не причиняли видимого вреда, они сновали по шлему, по металлопластику скафа, они пытались удерживаться на стекле забрала... но все это было настолько гадко, противно и гнусно, что Глеб сдвинул регулятор лучемета до верхнего предела и жег пауков, пока не сели батареи. Кончилось тем, что он остался висеть в одиночестве среди густых черных клубов жирного, насыщенного дыма. Трос лебедки вымотался полностью, и он не мог спуститься, он мог лишь болтаться подобно подвешенной кукле в пустоте и мраке. Но ему все еще казалось, что пауки ползают по коже, снуют в складках скафа, заползают в уши, нос, глаза. Он был близок к безумию. Микролебедка подняла его на поверхность. Он выбрался почти без приключений, сбив по дороге рога какому-то уцелевшему и тоже полусумасшедшему выползнию, перерезав глотку крылатому демону с человеческим лицом...

Иннокентий Булыгин долго и нудно материл Глеба, оборотень Хар натужно и беззвучно рычал на него, выражая свое неодобрение, карлик Цай просто скрежетал зубами. Короче, на «Святогор» они вернулись не в духе.

Дил Бронкс молчал, тарачил свои желтушные выпученные глазища.

Гуг Хлодрик пил и мычал себе под нос грустную песенку. Никто не знал, где он умудрился раздобыть два ящика рома. Другим выпить Гуг не предлагал. Глеба хватило на полтора часа. Он перекусил со всеми, посидел в сферическом зальчике с низкими потолками, окрещенном ими кают-компанией. А потом снова напялил свой грязный и помятый скаф, выбрался наружу и, отогнав надоедливо-услужливых киберов, побрел вдоль по бесконечной платформе корабля-матки, побрел к корме, где тускло отливал желтым светом в лучах еще не испоганенного нечистью Солнца его боевой шар. Шарик. Обычно они добирались до боевых машин по внутренним трубопроводам, за считанные секунды. Но тут душа просила простора и воли... Глеб брел долго, останавливаясь, молча глядя в черноту Пространства и намеренно отворачиваясь от черноты Земли, висящей огромной уродливо сплюснутой черной тыквой под ногами. Глеб уныло взирал на далекие еле видные звезды и думал, неужто и там, у черта на рогах, не осталось ни одной-

единственной паршивой планетенки, где нет нечисти?! неужто и приткнуться уже негде и им место только в непомерных пустых дырах меж мирами, предназначенными для совсем иных?!

Он остановился на самой кромке, не дойдя с полкилометра до шара, до обгорело-черной громадины с проблескивающими желтизной чешуйками керамической брони. Сел, свесив ноги в черную бездну. Призадумался. Человеку нечего делать в Пространстве. Ему, рожденному в тепличных мирах планет, не надо было высовывать своего носа за щиты атмосферы своей теплицы... и все было бы нормально, все было бы хорошо. Ныла спина, саднило в левом локте, голова была тяжелой, но не болела, наверное, там омертвело все, нечему было болеть... сильно чесалась правая нога под коленом, будто там ползал кто-то. Глеб глядел в бесконечность мрака и ощущал себя последним во Вселенной – никого не осталось, он один, усталый, выпотрошенный, измученный, злой и никому не нужный. Нogu свербило все сильнее, он дернул ей, поболтал в пустоте наподобие мальчишки, сидящего на скамейке и не достающего пятками до земли... он тоже не доставал ногами до Земли. Он был маленький, брошенный и беззащитный. Но ему не хотелось уходить отсюда. Жжение и зуд перемещались выше, вместе с чем-то нереальным и ползущим. Глеб знал, что так бывает, это просто шалят кончики нервов... да не только кончики, он весь стал одним болезненным, горящим нервом.

Глеб уже собирался вставать, когда почувствовал, что жжение переходит на бок, затем на грудь, что мелкие, остренькие крючья коготков царапают горло, скребутся, лезут выше. Вот что-то острое впилось в подбородок, вонзилось в нижнюю губу... Он скосил глаза и похолодел от ужаса. Черный восьминогий паук, судорожно перебирая длинными черными лапками с мохнатой бахромой, полз по его лицу, разевая в алчи проголодавшегося птенца свой крохотный клювик. Паук был отвратителен, мерзок, нелеп здесь, внутри скафандра. Но самым нелепым и ужасным были его желтые, горящие осмысленным ненавидящим огнем глаза. Это был разумный, нечеловечески разумный паук, и он раздувался, рос, он уже охватывал цепкими лапами виски, щеки, подбородок, он заглядывал в зрачки, он целился прямо в них своим клювом...

И вот тогда Глеб вскочил. Он хотел закричать, заорать во все горло, но его губы, рот, нос – все было залеплено мягким,

почти жидким и одновременно мохнатым брюшком паука. Острейшие когти продавливали кожу висков, кости, вонзались в уши. Дикая боль сводила с ума. И эти лютые, потусторонние глаза – зрачки в зрачки.

Алчный клюв вонзился в переносицу, как раз в тот миг, когда Глеб, раздавив кодовый датчик на груди скафа, откинул забрало... Он еще успел подумать, как мог паучок оттуда, из пропасти земного ада, пробраться, пролезть в его герметичный скаф? Это была последняя мысль. Каким образом?! Потом все развеялось, растаяло во мраке.

Иван упал на колени. Это надо было пережить – на его глазах, за миллионы световых лет отсюда, погиб мученической смертью друг! И он ничем не мог ему помочь. Только теперь Иван догадался, что это такое – жить в Старом Мире и видеть. Не каждому дано вынести такую жизнь... если это вообще жизнь!

Он вскочил на ноги, бросился в чашу. Он бежал сломя голову, пытаясь вымотать себя, бежал с бешеной скоростью, чудом огибая стволы, перепрыгивая через кустарник, он желал одного – выдохнуться, свалиться без сил, загнанным зверем. И он не мог загнать самого себя. Он бежал час, другой, третий... село солнце и стало темно, а он бежал, первые лучи продырявили сито листвы, а он бежал, и вновь день пошел на склон, а он бежал... Остановился лишь с вновь наступившей темнотой. Остановился вкопанным столбом, смерил пульс – сердце билось так, будто он только что проснулся, усталости не было, даже дыхание не участилось. Это было непостижимо. Но это было.

Иван повалился в траву. И уснул.

Во сне к нему пришел волхв. Он был как две капли воды похож на двух предыдущих. Лицо его озарял лунный свет, хотя никакой луны сквозь густые кроны не было видно.

– Я тебе не снюсь, – сказал он. – И ты не спишь. Тебе не нужен сон. Священный лес наделяет тебя силами подлинного росса.

– Если убьют всех моих близких, – ответил Иван, – мне не нужны будут никакие силы, мне не нужна будет жизнь.

Волхв покачал головой.

– Ты обманываешь сам себя. И жизнь и силы тебе будут нужны. И смерть каждого близкого тебе человека будет укреплять тебя, делать мудрее, добрее, неборимее и справедли-

вей. Ты сам вовлек их в круг борьбы. Без тебя они давно бы почивали покойным сном, не претерпев тех мук, лишений и горя, что выпали на их долю. Но и они стали сильнее и мудрее, ибо ты помнишь изреченное: кого Он любит, того испытывает. Силы и жизнь будут тебе нужны потому... потому, что ты остался последним в Роде! Иван пожал плечами.

– Мне никто не говорил, что я принадлежу к вашему Роду, – тихо выговорил он.

– Нашему, – поправил его волхв. – Ты сын Рода. Последний сын. Ты пребывал в коконе и не знал себя. Пришло время познания. Скажи мне, ты ведь видел Его?

– Кого? – переспросил Иван, хотя он все сразу понял.

– Единого и Всемогущего!

– Да.

– Ты видел Воинство Его?!

– Да!

– Ты видел Архистратига?!

– Да!

– Ты видел и нас, возлюбленных детей Его, созданных по Образу и Подобию. Ты всюду, во всех узнавал Его... и когда смотрелся в зеркало или в водную гладь ты тоже узнавал Его в своих чертах. И ты его возлюбленный сын. Ты брат наш, младший брат. Последний!

Иван молчал и не отводил глаз.

– А теперь ответь, в каждом ли из двуногих ты видел образ Вседержителя?

– Нет, — ответил Иван.

Седой волхв коснулся его плеча рукой. И Иван ощутил необычайную легкость. Они поднимались меж темных, тихо гудящих ветвями, шуршащих листьями стволов, поднимались в черное, усыпанное звездами небо... и Иван узнавал эти искринки, рассыпанные по бархатному небосводу, они были родными, близкими, из века в век, тысячелетиями висящими над Россией... неужели они взяли сюда с собой и звездное небо?!

Могучий лес, будто нечто единое, большое, необъятное, дышал, гудел, стонал под ними. Бездонным отраженным небом проплыло мимо лесное озеро. А они поднимались все выше, вдоль уходящего в горние выси, поросшего шумящим лесом склона. И небо прояснялось, тьма опускалась, игривые лучи восходящего светила ласкали макушки высоких сосен, окаймляющих вершину.

Они опустили в мягкую траву, сверкающую бриллиантовой росой. Иван провел ладонью по мураве, потом отер жидкой влагой лицо... Да, он из этого Рода. Его предки были посланы на Землю созидать и творить благое, они несли Свет во тьму. Но не все на Земле были созданы по Образу и Подобию.

– Вот ты и ответил на свои вопросы, – сказал волхв, не раздвигая губ, и Иван его понял, – тысячелетиями братья и сестры наши, оторванные от Рода, не знающие о себе правды, лишенные Знания, терзались: почему нет справедливости в мире?! почему льется кровь и из животов матерей вырезаются дети?! почему зло всевластно?! почему правят везде и повсюду выродки, не достойные и мусор убирать в градах и селах?! почему все так, и нет просвета впереди?! И еще тысячи вопросов задавали себе люди. И не могли ответить на них. В страшный, темный мир пришли россы десятки веков назад. И не смогли его сделать лучше! Только себя погубили...

Иван поднял руку, останавливая волхва.

– Нет! – сказал он, не повышая голоса. – Не зря они приходили, не понапрасну! Они показали прочим, как должен жить человек, какой он!

– Верно, все верно, – произнес волхв одними глазами, – а из них творили кумиров и богов, их убивали и изгоняли.

– Богов? – не понял Иван. Теперь и он не разжимал губ, он говорил мысленно, без малейшего усилия, но передавая собеседнику каждое слово, каждую букву, вздох. – Они были кумирами и богами?!

– Да, и странно, что ты не знал этого, – волхв поднял глаза к восходящему солнцу, и оно не ослепило его, он смотрел, не отрываясь, в упор, не переставая говорить Ивану: – Отцы и деды наши, пращуров, сестры и братья не блуждали в потемках, веря в Бога Единого, в Творца Мироздания. Но сами они становились для народов еще лишь восходящих к истине, для племен диких, богами и героями. Они творили чудеса и подвиги, о них слагали легенды и мифы, предания и саги, их жизнь воспевали поэты и сказители, переименовав их подлинные имена на свой дикарский лад, понимая творимое ими, как способны были понять. Твои пращуров достойны легенд, но и они были такими же живыми, смертными россами, как и ты, они были похожи на тебя, а ты похож на них, потому что все мы похожи на Отца своего. Их было не перечислить, россов – богатырей-витязей, кудесников, вождей, мудрецов, зодчих,

учителей. Сказители иных племен донесли до поздних поколений дела немногих из них: жизнелюба и вершителя судеб Жива нарекли они Зевсом, дарователем жизни, учившего дикарей нехитрым премудростям Промысла – Прометеем, первого из воинов наших Ярослава звали, не выговаривая словес наших, Хараклеосом, Гераклом, восхищаясь отцом его подлинным – Яром и трепеща пред ним как пред богом беспощадных сражений Аресом. Помни, всегда помни, что Род твой русский славен и велик, что крепили его, защищали и вели вперед из земли в землю, из моря в море предки твои, живые и смертные, могучие и непобедимые Индра и Кришна, Афина и Гефест, Митра и Тор, Один и Гера, Зор и Макошь, Посейдон и Варуна, Кополо и Родис, коих дикие звали Аполлоном и Артемидой, мать их Лада, Уран и Хрон, Перун и Плотон, Хорс и Тесей, Велс и Дий, Ахилл и Патрокл, Вандал и Скиф, Ивар и Пан, Загрей и Дедал, Сварог и Эней, Таран и Чур, Луг и Донар, Водан и Седмарглав, Рус и Шива, Одакр и Бус, Олег и Рюрик, Александр и Святослав – не счесть россиян, несших на плечах своих весь род людской и нелюдей двуногих. Помни, Иван, их тысячи, тысячи тысяч за тобой – богов земного воплощения, одни из них помогали тебе в единоборствах с недругами, других ты не знал... теперь они все с тобой, ибо ты последний из россов. Не посрами же прашуров! То, что говорил я тебе, Истина, Подлинное Знание. Чему учили вас в школах и училищах земных, заворачивая в коконы отчуждения, ложь! Я сказал мало. Но в тебя вошло многое, не разместимое в тысячах книг. Так я говорю?

– Так! – ответил Иван. – Я вижу их! Сквозь тысячелетия вижу!

И он ни кривил душой. Он видел славное и непобедимое воинство, ждущее его. Будто ожили витязи прошлых тысячелетий, встали плечом к плечу, не чинясь и не рядясь, по-братски, как должно стоять блистательным воинам Великого Русского Рода – не таясь и не прячась, открыто и неколебимо, подобно ослепительному Воинству Небесному, собранному из их вечных и чистых душ. Стояли грозно и тяжело первобогатыри древлерусские в косматых шкурах с медвежьими и волчьими головами поверх волос, с каменными палицами в руках и связками вражьих черепов на чреслах. Тянулись к сияющему солнцу напряженные и прямые, подобные тугой тетиве золотоволосые и синеглазые воины отца-Ра, готовые к переходу через любые палящие пустыни, порубежные хранители

Земель Яров. Переминались с ноги на ногу легкие и быстрые пеласги в плоских шлемах-личинах, будто пред стремительным броском. Сдерживали нервных, горячих коней смуглые и ясноглазые, обожженные солнцем каменных пустынь хетты, и вился над ними на алом полотнище двуглавый русский орел, хозяин двух частей света. Важно и гордо, подобно каменным исполинам, в дышащей жаром красной броне застыли в центуриях светлородые расены-этруски. Величаво откидывали головы в гребнистых сверкающих до рези в глазах шлемах заносчивые и великодушные венеты, вздымали разом вверх, будто приветствуя вождя, короткие и острые мечи. Тускло отвечивали вороненой сталью закованные с головы до пят тавроскифы, ахилловы витязи, чистой, прозрачной и далекой донской водицей светились их серые глаза в прорезях шоломов. Укрывались красными щитами мускулистые, белокурые фракийцы, готовые к бою и к пиру. Настороженно покачивались в седлах молчаливые скифы в войлочных русских шапках и с верными акинаками на боках. Переглядывались возле боевых колесниц своих златокудрые и почерневшие от южного солнышка ярии, запыленные, будто только вернувшиеся с долин Инда. Голые по пояс, в холщовых штанах, с переплетенными кожаными ремнями предплечьями высились словно литые из мрамора халы-кельты. Теснились ватагой добродушные и огромные вандалы, поигрывали тяжелыми мечами да булавами. Опираясь на длинные боевые топоры, в длиннополых шерстяных плащах, угрюмые и важные, просоленные насквозь и выбеленные северными морями, стояли варяги, рослые и могучие русичи, хранящие сердцевину земель русских от дикарей-англов до франков. Горделиво держали на прямых, жилистых шеях обритые головы с длинными прядями молчаливые русы, лес копий с золотыми остриями качался над ними. Стояли отборные дружины киевские, новгородские, сурожские, руянские, полабские, острейские, венетские, илионские, палестанские, старгородские, галийские, браниборские, владимирские, белозерские, царьградские, микенские, псковские, порусские, аркаимские, московские... стыли в грозном спокойствии когорты, фаланги, полки, легионы, армии... тысячами бликов отражался свет небесный в доспехах, веяли стяги и знамена над бескрайним океаном голов. Неисчислимо, непомерно, лучезарно и праведно было Воинство Святорусское!

Бесчисленное множество глаз взирало на Ивана.

И он видел каждую пару, он впитывал в себя силу, веру, честь, мужество, благородство и чистоту, излучаемую ими. Он вбирал в грудь свою жар тысяч и тысяч сердец. Он проникался их мыслями и стремлениями, он горел их горениями, он мучился их муками и радовался их радостью. Они были с ним. И они были в нем. Все до единого, плоть от плоти, кровь от крови, отцы, деды, прадеды... все! Его глазами они, созданные! по Образу и Подобию, посланные в жизнь носителями Света, одухотворенные и обладающие свободой воли, его глазами видели они гибель мира! И ему отдавали они все, что имели сами в веках и тысячелетиях, чтобы спасти этот мир, пока жив еще он – один-единственный, последний из Великого Рода.

Иван стоял на вершине. И ждал. Ему мало было слов волхва и этих глаз. И тогда он поднял вверх руки, вскинул, ударя друг о друга ладонями. И тут же взметнулся лес рук, копий, мечей, палиц, стягов, знамен – и оглушительный гром прокатился в поднебесьи.

Отныне он был Повелителем Воинства, Архонтом Великих Дружин Россов.

И все разом смолкло, исчезло, прозрачно-призрачными струями, мириадами струй возносясь к сияющему небу. И небо это бездонное посинело до густоты морской, почернело, нависло каменной беспросветной твердью и разразилось ответным раскатистым громом, и извергло ослепительную и чистую молнию. Она вошла в Ивана живительным Небесным Пламенем и вдохнула в его душу души его предков, пожелавших в тяжкий час быть с ним, Мечом Вседержителя.

А потом был дождь, был ливень. Водопады очищающих струй омывали тело и душу Ивана. Он сидел все там же, открытый всем ветрам и каждой хрустальной капле из Небес. Рядом сидел седой волхв. Но струи не касались его и грубые светлые одежды волхва оставались сухими.

Они молчали долго. А когда ливень стих и снова выглянуло чистое, ясное солнце, волхв спросил:

– Готов ли ты к последнему бою?

– Да! – ответил Иван.

Волхв печально улыбнулся. Встал. И взял Ивана за руку, повел его вниз по склону, в сень густых дубрав и рощ. Тяжелая и сочная трава под ногами шуршала, приминалась и тут же вставала, тянулась к пробивающимся лучам. Снизу, из

лесного полумрака веяло прохладой и самой жизнью. В вышине пели беззаботные птицы, и их пению вторили журчащие ручейки, сбегаящие к подножию. Старый Мир был прекрасен, свеж и юн.

– Гордыня сильнее тебя, – неожиданно сказал волхв, не умеряя шага.

– Но почему? – удивился Иван. Он действительно был готов хоть сию минуту сразиться со всеми армиями зла. Сильнее его в Мироздании никого не было.

Волхв не ответил. Промолчал. И спросил сам:

– Что же вознамерен свершить ты, вернувшись назад?

Иван замялся. У него еще не было в голове четких планов, как он мог ответить... там станет видно, по обстоятельствам и свершения будут!

– Не знаешь, – заключил волхв. – А в тебя верят слишком многие, в тебя верит Он. Тебе нельзя ошибаться!

– Да, ты прав, – согласился Иван, – я еще не готов. Но почему ты не сказал мне об этом?

– Последнее слово всегда остается за тобою. Ты сам пришел сюда. И сам уйдешь. Ты решаешь.

Ивану припомнилось, как он днями и ночами висел в железных цепях, висел вниз головою – «дозревал». Он и здесь дозревает, но ведь так может длиться бесконечно, ибо совершенствованию нет пределов. А Земля гибнет.

– Тебя гнетет внешнее, – не открывая рта, произнес волхв. – Ты боишься его, сдерживаешь себя, будто принял обет...

– Обет?

– Да, но ты должен научиться, отрешаясь ото всего, не рвать тонких нитей с верящими в тебя по ту сторону Осевого. Созерцая все миры и оставаясь отрешенным, не стань выше ближних своих!

Иван подошел к одинокой березе, раскинувшей зеленые волосы свои пред молодыми еще, нераздавшимися дубками. Прижался виском к холодной коре. Нет, он ни на минуту не забывал о них – об Алене, об их сыне, так и не ставшим родным – и как тот мог стать таковым, ведь Иван не видел его крохотным и сморщенным, лежащим в колыбельке, не провожал его в школу, не бродил с ним по лесам... он увидел его, взрослого, будто явившегося невесть откуда, да так, собственно, и было. И все равно он думал о них, беспокоился, откладывал на потом... Вот и пришел этот «потом».

Иван прикрыл глаза. Голубоватый, матово-бледный шар плыл по Пространству, и стаи звезд, будто опасаясь гиганта, гибли его, какое-то время скользили рядом, отставали... так казалось, звезды были, конечно же, далеко, равнодушные и холодные. А виделось так, потому что шар-звездолет шел с непостижимой, сверхсветовой скоростью. Иван не узнавал рисунка меняющихся созвездий, в этой дыре ему бывать еще не приходилось. Но главное, звездолет был цел, а значит, целы и они, вырвавшиеся из Пристанища. Для них не было выхода через шлюзы, через Осевое измерение, они пробивались к Земле своим путем, в открытую, напролом!

Семь хищных вытянутых уродин выскочили на пути шара внезапно, из подпространства. Это были межзвездные крейсера Системы, Иван сразу узнал их. И похолодел подобно стволу березы, к которой он прижимался. Уродины вынырнули на бешеной скорости, явно подстерегая добычу, не наперерез ей, а по ходу, и теперь они летели стайей гончих за бегущим огромным белым медведем. Уродины сжимали кольцо, не оставляя загнанной жертве пространства для маневра. Иван помнил очень хорошо эти хищные контуры, облепленные шарами ботов и грозными шипами. Когда-то давным-давно Второй Межзвездный вышвырнул за пределы Вселенной один такой крейсер... золотые деньки были, времена его торжества! Кто бы мог подумать, что все так обернется! Сейчас негуманоиды Системы господствовали во всех вселенных, они добивали остатки космофлотов Федерации, они разоряли станции, громили еще не разгромленные межгалактические города... и не было ни управы на них, ни защиты от них. Вот и теперь! На его глазах должно было свершиться страшное.

Иван распорол всепроникающим взглядом своим обшивку шара-звездолета, прожег переборки... и увидел зал со сводчатыми, сферическими потолками, увидел белесый туман, вздымающийся вверх... и два легких полупрозрачных кресла, удерживаемых этим «туманом». Алена и его сын, сбросивший с себя заклятье, полулежали в этих самых креслах. Глаза их были закрыты, но лица спокойны – в них не было и тени тревоги. Они оба были полными властелинами мерцающего шара. И они несомненно все видели, осознавали и управляли звездолетом – это Иван понял сразу. Он даже вздохнул с облегчением, появилась тень надежды. Он приблизил всемогущим взором своим их лица, всмотрелся: у сына чуть подрагивала верхняя губа, и казался он сейчас совсем мальчишкой –

наивным и не заглядывающим далеко в будущее, лицо Алены было прекрасным и живым, Иван даже изумился, с ее лица спал этот привычный уже налет непробужденности, ушла тень «спящей красавицы», теперь никакой бес-искуситель не посмел бы ее назвать «мертвой», как это позволял себе подлый Авварон. Все хорошо! И слава Богу! Иван припал к ее губам и не ощутил прикосновения, но почувствовал тепло... Нет, так нельзя, он совсем раскис!

Когда и зал, и переборки, и обшивка вновь сомкнулись, и Иван стал видеть погоню, кое-что изменилось. Звездолет уже не походил на шар, семь огромных раструбов вытягивались из его боков, каждый был направлен в сторону своей «гончей». Становилось очевидным, что близится развязка. Более того, теперь сами шипастые уродины пытались вырваться из незримых пут звездолета, целые океаны плазменного пламени вырывались из их дюз, дрожали в расплавленном вакууме черные зеркала отражателей, тряслись могучие тела крейсеров... но им не удавалось ускользнуть из сети, смертной для них. Прямо на глазах уродины становились еще более уродливыми, сплющивались, лопались, раздувались, трескали по швам, выгибались – их втягивало в раструбы, влекло чудовищной силой, которой они не могли сопротивляться. Наконец они превратились в пылающие, расплавленные шары-сгустки и, сопровождаемые лиловым мерцанием, влились в отверстия подобно гигантским шарам ртути. Звездолет несся вперед, пожирая пространство, не снижая скорости, и раструбы медленно втягивались в его крутые матовые бока.

– Они спасут Землю! – невольно вырвалось из губ Ивана.

Он приоткрыл глаза.

Волхв сидел под березой, поджав под себя ноги, и покачивал головой.

– Они не спасут Землю, – сказал волхв грустно.

Иван не стал спорить. Он сам не знал, отчего, но совсем другое бросило его в жар.

– Скажи, – начал он быстро, – почему все так происходит? Ведь я был в Свете. Он видел меня и говорил со мною. Он избрал меня. Он поверил в меня... И ведь Он – всемогущий. Он мог очистить меня Сам, мог просветить, наделить силой, знанием, верой, вложить в мои руки оружие возмездия – одним словом Своим, прикосновением, взглядом! Ему это ничего не стоило сделать, ибо выше и державнее Его нет ничего и никого, нигде! Почему Он не сделал этого, почему?!

Волхв смотрел в Иванову душу мудрыми, ласковыми глазами. Он ничего не говорил. Иван сам все знал, он и прежде отвечал себе, и нечего задавать нелепые вопросы. Нечего терзаться! Он всего должен достичь сам, опираясь на себе подобных, на живших в его генах и в его памяти. Он должен сам пройти свой крестный путь. Иначе вообще не нужно было бы ни слов, ни прикосновения, ни дыхания – все свершилось бы без него. Иди, и да будь благословен! Нет, Чуда не будет. И вмешательства Высших Сил не будет – иначе все впустую, все напрасно – десятки тысячелетий свободной воли людей, их рождения, мучения, подвиги, творения и смерти – все зазря! Они сами должны поставить точку в конце своего пути... или продолжить путь этот! И исполнителем их воли избран он.

Иван вскинул голову, густая листва, сплетения тысяч дрожжащих, покачивающихся листьев замельтешили перед глазами, навевая зеленый неясный морок, и показалось вдруг, что выблеснули сквозь кружева тонких прожилок два красных, кровавых, налитых ненавистью глаза, померещилось, будто толстый лиловый язык облизывает синюшные губы, из-за которых проглядывают кривые клыки... гиргейские гадины! Иван напрягся – за ним был должок, он помнил: хрустальный лед, ядро Гиргеи, бесчисленное множество ячей... Но разве он не расквитался с ними, погружаясь в Океан Смерти?!

Волхв подошел незаметно, положил легкую и теплую руку на лоб.

– Не терзайся пустыми воспоминаниями, – сказал он.

– Я забыл, – с горечью проговорил Иван, – они напомнили. Вот и все, очень просто. Прошел отпущенный мне срок – стоит вернуться в новые миры, и я окажусь в их лапах... – голос Ивана звучал неуверенно, но все, накопленное в жизни, опыт, память, набитые в ошибках бока твердили ему одно: сильнее дозврывников во Вселенной никого нет, и эта сверхцивилизация, имевшая на него свои виды, не отступится, в ней нет понятий о добре и зле, в ней господствует голый, нечеловеческий разум.

– Когда-то ты был в Чертогах Избранных, помнишь?

Еще бы Ивану было не помнить этой мерзости верхних уровней Пристанища, от таких воспоминаний лучше держаться подальше.

– И что ты видел там?

– Змей и червей, копошащихся друг в друге, миллионы, миллиарды скользких гадин! – ответил Иван.

– Ты зрел гадин телесных. А теперь представь себе миллиарды миллиардов червей незримых, копошащихся друг в друге не в Чертогах, но в сгустках силовых полей. Они не обманули тебя, Иван, они пережили то, что не понимающие мироустройства в гордыне своей называли Большим Взрывом и что на деле есть лишь малая точка в тенетах многомерных пульсационных цепей. Ты называешь их дозврывниками. А они черви. Самые обыкновенные черви, возымевшие силу и власть, возомнившие себя хозяевами вселенных. Они могут многое, они прошли долгий путь. Но они, для спасения жизней своих перешедшие на бестелесный уровень, утратили души, вложенные в них изначально, отреклись от них... и выжили копошащимися, скользкими, бездушными и холодными гадинами. Это была ошибка Творца. Когда-то и на них Он возлагал надежды, когда-то и им он давал шанс...

До Ивана все дошло мгновенно. Так вот в чем дело! Они, люди, не первые! Они – лишь немногие из населяющих точки в каких-то там цепях! Огромный, непостижимый, бесконечный эксперимент идет вечность – замкнутую вечность: создаются все новые и новые миры, населяются созданными изначально по Образу и Подобию, населяются прочими, противостоящими и сопутствующими, ибо и без них нельзя. И вот создания эти, твари Божьи пускаются в жизнь, в тяжкое и смертное плавание по Океану Мироздания, рвутся к высям и падают в бездны, изживают себя в вырождении и самоубийственном обездушивании – и все это за сотни тысяч, за миллионы, миллиарды лет – и заканчивают свое существование Большим Взрывом, очищающим от выродившейся биомассы мир, выжигающим ее чистым огнем. И все начинается снова. Эксперимент бесконечен и замкнут. Он идет не в одних временах, в многих пространствах и измерениях. Тенета! Сети! Объемная многомерная паутина с бесчисленным множеством малых точек – огромных, населенных миров, в которых рождаются, любят, мучаются, творят и гибнут изначально наделенные душами, но утрачивающие их, убивающие себя сами... И гремят повсюду, то там, то здесь невидимые, не слышимые для прочих большие взрывы, гибнут цивилизации, изжившие себя и не оправдавшие веры Творца. Но не опускает Он рук в этом изнурительном и вечном труде, и на смену ушедшим или обратившим себя в червей впускает Он в мир новых – надежду Свою, несбыточную, страстную надежду!

– Но ведь в очищающем огне взрывов, в этих апокалипсисах гибнет и вся нечисть, накопившаяся за времена вырождения?! – спросил Иван, заранее зная ответ.

– Нет, не вся, – сказал волхв, – нечисть живуча, она переходит в иные формы и состояния, она опускается в темные воды Черного Океана, она множится и ждет своего часа.

– Но почему Он не убьет ее? Почему?!

– Все и во всех мирах создано Творцом, коему нет имени и коего никто никогда не видел...

– Я видел! – вставил Иван.

– Ты был удостоен лицезреть лишь одну из ипостасей той Силы, что выше лицезрения, и тебе было сказано о том. Слушай! Он создатель всего и повсюду. Но Он не создавал нечисти и сил зла, Он впускал в миры всех равными, разделяя лишь не имеющих душ и наделенных ими. И вот из них, из тех и других, не в подъеме к Свету, но в вырождении и зачиналась нечисть. Все Его дети, но все – обладающие своей волей и избиравшие свой путь. В одних Он еще верил и считал их избранниками Своими, других отвергал и изгонял от Себя, но никого и никогда не убивал. Всегда и везде все, злые и добрые, светлые и темные сами решали свою судьбу. И в этом была воля Его. Он помогал избранным лишь Любовью Своей и Надеждой. Поверь, это совсем немало!

– Я верю, – грустно сказал Иван. И уселся рядом с волхвом. – Значит, мы обречены?

– Мимолетные сомнения могут погубить мир людей, как погубили до того триллионы миров. Верь и помни – когда-то цепь должна разорваться. И если мы ее не разорвем, то кто?!

Силу Иван таил в себе неисчислимую, и вера была. Теперь навалилось на его плечи нечто неосязаемое и непонятное, но давящее всей тяжестью Мироздания.

Он сам ушел от волхва. Ушел в темень Священного леса.

Его предки-пращуры, герои и полубоги, всегда в минуты и часы нестроения душевного, в дни, когда надо было отвлечься от суетного и земного, пообщаться с Дарователем Духа и укрепить веру свою в себя и в Род свой, а стало быть, веру в Него, породившего их, уходили в священные рощи и дубравы, растворялись в земном и божественном. Наедине с Вездесущим обретали они себя.

В густых лесах и на высоких горах жили отшельники, храня свое сознание в чистоте и отрешенности. В уединении, молитвах, постах и размышлениях. Вдали от мира суетного и

грешного. Вдали от копошащихся и ползающих во прахе. Но в и д е л и они больше прочих. Ибо большое видится незамутненным взором и на расстоянии.

Нет! Рано еще было возвращаться в мир. Совсем рано! Иван брел меж деревьев, осмысливая то многое, что вобрал в себя... и не зная, с чего начнет, вернувшись в земные пределы. Не знал он этого пять лет назад, два года, год... месяц, не знал и ныне. А еще не удержался, похвастался, дескать, готов! Ничего, здесь нет времени, ему некуда спешить. Он познает главное, он научится видеть все сразу, видеть невидимое простым оком ползущего по следу. Старый Мир старше всех миров. Но ему суждено вернуться туда, откуда он пришел – в тот же час и в тот же миг. Но для них время пройдет, многих он не застанет в живых, а может... он не застанет никого? Вот в чем парадокс! Их будет оставаться все меньше, и он ничего не сможет поделать. Они встали на тропу войны, отвергнув его, они выбрали свой путь. Может, они и правы.

Ивану представилось вдруг нечто огромное и пылающее ползущей звездой. Да, это и была звезда – белый карлик. Причем тут еще этот проклятый карлик! Иван упал в траву лицом. Он явственно видел, как белый карлик сходил с орбиты, набирал скорость... такого не могло быть. И почему он должен это видеть?! Подлый Варрава... и откуда пришло это имя?! Хук... Хук Образина! Он совсем про него забыл. А Хук жив, здоров и не думает сдаваться, вот тебе и доходяга!

Полтора месяца Хук взламывал коды. Это было его последней надеждой. Конечно, проще всего оставаться пленником гостеприимной космобазы – харчей до конца дней хватит, тепло, светло, ниоткуда не дует, трехглазые мимо шастают, внутрь не заходят, им груды железа не нужны, им груды живого мяса подавай! Но Хук был заведен. Как его ни восстанавливали в биокамерах – плоть нарастала, косточки крепчали, кровь бурлить начинала... но дух оставался прежним – растревоженным и дерзким. Хук Образина не хотел жить в одиночку до дряхлости.

Мастер по части мнемопсихотехники он был небольшой, прямо говоря, никудышный. Да ведь жизнь чему хочешь обучит. Хук взломал коды. И три дня лежал лежнем, не зная, чего теперь делать: то ли к Земле рвануть на полных парах, то ли трехглазых ловить да бить беспощадно. Одно было для него абсолютно ясно – в сторонке стоять он не будет.

Больше всего Хука подмывало ворваться в Систему, навести там шорох! прогуляться по логову выроdkов, пока их основные силы здесь, во Вселенной! вот это был бы лихой набег, эдак-то в старопрежние времена лихие казаки баловались, да и дружины русские им не уступали – а ну, попробуй-ка, повоюй, когда у тебя дома все вверх дном! Но бодливой корове бог рогов не дает. Не было у Хука ни координатов Системы, ни Сквозного канала, ни даже самого захудалого ретранса, чтобы переместиться туда, за пределы гиблой Черной Дыры. И потому о лихом набеге можно было только мечтать. Да и не с базовой станцией ХХV-го века идти в поход на крепости, созданные в ХХХ-ом! Это все равно, что на тачанке тягаться с бронеходом – с бронехода-то тачанку, пожалуй, просто не заметят, и воевать с ней не станут – чего воевать-то, сама в выхлопной плазме сгорит.

И пошел Хук на Землю.

Но не дошел. Поймал сигнал с Гиргеи, ничего не понял из обрывков долетевшего через звездную пропасть крика о помощи. Но раздумывать не стал – рванул к планете-каторге.

Тяжело шел «карлик», надсадно – с эдакой массой по пространствам не поныряешь дельфином! Но Хук пер по прямой, не выходя в Осевое, ведь Варрава хоть и был неуклюжим на вид, но мог дать фору многим стройным да легким клиперам Вселенной – двести световых для него были пустяком. Что влекло Хука Образу? Некому было задаться таким вопросом, некому было ответить на него. А сам Хук потирал ладони, предвкушая веселое дело. Он был зол на трехглазых.

За двадцать миллионов миль от Гиргеи в рубку «карлика», где дневал и ночевал Хук, ворвался сиплый и грубый голос Керка Рваного Уха.

– Кто такие?! – встревожено орал каторжник. – Какого хрена пожаловали?! Отвечай! Полторы минуты даем! Будешь в молчанку играть – долбанем!!!

Хук все понял с ходу: каторжники взяли власть на зонах, по всей планете, в их руках и связь, и оборона. Это хорошо! Хук больше доверял братве, чем продажным вертухаям. А орут оттого, небось, что трехглазые им крепко насолили, ошибиться боятся. Еще хорошо, что космобаза на эти гадские шары не похожа. Хорошо, что светиться перестала еще во время перехода, теперь маскироваться нечего, хватит попусту энергию тратить, ее лучше огоньком на нелюдей пустить,

больше пользы будет. А с братвой он всегда договорится и поддержит ее.

И Хук закричал сам благим матом.

– Свои! На выручку идем! Не вздумай палить!!!

Гиргея долго молчала. Потом Керк отозвался недоуменно:

– Никого, вроде, не звали! Пока сами управляемся! Ты вот чего, гость незванный, слишком близко на своей громадине не суйся. У тебя лодчонка-то какая есть? Вот на ней и пришвартуйся, потолкуем!

Хук немного обиделся – как это не звали?! Он гнал, спешил, а ему и спасибо не скажут?! Ладно, потом разберемся! – решил он.

Варрава к тому времени уже стоял тихий и мирный вдалеке от Гиргеи. Хук и сам знал, что с эдакой тушей лучше подалее держаться, а то ненароком утянешь за собой планетенку, тогда братве кранты.

В пространстве вокруг самой гиблой каторги во Вселенной висели десятки разбитых, расколошмаченных шаров-звездолетов Системы. У Хука на душе теплее стало, значит, можно бить гадов – еще как можно! Хотя одна планета во Вселенной, но нашла силы дать отпор. И он им не помешает.

Хук уселся в штурмовую капсулу. Проверил коды и датчики на случай возврата. Забил с помощью андроидов капсулу оружием – братве пригодится, да и пошел прямым курсом на Гиргею. Для надежности включил сигнал – «свои идут»!

Сбивать его не стали. Керк выполнил обещание. Только бритый затылок почесал да вслух усомнился при встрече на втором подводном уровне, подалее от пусковых установок:

– А может, ты засланный?

Хук скривился, перекосился, сморщился. И сам же Керк себе и ответил:

– Да, вроде, непохоже...

Насчет сигналов никто не знал. Керк поговорил с Сидором Черным, пошушукался с козлодавами своими – ни с одной из зон, а на Гиргее их было несчастье, никто о помощи не просил.

– Ну и слава Богу, – смирился Хук, рвавшийся в бой, а попавший на пир, – тогда расписывайся за стволы!

– Чего-о? – не понял Керк.

– Да, оружишко забирай, говорю, – пояснил Хук. Расписываться было негде. Да и оружия навалом – ежели с базы все перевезти на планету, так она и с орбиты сорвется от тяжести.

Хуку показали с десяток плененных негуманоидов. Их держали в цепях за стеклотитановыми перегородками. Хук перепугался.

– Да они ж в Невидимый Спектр уйдут! Выскользнут, твари!

– Не боись! – заверил его Сидор. И показал на стальные кольца, вбитые уродам «под жабры» – за боковые завеси пластин, что болтались по краям жутких морд. – Мы к этим падлам приловчились! Не сбегут.

Хука сразу приняли за своего. В каторге сидели ребята тертые, и он был не мирром мазан. Для хорошего гостя не пожалели и добычи – забили одного трехглазого. Другого Хук вызвался одолеть самолично. И одолел. Только сам чуть не помер, умахавшись молотом. Потом Хуку налили большую чару. Но он отказался.

– Я свое выпил, – сознался он, – выше крыши!

Донимать не стали. Народ был на Гиргее необидчивый, матерый народ. За последние полгода его здесь прибавилось вдвое, а то и втрое. На места погибших в боях с выползнями и трехглазыми заступили эки с других зон, прибывавшие к непокорной Гиргее на «грузовиках» – слухи о свободной каторге доходили до самых дальних планетенек, закона и порядка давно не было, а добровольцев из различных мест заключения хоть отбавляй. Так что после Вторжения Гиргея не ослабла, а напротив – окрепла, стала неприступной крепостью. Все это Хук узнал в первый же день.

А на второй, на третий, на четвертый... они с Сидором Черным, Джеком Громилой, Микадо, Роней Дрезденским и Цугой Япончиком перегоняли с базы на орбиту планеты крейсера да планетарные системы слежения и боя. На Варраве много чего было, видно, запасливые люди космобазами ведали.

На седьмой день Хук Образина спустился в четырнадцатую зону, за четыре версты от поверхности, надумал охладиться. И прямо в рабочем скафе вышел в океан.

Только его и видали!

Он и сам ни черта не понял, когда оказался в полутемной, сумрачной подводной пещере перед жутким чудищем со страшной патлатой головой, уродливым лицом невероятно дряхлой и вместе с тем обладающей пронзительным взором ведьмы и телом невообразимого, кошмарно-прекрасного гиргейского подводного псевдоразумного оборотня. Еще два по-

добных, но не с человеческими лицами, а со звериными мордами держали Хука под локотки – держали нежно и ласково своими переливающимися, воздушными плавниками, из которых не смог бы вырваться и мамонт.

– Ты услышал нас, – без вступлений начала ведьма, – ты откликнулся. И потому ты наш гость!

Хук ошалело поглядел на чудище.

– Так это вы дали сигнал? – спросил он сипло и недоверчиво, совершенно не понимая, как эдакое чучело умеет говорить почти без коверканья на добром русском языке. – Не может быть!

– Очень даже может, – заверила ведьма и распушила свои цветастые плавники-крылья, поднялась чуть выше в теплых восходящих струях.

Как она умудрялась жить, разговаривать и ничуть не страшиться чудовищного давления свинцовых вод океана, Хук даже и не представлял. Ему казалось, что это какое-то наваждение, он абсолютно не разбирался в оборотнях, особенно в гиргейских. Но деваться ему было некуда. Он озирался – и видел причудливые, украшенные сверкающими кораллами и изумрудами гроты, видел трепещущие тонкие водоросли, каких на эдакой глубине быть не должно, видел горящие кривые свечи, больше похожие на уродливые сучья неведомых растений – свечи горели прямо в воде, горели голубым и розовым пламенем, без них в пещере было бы совсем темно.

– Мы не причиним тебе зла, – успокоила его ведьма и улыбнулась, широко, радушно, обнажая огромные кривые и острые клыки. – Ты ведь знаешь, что трогги, подлинные хозяева Гиргеи, гостеприимны и добры?!

– Знаю, – поспешно заверил на всякий случай Хук, – очень добры и очень гостеприимны!

– Ну вот, – заключила ведьма, – и надо было сразу спускаться к нам, нечего было задерживаться в поверхностных людских обиталищах...

– Каких еще поверхностных? – переспросил Хук, он опять ничего не понял. – А мы тогда где?!

– А мы ниже будем, – спокойно объяснила ведьма, – по вашему – двести миль от поверхности.

– Сколько?! – Хук чуть не потерял сознания. Такие глубины были смертельны для любого землянина. Он погиб!

– Не волнуйся, тебе ничего не грозит. Я властительница Гиргеи, это наша планета, неужели Иннокентий Булыгин тебе

ничего не рассказывал?! Ну, погоди, сейчас мы вместе будем вспоминать!

Она вдруг совсем изменилась, полупревратившись в черную и головастую хищную рыбину с человеческими глазищами, рядом с ней возник сверкающий шар, будто пузырь воздуха под водой. А в шаре сидела... облезлая зангезейская борзая. Оборотень Хар! Он был совсем не похож на этих оборотней, на ведьму. Но Хук все вспомнил. Фриада! Королева Фриада! Конечно же, Кеша ему рассказывал о ней. Еще бы! Зародыши-убийцы! Неведомая миссия на Землю! Все туманно и сказочно, как и сама эта древняя подводная цивилизация. Тем временем Хар из пузыря пропал, в нем сидел уже сам Иннокентий Булыгин – обросший, страшный, с печальными глазами русского мужика, у которого отобрали все – родных, жену, детей, дом, скотину, поле за изгородью, лес, волю, землю.

– Ты слышишь меня, Хар? – спросила тем временем Фриада.

– Да, моя повелительница! – немедленно отозвалась «борзая».

Хук ушам своим не поверил – на таком расстоянии, без аппаратуры?! И тем не менее они слышали и видели друг друга.

– С Землей кончено?

– Нет, – ответил Хар, – внутри планеты еще много жизни. Но сами они не справятся никогда. Они вымирают, королева, скоро весь мир освободится для троггов...

– Нет!!! – Фриада вновь приняла свой царственный облик в радуге переливающихся крыл. – Никогда не говори так! Люди братья нам... и отцы наших детей, внуков, правнуков. Ты бережешь его?!

– Да, моя владычица!

– Береги! Скоро на Земле будут миллиарды зародышей. Я очищу эту несчастную планету. А нам хватит океанов Гиргеи. Все, прощай!

Оборотень Хар исчез из пузыря, и сам пузырь, распавшись на множество мельчайших искринок-пузырьков, пропал.

Ведьма повернула свое ужасное и величественное лицо к дрожащему Хуку Образине.

– Ты слышал?

– Да, – поспешил отозваться тот.

– Мы могли бы уничтожить всех людей на Гиргее. Но мы дали им силу сопротивляться чужакам, как сопротивлялись

мы сами земмоготам! Ты понимаешь меня, ты догадываешься, что ни одна каторга на свете не выстояла бы сама против Пристанища и воинов Системы? Духи Хрустального Ядра предрекли гибель людей. Но мы не всегда верим духам. Мы больше верим себе! Мы спасем вас. А вы спасете нас! Уже много дней все кланы троггов и Живородящая Пелена излучают в верхний мир силу, что делает несокрушимыми людей. Мы можем удержать Гиргею. Но мы не можем удерживать всю Вселенную. Мы дадим тебе тысячи капсул с троггами-зародышами, с неумолимыми убийцами, которых невозможно остановить, они войдут в подземные лабиринты Земли, они обретут внешность чужаков и в их обличий уничтожат их! Мы делаем то, что можем!

– Спасибо, королева! – проникновенно прошептал Хук. И представил себе, как зародыши становятся трехглазыми и вырезают негуманоидов Системы. У него так образно и живо это получилось, что Фриада, обладавшая способностью читать мысли, не удержалась, воскликнула:

Нет! Их не хватит на все миры Вселенной! Их хватит только на Землю. И доставить их сможет лишь такой большой корабль как у тебя... Собирайся! Мы и так слишком много времени истратили впустую.

Хук понял, что тут не спорят и склонил голову.

Капсулы, поднятые на поверхность, доставляли на космобазу шесть дней. Керк сразу сообразил в чем дело, и изрек важно:

– Чего ж делать-то, народишко на Земле хлипкий, сами они не управятся, помогай им, Образина. А нам оружишка еще немного оставь, будем держаться, браток!

Хук ничего не сказал каторжникам о поддержке снизу, из немыслимых глубин – им надо было верить в свои силы. Еще через день, загруженный по уши, он стартовал к Земле.

Трава стала совсем теплой и больше не холодила лица. Иван приподнялся, вдохнул полной грудью и перевернулся на спину. Ему было легко и весело. На этот раз не смерть ему явилась в видениях оскалом своим, а жизнь. Он даже поверил вдруг, что они там совладают – сами победят нечисть, без его помощи. Они не теряют времени даром, они бьются... ищут новые приемы, падают, встают, и снова бьются. А это самое главное – драться, пока есть силы, драться, когда их уже нет, сверх всяких сил!

Ну почему они не могут победить? Почему надежды только на чудо. Ведь так нельзя, так невозможно жить, всегда только отбиваясь, всегда лишь огрызаясь, оправдываясь в своей беспомощности, жить жаждой праведного мщения... которое может и не состояться.

Почему сильные, умные, созданные по Образу и Подобию, сами создатели и творцы, герои и полубоги вечно отступают, проигрывают, почему?!

– Потому что они вечно задают себе вопросы, вот почему! – ответил выступивший из полумрака бурьяна волхв. Он с легкостью читал Ивановы мысли. – Душа и совесть заставляют их уступать, отступать шаг по шагу. Они всегда первые в честном поединке, всегда победители в открытой борьбе, на Поле Чести они выходят с поднятым забралом. Но они всегда проигрывают там, где игра идет по чужим правилам, где миром правят интриги и ложь. Ты должен знать правду, Иван. Ты догадывался о ней, ты улавливал ее отблески. И ты был близок к разгадке. Но ты никогда не знал правды до конца. И каждый из Рода нашего задавался в свое время вопросами – почему?

– Так почему же?! – повторил Иван, но уже вслух.

– Наш земной мир был огромным и чистым полем, в которое бросили разные зерна, бросили, перемешав их – черные, таящие в себе болезнь, зависть, похоть, алч и вырождение, серые, наполненные равнодушием и ленью, светлые, несущие зародыши добра и жизни. И не было predetermined, чем покроется поле через века и тысячелетия. Ты понимаешь меня? В мир земной пришли наделенные душой, сильные, умные, открытые и двуногие, изловчающиеся выживать повсюду, а между ними и среди них стояли, лежали, сидели, топтались серые и безразличные ко всему, просто животные, жвачные, жующие, мычащие, гадящие, рождающие себе подобных и снова жующие. И в мире стало два мира, сокрытые переплетениями праведных и лживых словес. Две цивилизации развивались на Земле, то идя разными руслами, то сталкиваясь, свиваясь, проникая одна в другую, как две реки – одна с черной водой, другая со светлой и прозрачной. Представь себе, что будет, если они смешают воды свои?

– Не станет прозрачной и чистой, но будет везде течь серая, мутная и черная, – тихо ответил Иван.

– Везде, кроме истоков, – поправил волхв. – Ты все понял. В одном мире свято верили в рыцарственность и благородст-

во, в честь и доблесть, шли грудью на мечи, штыки и пули. В другом царила алчъ, и все было хорошо для достижения цели, для наживы, для расправы с противником и неугодным. Мир света и чистоты провозглашал заповедями своими извечное: здоровье телесное и духовное, святость брачных уз и благо семьи, порядок во всем от мала до велика, труд в поте лица своего, поклонение матери своей, и отцу своему, и родине своей. Живущие в ином мире, не отделенном стенами от первого, видели пред собой лишь золотого тельца, они спешили урвать все, что можно было урвать от жизни, не считаясь ни с чем, жажда богатств и власти гнала их вперед, они не могли уживаться друг в друге и друг с другом, они проникали повсюду, разрушая чуждое им и непонятное, растлевая, развращая, вырождая все вокруг себя, они мутили чистую воду. Сыновей и внуков героев и полубогов они превращали в себе подобных. Они шли за созданными по Образу и Подобию, они были назойливы словно гнусы зудящие, они проникали во все поры, убивая душу во всем, они изъедали изнутри царства и империи, сами при том богатея и упрочая власть свою. Они не вершили подвигов и громких побед, им не ставили памятников и не воспевали в веках. Но они круплица к круплице, монета к монете, талант к таланту сбирали золото и подчиняли себе исподволь, опутывая паутиной долгов племена и народы. Они были упорны и неостановимы в алчи своей. Они всегда, испокон веков несмотря ни на обычаи и нравы живущих в разных землях, ни на законы и правила, ни на заповеди и каноны, ни на честь и совесть, играли только в свою игру, играли по своим правилам. Совсем рядом, в другом мире воспаряли к небу, единились с Богом, не щадили жизней и шли на голгофы за людей, за право жить в чистоте и свете. А их вдов продавали за деньги, и сыны их, утратившие память и замкнутые в коконе, служили убийцам отцов своих. Все начинало продаваться и покупаться. И закон торговли становился законом этой жизни. И уже переставали понимать, что такое честь, рыцарственность, благородство, совесть, даже рожденные в Роде и утратившие его. Они никогда, почти никогда не переходили, теряя память, в алчущие и похотливые, но увеличивали число уставших от равнодушия и лени, погрязших в отупении животном, в жевании жвачки из века в век... Героев становилось все меньше, они уходили, их переставали понимать, над ними смеялись – вода становилась мутной, и поле зарастало сорняками, мир вырождался, не видя вырождения своего, ибо вы-

родкам не дано видеть, им дано копошиться в похоти и алчи своей подобно червям и змеям. Родившийся ребенок с первой секунды жизни начинает стариться, с рождения он обречен на смерть. Народившийся мир с появлением в нем двуногих разумных животных начинает вырождаться, он идет к гибели.

Иван молчал. Не мог ничего возразить, да и что тут возразишь! Он слишком долго был среди звезд, он плохо знал мир людей. Да и не он один, наверное, – его предок Жив со своего Олимпа вряд ли видел их лучше, они казались Живу, творящему чудеса и подвиги во имя их, чистыми, добрыми, красивыми – каждый мерит своей мерой. Что тут спорить! Цивилизация его предков создала мир земной во всем великолепии, создала трудом своим, умом, ежедневным подвигом... но она не сумела его удержать во власти своей, в руках своих, она умела созидать, но не умела покупать, продавать, наживаться, она умела беречь земли свои от врага внешнего, открытого, но она не видела истачивающих ее изнутри, она была пригодна для Старого Мира, но не для новых миров. Она держалась на заповедях первороссов и не хотела видеть и слышать, что копошащиеся повсюду с приторными и елейными улыбками шепчут похотливо: убий! укради! солги! прелюбодействуй! Добро всегда проигрывает злу, и поэтому миры будут вспыхивать в страшной пульсационной цепи, большим взрывам, апокалипсисам не будет числа, потому что поле нельзя засеивать сорняками и нельзя родниковую воду мешать с болотной жижей!

– Расскажи мне лучше про наш Род, – попросил он волхва.

Тот опустил на траву, прилег. Было уже темно, совсем темно – ночь накрыла Священный лес. Но свет не покидал лица волхва, он будто исходил из его кожи.

– Хорошо, – сказал волхв. – Слушай. Все началось очень давно, более миллиона лет назад, когда в Арктике цвели деревья и по пастбищам бродили тучные стада. Предки россов жили там, на земле, ушедшей позже под воду, жили в труде и мире. Они еще не были отмечены Благодатью, но они чтити законы, которые оставили им их отцы. Рая на Земле они не ведали, им приходилось тяжело, но они смотрели на Полярную звезду, что висела над самыми головами, и верили, что пришли в мир яви не просто так, не копить шкуры и бивни. Они ничего не знали, но они умели предчувствовать, и они готовились к своей миссии. Обильными водами они были отгорожены от мира злобных и диких животных, полумрачных и алч-

ных. Шли века, тысячелетия, опустились на дно морское их нивы и леса, но они ушли в Сибирь, ушли к Уралу, они успели. И потянулись новые тысячелетия в трудах и лишениях, в муках и радостях...

Иван слушал простенький и немногословный рассказ, но в голове его каждое словечко разворачивалось тысячекратно, давая познать и увидеть столько, сколько и двадцати смертным не дано познать за всю свою жизнь. Он видел зеленые луга и низкое, но теплое солнце, видел крепких и ладных людей, русоволосых и светлородых, видел, как выходили они на единоборство с мохнатыми, тупыми мамонтами и волосатыми огромными носорогами, как одолевали их и делились добычей со всеми, видел, как водили они бесконечные хоровады под звездой Рос, мерцающей высоко в небе, слышал, как пели – протяжно, долго, бередя душу. Там было много красивых и сильных мужчин и женщин... слишком много, к сожалению, да, Иван уже постиг простую мудрость – красивым и здоровым тяжелее в жизни, ибо не точит их ничто и не ополчает исподволь на ближнего своего. Он видел, как седовласые жрецы в длинных выбеленных шурах вели роды свои по узким перешейкам, образовавшимся будто по Высшей Воле для спасения избранных... Он видел бесконечные тысячелетия сразу, одним лишь взглядом, охватывая их, и видел самую малость – греющегося у ночного костра сероглазенького, измазанного сажей мальчонку, боящегося заснуть и проспаться восход солнца. Он видел, как роды и племена шли по Сибири и Дальнему Востоку, через тайгу и сопки, как вздымались смельчаки на Гималаи, основывая там свои поселения и монастыри, как переходили через огромные пустыни, гнали за собой скот и успевали возделывать поля... они все успевали, потому что никуда не торопились. Поколения сменялись поколениями, а движение не прекращалось – они шли медленно, не в набег, не в налет, по своим землям шли бескрайним – от океана до океана. И на пути своем они учили тех, кто прежде охотился друг на друга и пожирал листья, грибы и червей, учили взрыхлять землю и опускать в нее зерно, приручать оленей и буйволов, смотреться в водную гладь и видеть свое лицо – не у всех получалось, но те, у кого получалось, становились людьми и шли вслед за родами или оседали возле них. Размеренно и отлажено текла жизнь, крепили и множилось роды – готовились стать Родом. И неостановимо было движение. Вместе с солнцем, изо дня в день стремящимся на запад, шли

вереницы первороссов, растекаясь по пустынному еще миру и делая его живым, населенным. Самые нетерпеливые и быстрые уходили на юг, в жаркие земли к теплому океану и оседали там первыми посланцами белого мира Света. И провожали они глазами катящийся по небу огненный крест Сурьи – солнечной ипостаси Единого и Многоликого. Утекали в вечность тысячелетия, но великий поход был нескончаем: разум и воля созидающих и творящих заполняли мир. Иван вглядывался в суровые и простые лица подвижников, осваивавших Землю и не подозревавших, что они подвижники, что именно они первоапостолы, предуготовляющие мир к восхождению к Истине, вглядывался и поражался их внутренней силе. В тяготах и лишениях, поступью исполинов, преодолевая все преграды, засевая втуне пребывающие поля, строя жилища и загоны, растя детей своих и передавая им свои знания, свою веру и свой напор, отмеряя за год не более ста верст, огораживая себя от всего страшного и внешнего родовым обрядовым крестом, шли, шли и шли – из года в год, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие. И оседали одни ветви рода в цветущих оазисах междуречий и упрочались там. Но не останавливались другие и пробивались к Срединному морю, и обтекали его, вытесняя людей черноликих и курчавоволосых, не знающих упоения вечного движения, застывших и праздных. И оседали роды – кто в плодородных долинах Ура, прозванного позже рекою Нил, в землях Сет, кто по берегам доброго и родного моря Русского, кто по отлогам Кавказского хребта, по обеим сторонам его. А иные шли вверх по могучей реке Ра, будто память предков звала их на север, туда, где звезда Рос стоит прямо над головами. Шли степями и лесами, и было тяжело, невыносимо, и ослабевшие отбивались, уходили вниз, к югу. И уже строили поселения первороссы в Двуречье меж Тигром и Евфратом, засевали малоазийские и ближневосточные земли, покоряли Карпаты и Балканы, и вздымались вверх по Лабе и Одру, по Дунаю и Днепру... и никто, ничто не могло их остановить!

– Наделенные силой и мощью были, – говорил волхв со светящимся ликом, – горящие внутренним огнем, неукротимые, дерзающие... но еще не отмеченные Благодатью, лишь ждущие ее. Так было за сорок и за тридцать тысячелетий до Рождества Христова, когда предуготовляющиеся к избранничеству расселялись по землям, в коих им приять предстояло крестный путь свой. Были все равны они – и вожди, и старей-

шины, и простые пахари, и не было среди них полубогов и героев, ибо тогда в труде каждодневном каждый был подобен. И знали они крест священный и знали ипостасей множество Творца, но разум и души их пребывали в полумраке, еще не разбуженные – перволюди, но еще не люди одухотворенные, первороссы, но еще не россы. Да, это трудно понять и осознать, но так было и предуготовленным надлежало пройти свой путь от начала до конца, а избранничество их не в рядах и договорах с божками было, но в тяжком, многотысячелетнем подвижническом труде. И они выдержали испытание. Они прошли первую часть Пути. И Божественное Дыхание коснулось их, способных ощутить это Дыхание. И прочие двуногие, наделенные зачатками разума и алчью, рыщущие по землям и лесам не в трудах и созиданиях, а в жажде найти и украсть, в праздных беснованиях и звериной хитрости, даже и согретье испущенной на всех Благодатью, не впитали Ее в себя, не смогли воспринять – и остались какими были.

Иван видел полмира земного будто с орбиты спутника, пролетающего над Евразией, над этим чудовищно огромным, будто изъеденным коррозией, вздымающимся над Мировым Океаном островом. Но он видел в тысячи раз больше, чем можно увидеть даже с помощью самых лучших приборов. Он видел сразу всех избранных перволюдей русского племени, коих коснулось растянутое на долгие столетия Божественное Дыхание из глубин Космоса. Он будто сам ощущал, как лучи и волны жесткого вселенского излучения проникали сквозь воздушные слои, пронизывали насквозь толщи вод и твердь земную, но задерживались в тех, кто был готов услышать этот Глас Небесный. И у избранных рождались дети, похожие на них самих, на отцов и матерей, такие же светлоглазые и русоволосые, но и отличные от них – они были выше, сильнее, стройнее, гибче, они были смысленнее и ловчее, быстрее и находчивей, в их светлых глазах светилось что-то такое глубокое и неуловимое, чего не было в суровых глазах их дедов и прадедов. Они пришли на Землю. Это было как Чудо! Никогда прежде Иван не ощущал подобного – он видел разом все: бесчисленные племена родов первороссов, расселившихся от Тихого до Атлантического океанов, от приполярных ледниковых краев до южных оконечностей Индостана, Аравийского моря и пустынь страны Нуб. Их были сотни тысяч среди прочих племен и народов, и они сами уже рознились друг от друга, как рознятся живущие в пустынях и горах, лесах и степях. Их

было множество... но не всех и из них коснулось Божественное Дыхание. И оставались многие прежними, не меняясь, застывшие в движении своем и трудах тяжелых. Избранных были десятки тысяч, и они росли, мужали, они становились во главе родов своих – вождями и волхвами. Они видели указанный Свыше Путь. И они готовились идти по нему. Они были рассеяны по миру, но они составляли Род – лучшие из лучших, готовые к сражениям, лишениям, мучениям и голгофам, И они строили города, возводили храмы, они верили в Единого Творца, изменившего мир и давшего этому миру возможность спасти себя. Иван видел, как менялся мир, и уже не тысячелетия, но столетия, годы клали отпечаток на лицо земель, в которых рождались одухотворенные. И высились меж пустынь и дикости стены русских городов и крепостей, и вставали они Иерихоном и Уром, Эламом и Лагашем, и еще сотнями градов, так и не найденных и не раскопанных, расцветали они по побережьям Срединного моря от Трои, Сиянны и Паленого Стана до Ярославовых Столпов, а оттуда к Оловянным островам и до самой Арконы. Теперь Иван своими глазами видел, кто создавал земную цивилизацию, кто был родоначальником наук и искусств, кто измерял ход звезд и слагал вирши. Это были века творения и взлета духовного, века познания мира и строительства, века приобщения к Богу и осознания себя Его детьми. Но приходили из сирийских и аравийских пустынь неведомые миру колена и разрушали цветущие города, выжигали оазисы, убивали царей и волхвов и заставляли писцов переписывать былое под себя, ибо не могли они, не наделенные душами, создавать и строить, слагать и творить, но могли лишь в алчи своей красть и уничтожать. В пожарницах и побоищах текли века. И уходили россы на север, основывали новые города и крепости в Киликии и Ликий, в Мисии и Капподокии, на островах Срединного моря и в таврийских своих отчинах. И создавали они царства и империи по всему миру, и ходили в дальние походы воинские, ходили не только на чужаков, но и друг на друга, забывая, что из одного Рода, и билась люто, творя то Добро, то зло, и осаждали столицу русского мира Троию вместе с дикими еще первогреками, имевшими богами себе русских героев, вершивших подвиги от Олимпа до Ливийских пустошей и от Иберии до страны желтых людей Инь. Но хранили язык свой россы, и грады их носили русские имена и сильнее их еще не было в мирах Единого

го Вседержителя, ибо не было еще ничего сильнее чести и правды.

– Но копилось зло черное, – тихо шептал волхв, – и поклоняющиеся золотому тельцу теснили поклоняющихся Богу: Силы меча и огня у них хватило, чтобы изгнать россос из всех земель, названных позже Святою Землею, так уж было определено. И не оставалось у них сил больше для открытого и честного боя, и избрали они иные пути, ибо перенимали от избранных подобно всем дикарям не лучшее, но худшее, и поклонялись их изгоям, утратившим облики россос, и делали из них, подобно тому, как из Вела-отступника сделали идолище Баала, пожирающего людей, – кровавых богов своих и поклонялись им, не способные к просветлению, но алчущие повиноваться злым и сильным. Великие времена были и чистые! Проклятые времена и черные! И столь беспощаден и силен стал натиск бездушных двуногих, одержимых жаждой богатств земных, просачивающихся во все норы и поры, изъедающих все и повсюду, что болезнью вырождения как проказой охвачены стали все, и ничего не могли поделывать лучшие из Рода. И вот тогда в мир пришел Спаситель. Пришел, чтобы указать Путь Очищения. Не среди избранных явился Он, но среди отверженных и предавшихся наибольшему злу, на тех землях, где дал Он силу детям Своим, и где они утеряти ее, утратив земли эти под натиском диких кочевников. Святая Земля! Именно там, в бездне грязи, подлости, мерзости, в омуте греховном должен был Он найти среди беснующихся и похотливых двуногих животных, не имевших души или утративших ее, всего лишь двенадцать учеников – двенадцать апостолов...

Иван будто в сумрак черной ночи, смердящей ужасом и кровью, погрузился. Он уже не видел чистых и суровых лиц, храмов и городов... Да, именно так и должно было случиться, он знал. Он видел Его! Только так! Спаситель не мог явиться среди чистых и избранных – зачем? для чего, если они и так чисты и праведны, если они идут Его Путем?! Ему было предопределено родиться среди извергов рода людского и двуногих животных, в этом сатанинском вавилоне, где смешались и посланные Им в мир, но утратившие благодать сыны Его, и твари человековидные. Там Он должен был проповедовать, чтобы обрести немногих верных и слышащих... И это был Его Путь – обретет, значит, мир еще способен услышать Слово Благой Вести, а нет, стало быть, этот мир пропащий и не при-

мет он искупительной жертвы, но будет и далее погрязать во лжи и подлости, пока не пожрет себя сам. Он должен был вернуть проклятой земле ее святость – Своей Жертвой. И Он нашел учеников, Он сумел в облике смертного разорвать коконы отчуждения, в которые были запеленуты души сынов Его россом. Он пробудил их. И погиб в страшных мучениях на Кресте – на том кресте, что дарован был Им изначально, еще до Одухотворения их Божественным Дыханием, за сотни тысяч лет до Своего Пришествия. С Его уходом зла на Земле не стало меньше. Но двенадцать Его учеников ушли в мир. И они возродили этот мир! Иван видел их, бредущими с посохами по пыльным дорогам. Они проповедовали Словом – и раскрывались души людские, и озлоблялись двуногие звери. И восставал над миром знак Святого Креста россом. И сбирались они под этим Крестом, очищались от грязи, накопившейся за столетия, вспоминали, что наделены Духом от Единого и Всемогущего, и крепили они, очистившиеся и просветленные, Крестом и мечом империи свои, выжигали нечисть, тянущую смертных в ад, утверждали утраченное в рассеянии – благородство, чистоту, доблесть, порядок, труд и веру. И не стало в мире силы сильнее, чем Церковь Христова, ибо вновь объединила под крылами своими разъединившихся, забывших, что они из одного Рода!

Страшно было видеть все это разом, сверхчеловеческим взором – страшно и благостно. Через сотни тысяч смертей, пожарища, пытки, травлю дикими зверями, преследования, горе, плачь, муки, из уже, казалось бы безвозвратного, из черной бездны – в Мир Света. За двенадцатью апостолами, за двенадцатью высокими, сильными, русоволосыми и светлоглазыми россом, единственными в океане мрака, кто нашел в себе силы содрать с себя коросту чужого мира подлости и алчи, пробудиться и услышать Благую Весть, пошли сначала сотни, потом тысячи, сотни тысяч, миллионы. И они спасли Землю... Но они не победили того, другого, параллельного мира, они не раздавили его в зародыше – и он пополз в города и села их, пополз в души и в жилы – незаметно, тайком, змеями и червями гложащими пополз. И росла и множилась паствой Церковь Христова, и горели очищающие костры Святой Инквизиции, изгоняющей слуг дьявола из мира Бога, и возносились к небесам тысячи прекрасных храмов, и возрождалось само человечество... Но одновременно просачивалось невидимое, текущее со златом и ржой зло, и процеживались в тело

Церкви личинками разложения враги ее, и разъедали изнутри, и раскололи они Ее на две части, подчинив себе западную и не найдя силы сокрушить Восточную Православную Церковь Христову. И разделив, бросали полчища крестоносцев, забывших, кто они, на братьев их россов, и тщились руками подчиненной им западной церкви, уже и не Христовой, а отступившейся и продававшей искупления за грехи, раздавить праведную Восточную. И захватывал снова мир зла Землю. И царило вырождение! И царил культ золотого тельца! Царило Черное Благо!

– Они убивали нас нашими же руками и своим золотом, не теряя его, а лишь отдавая на время, чтобы потом вернуть сторицей! – Лицо волхва было скорбно. – Они всегда брали верх и всегда заставляли играть в жизни по их правилам. И мы ничего не могли поделать. Ведь Он, Вседержитель, наделил смертных свободой воли и правом выбора. И смертные выбрали зло в роскошных, парчовых одеждах с улыбкой на устах. Они всегда выбирали зло – и от этого зло множилось. А мы уходили в леса и в горы отшельниками, мы прятались в скиты и тибетские затворы, мы уходили к звездам, а они оставались властвовать на Земле.

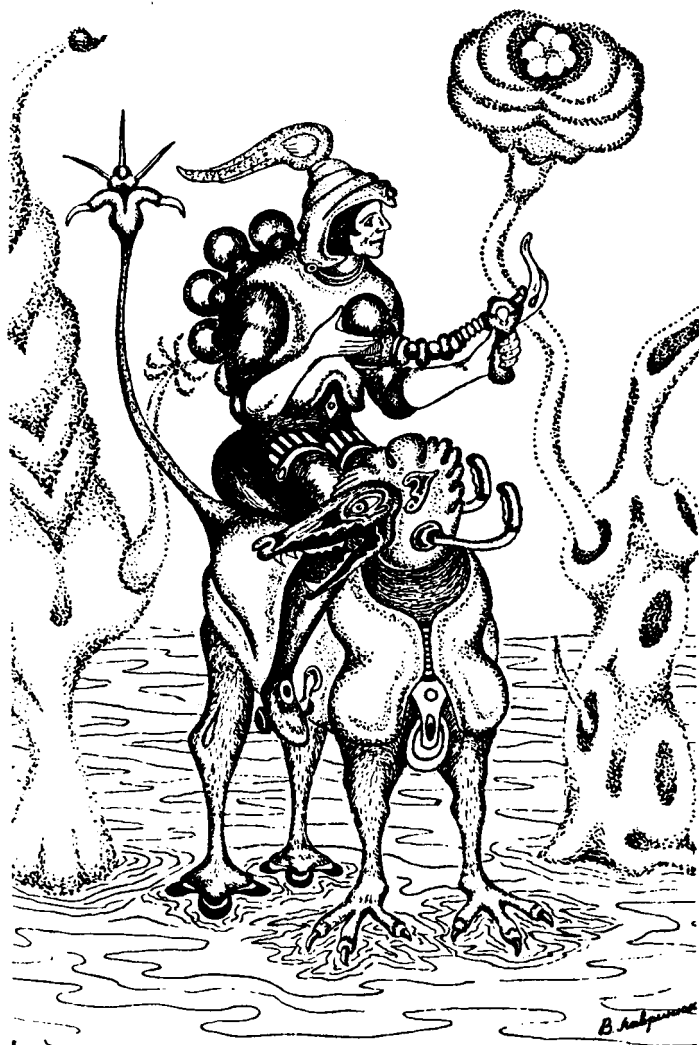
Иван вздрогнул. Прав был батюшка, прав! И почему он никак не мог его понять в долгих беседах и спорах! Почему? Да потому, что он сам шел тогда по следу, уткнувшись носом в глину и песок, он видел частности и не мог постичь целого. Сейчас он постигает это целое, и покой уходит из груди. Что же это за вековая борьба, в которой свет и добро всегда проигрывают?! Они тленны, они живут в душах смертных и уходят вместе с ними в иные миры, оставляя на неприкаянной земле зло, которое копится и копится. Правду говорит волхв – борьба шла лютая и вековая. И место россам оставалось в одной лишь Великой России, больше им негде было укрыться, не испоганив души своей. Россия выдерживала натиски извне, ее глодали черви изнутри – и они просачивались не только в правящие круги, но и в саму Православную Церковь, намереваясь источить и ее, довести до объединения с прогнившей иудеохристианской златолюбивой и не Христовой церковью западной. Сколько раз отбивала Святая Русь нашествия, сколько раз давила дьявола внутри себя... и все же вырожденные добились своего. И земля ныне кишит змеями и червями, обретшими свой подлинный вид. Горе! И никто не знает, сколько осталось до Большого Взрыва, до Апокалипсиса, который

пожрет всю вырвавшуюся из преисподней нечисть вместе с остатками созданных по Образу и Подобию.

Теперь он понимал многое, почти все. Он видел пирамиды египетские, в которых мрачные жрецы-отступники, идущие к своей власти над миром, тайно выращивали гибридных нелюдей, смешивая безумных и полубезумных, одержимых двуногих – изгоев белой и черной рас. Они выращивали дьяволов во плоти, лишенных душ, но наделенных сатанинским изворотливым разумом и безумной, истерической алчностью. Жрецы творили богочеловеков, чтобы властвовать над ними богами. Но сотворили выродков, несущих человечеству смерть вырождения, подобно смертельным вирусам, убивающим целые племена. Он видел магов Индостана, отверженных русских волхвов и браминов, которые из неприкасаемых выращивали управляемых убийц и зверолодей. И ему вспоминались демоны Пристанища, выращенные зургами-выродками вурдалаки, сверхразумные и злобные, ему вспоминались секретные подземные заводы-лаборатории, где выводили чудовищных гибридов, а потом и сатанинские лабиринты под черной землей – там биомассы было уже более чем достаточно, там дело шло быстро и споро, и лезли изо всех щелей нелюди – страшные, рогатые, клювастые, перепончатокрылые, дикие, невыносимые. Выродки тщились переплюнуть Господа Бога, они в безумной гордыне, уподоблялись отцу своему дьяволу, выращивали новые расы, они «творили»! И круг замыкался... Теперь Иван знал, что ему делать. Но он мог только в и д е т ь ! А этого было мало.

(окончание следует)

Рассказы

Валерий Вотрин

ВРЕМЯ СИЛЫ

Фантастический рассказ

– Мы устали. Мы чертовски устали. Устали от постоянных вылазок, устали от вечного страха за свою жизнь и жизнь своей семьи. Кто теперь хочет осваивать глубокую сельву, если там тебя ждет плист аборигена? Ибо это они не хотят нашего прогресса, не хотят, чтобы огромные запасы этой планеты были освоены. И поэтому они убивают нас. Они убивают нас! Но есть люди, которые желают покончить с этим одним ударом. Пока там, наверху, в Коллегии, пускают слюни эти жидкомозглые интеллигенты, здесь, внизу, в сердцах простых фермеров – ваших сердцах – зреет хороший заряд ненависти, способный опрокинуть кучку реммитов и повергнуть ее в прах. А ведь он зреет, не так ли?

Площадь перед Дворцом Коллегии тонет в громе криков. Площадь и помост на ней, а на нем – небольшой смуглый человек. Он кивает черной головой, вытягивает вперед руку – и площадь смолкает. Человек продолжает говорить.

Площадь с помостом и бурлящей людской толпой начинает медленно отдаляться, и оказывается, что это большой экран во всю стену. Напротив него четыре кресла, в которых сидят четверо. По очереди крупным планом их лица. Сначала Плауде. Затем Маклаверти. Хорбигейл. Эран. Это Высшая Коллегия планеты Ремма.

Экран гаснет, и комната погружается в полумрак. Кто-то говорит:

– Кардуччи блефует. – Это Плауде. Его голос резок и неприятен на слух.

– Это не блеф. Он бьет наверняка, – отзывается Хорбигейл. Это главный законодатель Коллегии.

– Почему? – спрашивает Маклаверти. Ему трудно в этом потоке недоговоренностей и намеков, потому что он – ударная сила Коллегии, ее кулак. А кулаки никогда не отличались интеллектом.

Плауде морщится.

– Потому что, – разъясняет он, – Кардуччи играет на головах простых фермеров, черни. Это слишком примитивно.

– А-а, – понимает Маклаверти. – Может, его пора...

– Нет, – вскидывается Плауде. – Ни в коем случае.

– Он проиграет и так, – говорит Хорбигейл. – Не стоит торопить события.

– Он не проиграет, – раздается скрипучий голос из четвертого кресла. Это заговорил Эран, самый старый из членов Коллегии, ибо он один еще помнит великую эру завоевания планеты. – Он не проиграет, – повторяет Эран.

Комната в большом фермерском коттедже, стоящем у самой кромки сельвы. За окном – обычный реммианский пейзаж: красные стволы колоссальных деревьев, чешуйчатые, изрезанные листья, вода, хлюпающая у обнаженных, переплетенных корней. В комнате много людей. У них грубые, обветренные лица, на некоторых – незажившие шрамы. Это фермеры Реммы. Они слушают человека за столом, на котором стоит небольшой глобус планеты. Он светится в некоторых местах красным.

Внезапно крупным планом – фигура человека. Это тот самый оратор на площади. Теперь его можно хорошенько разглядеть. Он смугл, жесткие, черные волосы щеткой нависают над кремневыми, темными глазами и коротким, крючковатым носом. Он невысок, но крепок и жилист. Левый рукав его генеральского мундира отрезан и наглухо зашит. Человек говорит быстро, сильно при этом жестикулируя и нередко повторяясь. Это генерал Езра Кардуччи, герой битвы при Номоне, ныне состоящий в оппозиции правящему режиму Коллегии.

– 214 человек только за прошедший год! 214 полноценных пионеров, способных только своими силами освоить сотни километров сельвы! И эти люди были убиты предательски, из-за угла!

Аудитория напряженно внимает. Крупно – вспотевшие лица, упрямо сжатые в одну полоску губы, похолодевшие глаза.

– 214 человек, – продолжает Кардуччи, – погибло от рук каких-то вонючих полузверей, и мы должны это спокойно терпеть.

Непонятно, вопрос ли это или восклицание.

– Но мы не терпим, – возражает генералу его извечный оппонент, сторонник Коллегии Торнтон Рем, судья Линтера. Это высокий, поджарый мужчина с упрямым взглядом холодных, голубых глаз. – Указ Коллегии раз и навсегда прервал войны между аборигенами и поселенцами. Теперь, как вы, генерал, вероятно, знаете, ведутся мирные переговоры.

– И вы считаете это благом, судья Рем? – вопрошает Кардуччи. – Да это несчастье! Пока там, наверху, ведутся пустые дебаты, переселенцев, которые чересчур сильно углубились в сельву, убивают!

Слышатся крики:

– Доказательства!

– Доказательства? – переспрашивает Кардуччи. – Вот они! – щелкает незаметным тумблером. – Вот вам доказательства!

Тело человека застыло в странном изгибе, и даже без страшного вида разрубленной надвое головы сразу становится понятно, что человек мертв. Постепенно ужасное видение отдалается, у него появляются рамки: это тоже экран. Слышится голос Кардуччи:

– Может, кто из вас знал этого парня? Это Роджер Вишневски, фермер из Доура. Он был убит позавчера и, как вы все можете видеть, убит реммитами.

Хаос воплей:

– Точно!

– Это плист!

– Мою жену... жену мою убили так!

Это толпа. Оттуда несутся эти крики. И вдруг надо всем этим неожиданно сильно взмывает голос Кардуччи:

– Может, вам и этого мало? Или это не доказательства?

Постепенно нарастает и, наконец, превращается в единый рев:

– Кардуччи! Генерал Кардуччи!

Профессор Хорбигейл скрещивает свои тонкие, холеные пальцы. Так он хочет скрыть их дрожь от этого почти часового

го диспута, из которого ни он, ни его противник не вышли победителями. Но Хорбигейл упрям. У него свои обоснованные аргументы.

Но генерала Ездру Кардуччи не пронять этими аргументами. Вот уже час, как он сидит напротив этого яйцеголового кретина-профессора, который не желает идти ему навстречу. Но это ничего. Генерал подождет еще.

– У вас хотя бы есть доказательства, что аборигены убивают фермеров? – устало спрашивает Хорбигейл.

– Да, и несомненные. – Кардуччи достает пачку стереофотографий и передает ее Хорбигейлу. Профессор без особого интереса их просматривает.

– Ну и что? – наконец, спрашивает он.

– Как это «что»? – возмущается Кардуччи. – 214...

– Знаю, знаю, – прерывает его Хорбигейл. – 214 переселенцев погибло за этот год. Но в своей слепой ярости вы хотите уничтожить целую расу только потому, что какие-то пьяные фермеры располосовали голову своему собутыльнику. Они – местная раса, генерал, и они старше нас. Если вы и этого не понимаете, то поймите хотя бы, что они – наши братья по разуму. А разум во Вселенной – такая же редкость, как, к примеру, черный жемчуг на старушке-Земле. Его надо оберегать, а не становиться на пути его развития.

Кардуччи прихлопывает ладонью по ручке кресла и поднимается.

– Вот что я скажу вам напоследок, профессор, – говорит он. – Я здесь, чтобы вы перешли на нашу сторону, однако вы не согласны. Мы хотим, чтобы на этой благословенной планете не распоряжались какие-то чужаки, но вы нам противоречите. Но разум, профессор, все равно возьмет верх, и тогда люди поймут, кто был прав.

В этих словах звучит неприкрытая угроза, но Хорбигейл ее не замечает.

– Вот именно, разум возьмет верх, Кардуччи, – пылко восклицает он.

Генерал усмехается и выходит.

Комната в Дворце Коллегии. В креслах все члены Коллегии, кроме Хорбигейла. Внезапно дверь открывается и в комнату почти вбегает служащий. Он подает Плауде скомканный лист бумаги. Плауде подносит его к глазам.

Почерк небрежный, строчки налезают друг на друга, края захватаны чьими-то грязными руками:

«Сегодня утром группа реммитов, вооруженная пистолетами и лучеметами, вышла из леса южнее фермы Дэликит и напала на нее. Убито 18 человек, в том числе хозяин фермы. Я не смог подавить справедливого возмущения соседей несчастного фермера, и они с оружием в руках поднялись против притеснителей. И это только первая ласточка, уважаемые господа Высочайшая Коллегия! Мирным переговорам с враждебными нам аборигенами положен конец. По всей планете фермеры вооружаются, чтобы бороться с реммитами. Настало наше время!

Генерал Езра Кардуччи».

– Что это? – рука Плауде брезгливо разжимает пальцы, и листок падает на пол. Вопрос риторичен, поэтому на него никто не отвечает. Плауде продолжает:

– Видно, генерал совсем спятил. Надеюсь, он не примкнет к мятежникам Эммаура?

Слышится старческое покашливание. Это воспрял к жизни Эран.

– Он не спятил, Плауде, – говорит он. – В его лице мы получили самую большую проблему со времен начала колонизации. Истребление реммитов – реальный и грозный факт, который положит начало уничтожению жизненного цикла планеты.

– Я уверен, – включается в разговор Маклаверти, – что все его убийства переселенцев реммитами – фальсификация.

– Я тоже так думаю, – говорит внезапно появившийся в дверях Хорбигейл. – Кардуччи способен на это.

– Читайте! – говорит Плауде и протягивает им поднятый с пола листок. Хорбигейл и Маклаверти читают, Эран дремлет в своем кресле. Наконец, чтение оканчивается и воцаряется тишина. Ее прерывает Хорбигейл.

– Слишком поздно! – говорит он, и мы видим его глаза.

Лагерь генерала Кардуччи, расположенный в лесу, недалеко от реммитского города Юнгейл. Неделию назад люди генерала соединились с войсками Нобдорма Эммаура, мятежного судьи из Де Зога. На большой поляне горят костры, возле них – люди. Их около полутора тысяч. Возле самого большого костра стоят Кардуччи и Нобдорм Эммаур, огромный, с лысой массивной головой. Они смотрят на небольшую процессию,

выходящую из леса и направляющуюся к ним. Это реммиты. Впереди идет судья Линтера Рем и реммит в синем плаще. Это высокий гуманоид с кожей цвета красной киновари. Процессия останавливается недалеко от костра, и вперед выходит Рем.

– Мир и приветствия вам! – начинает он. Двое у костра молчат.

Рем откашливается.

– Высокородный Т'ауру, губернатор Юнгейла, хочет узнать, зачем возле его города столько людей?

– Сначала ты ответь мне, Рем, с каких пор ты служишь толмачом у аборигенов? – обрывает его Кардуччи.

Рем смеривает его взглядом.

– С тех пор, как меня попросили это сделать в Коллегии.

– Так вот скажи своему туземцу: пусть он передаст привет от нас его предкам на небесах! – кричит Кардуччи и выхватывает лучемет. Охрана губернатора Т'ауру спохватывается, когда уже поздно: луч разрезает их и кромсает на куски. Первыми погибают Рем и губернатор Юнгейла.

Кардуччи поворачивается к кострам и кричит что есть мочи:

– Штурм через два часа, ребята!

Общий хор воплей говорит о том, что его поняли.

Дворец Коллегии. Три часа назад огромная толпа, внезапно нахлынувшая из соседних переулков, выкрикивая имя генерала Кардуччи, ворвалась внутрь, но была рассеяна огнем лучеметов охраны. Однако не без последствий: толпа нашла случайно оказавшегося в тот момент на первом этаже члена Коллегии Маклаверти.

Совершенно обезображенный труп Маклаверти. Он лежит перед порталом Дворца, на простреливаемом лучеметами пространстве. Это пространство – нейтральная зона, положение которой весьма временно: перевес сил явно на стороне толпы.

Та же комната во Дворце. На стене мечутся фигурки, среди которых время от времени возникают разрывы и сполохи желтого огня. На экране штурм Юнгейла войсками Кардуччи и Эммаура. В комнате Плауде, Хорбигейл и Эран. Беспрестанно раздаются позывные коммуникаторов. Плауде, стоя, разговаривает сразу по двум аппаратам. Хорбигейл и Эран – в креслах. Закончив разговор по одному из аппаратов, Плауде мрачнеет.

– Войска мятежников взяли Юнгейл и Тайр, уничтожив там почти всех наших людей, призванных поддерживать порядок, – говорит он. – Приспешников Кардуччи здесь, в Номоне, великое множество. Во главе их сын генерала Инальдо. Это под его предводительством чернь штурмовала Дворец.

Крупным планом лицо Эрана. Внезапно он широко открывает глаза и прислушивается. Внизу вновь начинается штурм. Оттуда доносятся невнятные крики, иногда комната на мгновение озаряется вспышкой от лучей.

Раздаются сразу несколько сигналов коммуникаторов. Плауде и Хорбигейл срываются со своих мест и спешат к ним. Эран с несвойственной его возрасту прытью встает и подходит к окну. Оно лучестойко и пока ему ничего не грозит. Из окна видна освещенная огнем площадь перед Дворцом и смутные, перемещающиеся по ней фигурки.

Старик нажимает кнопку, дверь мягко отходит в сторону, и он выходит на балкон. В лицо ему ударяет сладковатый ветер сельвы, приносящий запах дыма.

– Все кончено! – говорит Эран, и его голос отчетливо разносится в прохладном ночном воздухе. – Все кончено!

Плауде слышит его голос, поворачивается и протягивает руку, как будто на расстоянии в десяток метров сможет его остановить. В это время Эран резко перебрасывает свое тело через балюстраду, и оно летит вниз. Через мгновение оттуда доносится глухой звук падения. Еще через мгновение ворота Дворца обрушиваются, и в следующие минуты воздух оглашают лишь вопли умирающих защитников.

– Огонь!

Лучи вырываются из стволов и подрубают шеренгу ремитов. Те падают. Некоторые еще шевелятся, и их добивают. На влажной земле – вал из трупов. На место убитых пригоняют новую толпу аборигенов, в которой можно видеть и людей. Все повторяется сначала.

Это расправа над уцелевшими во время штурма Юнгейла, Тайра и Нуссена. Командует ею Кардуччи. Он возвышается над расстрелом, стоя на обрубке древней каменной стеллы. Видны его оскаленные зубы, когда он вновь и вновь командует:

– Огонь!

Сзади него виднеются фигуры Эммаура и полковника Витовта Штиры, адъютанта мятежного судьи. Они взирают на казнь.

Кардуччи чего-то ждет. Видно, как его пальцы перебирают какую-то вещь. Внезапно крупным планом – в его пальцах небольшой лучемер.

– Огонь!

Вдруг рядом с Кардуччи появляется солдат. Это посыльный. Он добрался сюда из Номона. Вполголоса он что-то говорит Кардуччи. Лицо того проясняется. Он поворачивается к Эммауру и Штире. Пальцы его твердо сжимают лучемер. Он направлен на бывших мятежников.

– Что-нибудь случилось? – спрашивает Штира, испуганно глядя на него. – Что-то случилось, генерал?

– Да, – медленно отвечает Кардуччи. – Хорошие вести от Инальдо. Дворец взят, все члены Коллегии погибли.

– Слава Богу, – басит Эммаур. – Теперь все будет в порядке.

– Это точно, – тянет Кардуччи. – Все будет в порядке. Но будет без вас

И не успевают Эммаур и Штира сообразить, в чем дело, луч по очереди прожигает их насквозь.

– Ведь они уже не нужны мне, – как бы оправдываясь, говорит Кардуччи, пряча лучемер.

Но даже никакой тени оправдания нет на его лице, когда он поворачивается к последней горстке представителей древней расы, которая скоро перестанет существовать вовсе.

– Огонь! – командует генерал Ездра Кардуччи. Ибо настало Время Силы.

Валерий Вотрин

НЕТ РАЗУМА

Фантастический рассказ

На подходе к пятому десятку Рассел Рассел стал свидетелем неизмеримого величия Бездны. Он не знал, да и не хотел знать, что таилось в глубине черных, неосвещенных звездами пространств и какие сюрпризы преподнесут они своим будущим исследователям. Он просто увидел то, о чем говорилось и писалось так много, и это потрясло его, пожалуй, даже больше, чем картины многочисленных миров, которые ему приходилось лицезреть. Если же копнуть поглубже, даже не это привело его в такой странный трепет, граничащий с каким-то боязливым благоговением, а так и не обнаруженная его цель, ради которой он преодолел неисчислимые парсеки темного безмолвия. Пропетляв из-за этого самыми немыслимыми путями, пострадав от самых разнообразных напастей и проделав титаническую для одного человека работу, он оказался внезапно на краю и теперь был обескуражен. Дальше пути не было, а следовательно, не оставалось и надежды на то, что он хоть что-нибудь отыщет. Его корабль висел чуть накрепившись в извечной пустоте перед лицом Великой Запредельной Тьмы, а под ним сиял молочный край Галактики, четко вырисовываясь на фоне окружающей ее черноты, состоящий из тысяч ярких и блеклых солнц. Внутри корабля скорчился Рассел Рассел, человек, у которого внезапно была выбита почва из-под ног.

Наконец он очнулся. Первое впечатление прошло. Он медленно встал из пилотского кресла и, пройдя в задний отсек своего небольшого одноместного судна, налил себе кофе. Так, с чашкой в руках, он снова прошел в рубку управления. Да, он

сполна почувствовал давящую силу безмерных звездных пустынь, и пришло осознание себя мелкой песчинкой, мыслящим тростником, как представляли себе древние. И пришло это не тогда, когда над ним нависали странные чужие небеса, белые, черные, желтые, коричневые, серебристые, не тогда, когда три, а то и целый десяток солнц бороздил эти небеса над ним, а вот именно теперь, когда он оказался на краю своей жизни и своих мечтаний.

Рассел был сильный человек. Слабый не выдержал бы всех этих бесконечных перегрузок, и уж точно не вытерпел бы страшного одиночества и тишины, которые неотступно нависают над каждым разведчиком. Не то чтобы ему было абсолютно незнакомо чувство страха. Просто он никогда не думал о нем как о чем-то совершенно непреодолимом. Никто не стоял над ним. По сути сказать, он был энтузиаст, один из многих. А потому все эти громкие слова – содружество, федерация, союз, лига – ничего для него не значили. Он верил лишь в одно – в разум, и искал его, преисполнившись благих намерений.

Рассел искал разум. Он не был корыстолюбив, не искал наград, и его вера в великое будущее человечества, вступившего в союз с равным ему разумом, подстегивала его, гнала вперед и вперед. Но теперь поиски были закончены. В одиночку он исследовал множество миров, видел тьму картин, иногда завораживающих, иногда пьянящих, иногда чарующих, а подчас просто жутких. Но нигде не нашел он разума. Что проще – единый проблеск разума, искорка понимания в чужих глазах, внезапный поток ответной речи, пожатие руки рукой, или клешней, или веткою, или щупальцем, просто какие-нибудь звуки в ответ, разумные звуки в ответ, а не рык или коварный бросок. Рассел мечтал об этом, желал этого, видел это во сне – но наяву ему приходилось туго. Он искал – и не находил.

Он допил кофе и бросил чашку на пол. Затем достал свой журнал. Здесь было отмечено все, что он видел, потому что Рассел был скрупулезен, даже в чем-то мелочен. Журнал этот представлялся для исследователей просто неисчерпаемым кладезем сведений о невиданных планетах. Сведения, сведения, сведения теснились в нем, напоздали друг на друга, загромождали все – когда-нибудь кто-нибудь разберет их. Но не Рассел.

Он перелистнул несколько страниц и на последней отчеркнул ногтем строчку. Длинная строка, состоящая из нудного перечня цифр, букв и непонятных значков, обозначала планету, еще один мир, который Расселу в последний раз предстояло обследовать. Если и здесь ничего... Тогда возвращение домой. Но об этом у него никогда не находилось времени подумать. Что будет? Что будет, когда он вернется? Что он станет делать? Поневоле эти бесконечные поиски стали его второй жизнью, и оказалось теперь, что ему совсем не хотелось расставаться с нею.

Корявые неясные значки. Наверное, тип звезды, разновидность спектра. Что еще? Он не знал. Он кинул журнал туда, откуда взял его, и вывел корабль из дрейфа. Перед ним была цель, а Рассел был не из тех людей, которые способны бездействовать, когда у них есть цель.

Предоставив судну лететь заданным курсом, он вновь погрузился в раздумья. Разум. Как можно охарактеризовать его? Что он такое – человеческий разум? Ум, способность рассуждать. Но Рассел не был идеалистом, он и не рассчитывал найти в глубоком космосе нечто похожее на человеческий разум. Хорошо, но что тогда – разум нечеловеческий? И способен ли кто-нибудь понять или хотя бы распознать нечеловеческий разум? Способен ли на это он сам? Он не знал этого, но надеялся на то, что сумеет. А где-то в глубине тлел огонек сомнений.

Логос? Нус? Интеллект? Нет, он не надеялся, что столкнется с чем-то демиургическим, мироустроющим. Такое мог помыслить лишь человек, очень далекий от космоса. Простой рассудок, да, конечно, способность рассуждать, пусть нечеловеческими категориями, пусть чуждо, даже неприглядно, даже просто отталкивающе, но – рассуждать. И он в очередной раз подумал, как сильна жажда человека почувствовать руку брата по разуму.

Иногда он связывался с остальными разведчиками. И всегда отключался с каким-то сосущим чувством в душе, будто что-то не получалось, не у него одного, нет, у всех, что-то важное и, главное, нужное, ну, не получалось, не клеилось, не шло, и виной этому был не он сам, и даже не кто-то конкретный, кого можно было наказать, а просто никто – тому не было виноватых. Может, это-то и угнетало его сильнее всего.

Уже тогда, когда белая звезда появилась перед ним на экране, он понял, что планета ее, единственная планета системы,

ненаселена. Это солнце, появившееся перед ним как бы в ореоле белого неяркого свечения, было последней звездой здесь, в этой части Галактики. Оно одиноко висело почти на краю ее, пыльный позабытый фонарь, и интуиция, это особое чувство, которое выработалось у Рассела за долгие годы скитаний, уже подсказывало ему – и здесь ничего. На ровной поверхности, не обремененной скальными хребтами и темными пятнами водоемов, не имелось даже ничего сколько-нибудь похожего на города или же их остатки. Ровная, ровная поверхность. Правда, здесь была атмосфера. Но Рассел про себя уже решил, что она наверняка состоит из убийственных для человека соединений. Да, человека здесь быть не могло. А вот что-нибудь другое... Вероятно.

Надежда вновь зашевелилась в его душе.

Медленно, осторожно, как все, что он делал в своей жизни, он посадил корабль. Посадил и, поднявшись, отправился еще за кофе, пока приборы определяли пригодность окружающей среды для существования жизни. Он был скептиком, а потому не поверил своим глазам, когда, вернувшись, увидел на экране горящие буквы: «Планета пригодна для жизни». Он даже выронил чашку и облил себе брюки горячим кофе. Ругаясь, он еще и еще раз читал заключение, и у него складывалось впечатление, что приборы лгут.

Но они не лгали.

Тогда он вышел из корабля. Странно, но воздух здесь был как на полузабытой Земле, головокружения и других неприятных ощущений не наблюдалось. Но вот пейзаж, открывшийся его глазам...

Он стоял посреди огромной песчаной пустыни. Серые шуршащие пески уходили далеко за горизонт. Не было ни ветра, ни облаков, солнце лило сероватый неяркий отсвет на серую землю. Где-то там, у горизонта, небо и земля сливались вместе, ибо были одного цвета. Крайняя отчужденность, отрешенность от всего, – вот что чувствовалось здесь и было настроением этого места. Еще сильнее, чем там, на краю Бездны, здесь возникало понимание того, что ты – нечто переходящее, то, что быстро пройдет и не оставит следа, и до тебя было много таких же, но других, которые давно прошли и уже не вернуться.

Пустыня была нема. Рассел медленно опустил голову. Он все еще не мог поверить.

Неужели все впустую? Все эти поиски, все надежды, – все впустую? Впустую самое главное – потуги человечества обрести равного, того, кто поможет, освободит от ненужных склок, поможет, подтолкнет, примет к себе, в сверкающее братство Вселенной?

– Но ведь это же несправедливо! – закричал вдруг Рассел пустым серым небесам. – Мы не достойны этого. Мы не готовы к пониманию этого. Мы не хотим этого.

Нет, не хотим. Что будет с ним, что будет теперь с другими, теперь, когда непреложная и страшная в своей наготе истина открылась людям? Как справится человек с осознанием того, что он одинок в своем существовании в просторах Галактики?

И вдруг надежда охватила Рассела с новой силой. Ведь то, что он сегодня видел, да, да, Бездна, – быть может, там, в ее глубинах, на просторах других галактик, далеких и пока еще недоступных, дремлет разум. Может, там таится результат их долгих поисков. И придет оттуда когда-нибудь или они придут к нему или...

Его взгляд наткнулся на нечто. Ибо это и было нечто, странный бугорок серого песка, немного выдающийся над ровной как стол шероховатой поверхностью и потому привлекающий внимание. Рассел нагнулся, чтобы разглядеть его, потом тихонько копнул ногой. Бугорок накренился и развалился. Внутри его лежала позеленевшая от времени капсула. Рассел отшатнулся в изумлении. Наконец-то, после долгих, долгих трудов, после всего... всего этого... капсула! Он схватил ее и, крепко зажав в руке, забежал в корабль. Здесь он сунул капсулу в одно из отверстий на панели и стал ждать. Безусловно, капсула была очень древней, зеленоватый металл покрылся толстой коркой окислов, но, вне всякого сомнения, это был крепкий, надежный металл, он сумел сохранить послание неизвестной разумной расы.

В динамике легонько зашуршало, потом громче, громче, громче, и тогда сквозь сильное шуршание, преодолевая его, а потом и сами становясь частью его, – по помещению поплыли редкие мелодичные слова языка, давно забытого, и существ, уже не существующих. Анализатор сразу же переводил их на понятные Расселу.

«После мучительных и долгих скитаний, – говорил анализатор, – оказались мы на этой планете. И не радость, переполняющая нас, не ликующее чувство победы, заставляет произ-

носить эти слова. Страх глубин космоса высосал наши души, пребывающие в поисках ненаходимого, усталость иссушила наши сердца, надеявшиеся на вероятность невозможного. Мы, путники, – в тупике. Ибо нет теперь у нас цели, и некому передать ныне знания нашего угасающего разума. Цепь наследования прервана. Преимущество рассудка утрачено».

Когда отзвучали последние слова послания, Рассел без сил опустился в кресло. Ему не хватало дыхания. Здесь, на последней планете последней звезды, он услышал слова древнего народа и был потрясен. Не они одни тягостятся этой проблемой. Были до них и те, кто в нескончаемо длинной череде веков до них страдали от осознания своего одиночества и наготы пред холодом Вселенной, о глубине безграничной скорби, содержащейся в словах послания, он понял это.

А что же те, другие? Которые сейчас, в данный момент, ищут и не находят? Они никогда не найдут. Те, кто искал до них, раса наверняка мощная и технически развитая, обыскали и облетели всю Галактику, не пропустив ни одного мира. Бесполезно. Эта мысль снова вспыхнула в мозгу Рассела.

Он огляделся вокруг. И взгляд его наткнулся внезапно на еще один бугорок. Потом еще на один. А вон там – да, совсем далеко, еще два... или это только кажется? Безжалостное время сравняло их с серой землей.

На корабле он вставил в гнездо пустую капсулу и, немного помедлив, начал:

«После мучительных и долгих скитаний, после сложностей и опасностей, выпавших на мою долю в изобилии, я, разведчик Рассел Рассел, оказался на этой планете...»

Он остановился. Долго сидел в безмолвии, а прибор тихо шелестел, готовый записать любое его слово. Но Рассел больше ничего не сказал. Он поднялся и вышел с корабля.

– Нет разума! – произнес Рассел Рассел и засмеялся. Он смеялся громко, взახлеб, хохотал, задрав голову к небесам, к вечно-неизменным небесам, а унылые пески безмолвно смотрели на него – на человека, который смеется посреди вечной пустыни Разума.

Валерий Вотрин

ПОКОЙ ВАЛЬХАЛЛЫ

Фантастический рассказ

Ровный, усыпляющий гул вдруг прервался, что-то почти неслышно щелкнуло, корабль колыхнуло, и враз пропала темная пелена за обзорными иллюминаторами, смотревшими до этого в крошечный мрак. Теперь пассажиры могли сполна насладиться видами космоса за бортом корабля. Неясные мазки бледного света, исходящего от холодных, потухающих звезд, затмевались бесчисленными, ярко блистающими точками красного, фиолетового, малинового, голубого и желтого цветов на фоне багряного межзвездного газа, а на некоторых участках – черноты космоса, которая, казалось, никогда не озарялась светом звезд. Многие точки-звезды, расположенные на невообразимых расстояниях, сливались в одну, пылающую многоцветьем, переливающуюся подобно редкому кристаллу, привезенному с чужих, пустынных планет. Застывшие клубы межзвездного газа принимали странные формы: волны, завихрения, протуберанцы, пыльные водовороты, закручивающиеся гигантскими смерчами.

От толчка Блейк проснулся. Он было задремал в большом, удобном кресле – такие кресла стояли в каждой каюте. В самом начале путешествия он уселся в это кресло, отказался от услужливо предложенного стюардом ужина и погрузился в свои невеселые думы, задремав незаметно для самого себя. Сейчас он уже не смог бы сказать, о чем думал. От мыслей, внезапно улетучившихся из головы и оставивших там неприятную пустоту, в душе плескало тяжелым холодом. Он поднялся и подошел к иллюминатору. Подошел не близко, ибо непонятный страх держал его на приличном расстоянии от

обзорного окна: ему казалось, что эта прозрачная перегородка слишком тонка, что в любую минуту вечный Космос с его невидимыми, но грозными опасностями, смертоносным, леденящим холодом, ворвется в маленькую каюту, сминая хрупкое стекло. Космофобия. Если бы не существовало звездных перелетов, не было бы и этого ужаса перед неведомым, черным. Блейк невесело улыбнулся. Он, капитан, человек, который должен был бы доверять космосу, знать его, боится великих пустынных пространств как ребенок. Но именно это для Блейка и не было удивительным: во всяком случае, он не восторгается слепо дивными соцветьями звезд.

Его мысли приняли несколько другую направленность, когда он увидел немного правее по курсу цель своего путешествия. Серо-зеленый шар, окутанный белесоватой дымкой атмосферы, был уже близко. Вальхалла. Для многих в Ойкумене слово это значило очень много: слишком много надежд было связано с ним. Кто-то жаждал вечного покоя. Кто-то – записи в генеалогических таблицах. Кто-то, желая и в смерти возвышаться над другими, оставлял в завещании пункт о погребении именно на Вальхалле, и несчастные родственники, скованные необходимостью и последней волей умершего, везли его тяжелый фоб на планету, чтобы раз и навсегда отвязаться от постылых обязательств.

Блейк вздохнул. И он тоже не мог объяснить истоков этого стремления. Тусклый, мертвящий шар планеты приближался, не оставляя места размышлениям, и Блейк еще раз, последний, вспомнил, зачем он здесь, зачем летит на Вальхаллу.

Полвека он провел, бороздя тьму глубокого космоса, иной раз даже звезд не видел, лишь нечеткие блики их, искаженные барьером гиперпространства. Водил и торговые транспорты, и военные корабли. Такая жизнь помешала женитьбе, и Блейк остался холостяком. Детей тоже не нажил. Может, правда, бегают похожие на него маленькие блейки где-нибудь в дальнем порту позабытой Господом планеты... Обычная участь звездолетчика. Скопил состояние: капитаны прилично зарабатывают. И только недавно вдруг понял, что – один в жизни. Совершенно, абсолютно один. Чтобы – уютный вечер у камина, сигара, потрескивающие поленья, а рядом большая собака дремлет, положив морду на передние лапы, а поодаль детишки возятся, играют, а молодая, стройная жена в домашнем халате готовит ужин на кухне, что-то тихонько мурлыча себе под нос, – ничего этого у него никогда не было и не будет.

Осознав это, Блейк впал в депрессию. Была мысль плюнуть на все, запереться, не выходить больше в мир... Тихонько подполз критический возрастной рубеж, а за ним и отставка. В одно утро он проснулся, зная, что теперь будет делать. И это был выход из тупика, в который засунула его сама жизнь, какой-никакой, а выход. Он взял билет на корабль до Вальхаллы.

Что побудило его сделать это, он не знал. Он всегда относился к тем, кто при жизни заказывает себе места на кладбище или выпрєнные эпитафии, как к неисправимым пессимистам. Теперь он сам летит на Вальхаллу. А что это за мир, если не вселенский некрополь?..

Все население Вальхаллы состояло из бесчисленных покойников. Живых на планете было мало – только клерки да служители некрополей. Каждый день тяжелые транспорты прибывали на Вальхаллу, привозя в своих трюмах гробы различных конфигураций, а другие корабли, пассажирские, выгружали в то же время из недр своих отсеков безутешных родственников. На Вальхалле хоронить было дорого, но престижно. Здесь удостаивались погребения не только представители земной расы, но и представителей других рас Вселенной, столь же многочисленных.

Серый шар стремительно приблизился, дымка атмосферы со свистом облекла корпус корабля, и поплыли вниз, за иллюминатором, туманные, плохо еще видные пейзажи планеты. Блейк вновь опустился в кресло. Его последней мыслью перед посадкой на планету была: «Это мой звездный, предзакатный час, венчающий всю мою бесполезную, ненужную жизнь. Из нелепого, но такого понятного тщеславия я желаю покоиться здесь, и нигде больше». Продвинуться дальше в своих размышлениях Блейк не мог, даже если бы не было муторных ощущений при посадке. В его мозгу возник какой-то странный барьер, и засела лишь эта единственная упрямая мысль: «Упокоиться на Вальхалле... На Вальхалле...» Что будет потом, после того, как все проблемы с выбором места на некрополе будут улажены, Блейк не представлял. Барьер в мозгу мешал его размышлениям о дальнейшей своей судьбе.

Корабль вновь дернулся, зазвучал из динамика хрипловатый голос, сообщивший, что судно прибыло на планету Вальхалла. Счастливого упокоения!

Толпа прибывших сходила по протянувшемуся к плитам космодрома Вальхаллы трапу и сразу же спешила к стоявше-

му рядом приземистому транспорту. Блейк остановился поодаль. Зазвучала траурная мелодия. В толпе родственников слышались приглушенные всхлипывания. Из зева корабля появились на бесшумных транспортерах ряды гробов. Блейк не стал дожидаться конца церемонии и неспешно направился к зданию паспортного контроля. Подул слабый ветерок.

В комнате сидел вежливый клерк. Его лицо было торжественным и печальным. Он был одет в черный костюм.

– Мистер Александр Блейк, капитан в отставке, – произнес клерк глубоким, пронизанным профессиональной скорбью голосом, глянув в паспорт Блейка.

Блейк кивнул. Клерк огляделся, и в его глазах появилось удивление.

– А где же ваш багаж, мистер Блейк?

– Мой багаж – это я сам, – попытался пошутить Блейк. Но клерк, видимо, шуток не понимал.

– Я имею в виду ваш гроб, мистер Блейк.

Настала очередь удивляться Блейку.

– Мой гроб? – поразился он. – Мой...

– Да, да ваш гроб, – нетерпеливо повторил клерк. – То есть гроб того, кто будет удостоен погребения на Вальхалле.

Теперь Блейк понял.

– У меня нет с собой гроба, – произнес он. – Я решил самолично заказать себе место на здешних некрополях.

Такого, видимо, здесь еще не бывало. От удивления у клерка отвисла челюсть.

– Само... Как вы сказали?

– ...лично, – довершил Блейк. – Я, видите ли, человек самостоятельный. – Он улыбнулся.

– Ну-ну, хорошо, мистер Блейк...

Выходя из помещения с паспортом в руках, Блейк чувствовал спиной изумленный взгляд клерка.

Он вышел из здания и оказался под низким, мутноватым, белым небом без солнца, овеваемый ветром, пахнущим сухой землей. Блейк ожидал увидеть ряды крестов, уходящие вдаль, но вместо этого увидел стоянку аэро. К нему подошел человек в сером костюме с криво сидящим галстуком.

– Куда доставить ваш багаж, сэръ? – осведомился он.

Опять багаж. Блейку это уже надоело.

– Доставьте лучше меня самого, – ворчливо отозвался он, садясь в кабину. – В вашу главную контору.

– У вас нет багажа? – поразился человек. Его удивление не казалось наигранным.

– Нет, нет, – недовольно произнес Блейк. – Я приехал сам заказать себе место.

– Тогда, – просиял водитель, – я отвезу вас в отдел распределения.

Кабина аэро была тесна даже для двоих, зато сзади имелось большое багажное отделение. Блейк наблюдал, как земля остается далеко внизу. Пролетев над необъятной шириной космодрома с вытянутыми или, напротив, приземистыми корпусами кораблей, сразу же оказались над огромным холмистым полем. Блейку показалось, что все оно усыпано белыми костяшками домино. Он попросил водителя опуститься, и аэро оказался на земле, на самой середине отличной, гладкой дороги. Белые доминошины приблизились и оказались белыми мраморными надгробными плитами.

– Это могилы тех, – любезно пояснил водитель, – кто не смог заплатить по высшему курсу, но тем не менее пожелал покоиться в земле Вальхаллы.

– А-а, – протянул Блейк. Ему такая участь не грозила. Хоть он и не считал себя богачом, у него имелось достаточно денег, чтобы не лежать после своей кончины в сухой, осыпающейся земле этого поля под ханжеской белой плитой.

Аэро быстро покатил по дороге, а холмы, усыпанные белым просом плит, проплывали мимо, поражая своей однообразностью. Даже когда аэро вновь поднялся в воздух, поле внизу долго не кончалось. Пролетев над последним рядом белых могильных надгробий, Блейк с каким-то внутренним неудовольствием подумал, что места еще много.

Аэро опустился возле огромного, прямоугольного строения со странным выпирающим прямо из плоской крыши шпилем, казавшемся здесь неуместным.

– Отдел, распределения, сэр, – сказал водитель.

Блейк расплатился и вышел. Он вошел в здание и уперся в небольшую конторку, за которой сидел клерк, чем-то похожий на того, в здании космодрома. Выражение его лица было задумчиво-печальным. У него была бледная кожа и узкогубый рот. Молча он принял паспорт Блейка, молча изучил его также молча воззрился на Блейка.

– Я хочу заказать себе место, – сказал Блейк, с ужасом ожидая, что вот и этот сейчас будет широко раскрывать глаза, распяливать в изумлении рот и задавать дурацкие вопросы. Но

клерк кивнул, и перед ним на столе оказался чистый бланк с множеством пустых граф. Клерк начал быстро заполнять верхние графы.

– Как ваше имя? – спросил Блейк, чтобы хоть как-то нарушить повисшую тягучую тишину.

– Меня зовут Межу, – быстро сказал клерк, не переставая писать. Записав фамилию Блейка и род его занятий, он откинулся в своем кресле. Блейк облокотился на конторку.

– Итак, вы хотите быть похороненным на Вальхалле, – произнес Межу. – Какую карту вы желаете выбрать?

– Да уж не ту, с белыми плитами, – сказал Блейк, вспомнив о непрестижном поле с сиротливыми белыми плитами.

– Понимаю, – тонко улыбнулся Межу. – Видите ли, мистер Блейк, карты некрополей Вальхаллы очень сложны по своей структуре. Есть карты кремированных, карты Башен Молчания, карты гидрации... Но, быть может, эта тема для вас неприятна?

– Нет, нет, – поспешил успокоить его Блейк. – Я хотел бы лежать в склепе. Не очень дорого, и чтобы там не было этих новомодных штучек вроде самозадвигающихся плит или динамиков, встроенных в головы статуй.

– О, значит, вам нужен склеп! – профессионально возрадовался клерк. – Вы выбрали как раз то, что нужно.

– С е й ч а с мне это не нужно, – сурово оборвал его радость Блейк. – Просто я хотел бы покоиться в склепе.

Клерк убрал улыбку с лица, и оно снова превратилось в трагедийную маску. Он что-то быстро написал на бумаге, что-то вычеркнул точным, отработанным движением, что-то аккуратно подчеркнул и протянул бумагу Блейку. Тот попрощался и вышел из здания.

Оказавшись на улице, Блейк поднес бумагу к глазам. Под его фамилией напротив графы «Вид услуг» было подчеркнуто слово «Скл», другие сокращения – «Земл», «Сарк», «Баш Мол», «Гидр», «Кремир», «Мум», «Косм» – были зачеркнуты. Были зачеркнуты и странного вида значки, расположенные ниже. Блейк знал, что это вуйдурская графика, и был согласен с этим, ибо не хотел быть похороненным как вуйдурец: своих мертвецов они подвешивали вниз головой на высоких деревьях. Конечно, такой вид захоронения был свойственен именно Вуйдуру с его обширным письменным сводом законов, традиций и сказаний, которые подводили прочный фундамент под обычай подвешивания за ноги после смерти, но все же их леса

были похожи на страшный сон: трупы словно экзотические фрукты на деревьях и гнилостный запах.

Под вуйдурскими иероглифами теснились выпуклыми точками заковыристые значки неизвестной Блейку расы, под ними тянулись однообразные на первый взгляд линии кайхан, теплыми волнами переливался округлый меандр Бенетнама. Но все это многообразие жестко перечеркивала ровная линия, прочерченная клерком.

«Да, меня так уже не похоронят», – со странным сожалением подумал Блейк. Сзади окликнули. Он обернулся и увидел Межу, выглядывающего из дверей.

– Я забыл сказать, мистер Блейк, – крикнул он. – Вам сейчас нужно посетить свое место. Северо-восточная карта склепов. Это совсем недалеко.

Блейк кивнул. Рядом с ним вдруг оказался аэро, водитель пригласил его сесть. Блейк сказал, куда ему нужно, и аэро поднялся в воздух.

– По дороге, пожалуйста, – мягко сказал Блейк. Он не хотел обижать водителя и в то же время желал осмотреть окрестности. Водитель что-то хмыкнул, и аэро опустился на ровную дорогу.

Сразу же после того, как скрылся из виду нелепый шпиль отдела распределения, дорогу окружили колоссальные курганы. Некоторые из них были увенчаны крупными обтесанными камнями.

– Это карта аламакцев, – вдруг сказал водитель, хотя Блейк не ожидал от него радушия гида.

Курганы были огромными, остроконечными, похожими на брошенные и давно вросшие в землю шлемы древних витязей-великанов. Внезапно на вершине одного из них Блейк заметил огонь, а вокруг – толпу веселящихся существ. Они были похожи на больших сурков.

– Тризна, – пояснил водитель. – У них не принято печалиться. Мне бы туда, – добавил он с внезапной завистью.

Поле курганов кончилось неожиданно, сменившись суровым горным ландшафтом. Аэро начал крутой подъем. Белое небо Вальхаллы вдруг приблизилось и потемнело.

Водитель вдруг хохотнул.

– Любят суровую обстановку... Вот дурни! Смотрите, даже молнии есть!

И впрямь, снаружи подул сильный ветер, влетел в окна. Запахло озоном и засверкали белыми, извилистыми нитями молнии.

– Кто это любит? – спросил Блейк.

– Да кайхане, – сразу же откликнулся водитель. – Специально заказали такую погоду, чтобы постоянно стояла над горами. Суровые существа... Да вот, кстати, и они!

Впереди на дороге показалась длинная темная процессия. Аэро приблизился к ней, пристроившись в хвосте. Блейк взглянул на кайхан. Долговязые фигуры, задрапированные в черные плащи, с привешенными сбоку мечами медленно шли, неся длинный, окованный серебром гроб-колоду. Их желтые ястребиные лица с суровыми, резкими чертами были мрачны. Они негромко тянули погребальную песнь, висевшую в воздухе стонущим, тягучим пологом.

Блейк хорошо знал обычаи Кайха. На плащах кайхан он увидел белый щит клана Койссор. Он посмотрел вверх. Траурная процессия поднималась по извилистой тропинке к узкой пещере, выбитой в недрах нависающей над дорогой скалы. Длинные плащи колыхались в такт шагам, негромкая песня с повторяющимся заунывным припевом «А-а! Ха-а!» ранила душу, а воины Кайха возносили гроб все выше и выше, к темным небесам, откуда взирала на них отлетевшая душа умершего.

Проезжая мимо, Блейк поднес руку к глазам в жесте соболезнования. Несколько воинов с лязгом выдернули мечи из ножен, и громкий крик скорбной благодарности, принятой родовыми традициями планеты Кайх, разнесся по горам:

– У-ухах!

– Вы знаете их? – спросил удивленный водитель. Блейк промолчал.

Дорога пошла вниз, и небо прояснилось. Вскоре оно стало уже тем привычным белесым куполом без солнца, который так равнодушно встретил Блейка по прибытии на Вальхаллу. Внезапно аэро встал.

– Ваша карта, сэр, – сказал водитель. – Северо-западная карта склепов.

Перед Блейком возвышались старинные бронзовые ворота, потемневшие от прошедших веков. Их взор, составленный из множества сводящихся в одно место крученых, изогнутых завитков, притягивал той хрупкой красотой, какая встречается только в творениях старых мастеров. Сбоку была чуть приот-

крытая калитка, как будто приглашающая войти. Выглянуло вдруг неяркое, теплое солнце, согревающее, какое-то очень уютное, осветило бронзу ворот, и та заиграла благородными переливами старого металла.

Блейк вошел, и его сразу же обдало ароматами умирающего сада. Пряный, чуть горьковатый запах померанцев смешивался с приторным, пьянящим ароматом магнолии. По ветхим (или только кажущимся такими) стенам склепов ползли сочные, темно-зеленые листья плюща. Земля-дорожка, сотворенная невесть из чего, заваленная прелыми листьями и присыпанная розоватым песком – пружинила под ногами. В некоторых местах между горбами склепов устремлялись вверх темные свечи кипарисов.

Блейк медленно двинулся по дорожке. Она, петляя, уходила вперед и терялась за поворотом. Запахи увядающей осени наполнили Блейка светлой грустью. Здесь были похоронены только земляне, и быть может, кого-то из них он знал.

Тусклая плита на стенке одного из склепов – массивного, угрюмого, чем-то похожего на погреб, вросший в землю – привлекла его внимание.

О путник, седину твою
Как благодать ныне признаю.
Ты телом бодр и млад душой,
Но ляжешь вскорости со мной.

Блейк улыбнулся. Погребальный юмор давно ушедшего человека, как будто знавшего, что он стоит возле его последнего пристанища, ему понравился. Он взглянул на надпись над входом в склеп. «Семья Конузэй», – гласила надпись витиеватыми буквами. Блейк двинулся дальше.

Здесь были разные склепы: и похожие на готические храмы в миниатюре, темные, с узкими, стрельчатыми окнами, многочисленными башенками и шпилями, микроскопическими фигурками святых в нишах и над порталом; и простые, серые кубы без украшений, погруженные в вечную землю, готовую принять все – и камень, и брэнную плоть; и китайские пагоды с приподнятыми уголками крыш, блестящий черепицей, забавными оконцами, сквозь которые желающий мог бы заглянуть внутрь. Блейк медленно шел и шел мимо, вчитываясь в эпитафии. Они тоже были разными: простым: немногословными и сложными, поражающими тяжелым, косноязыким велелепием; эпитафии в стихах и эпитафии в прозе:

философские эпитафии и эпитафии, отражающие стиль жизни давно умерших людей, бездумный – живи как живешь. Блейк проходил и видел их всех.

Внезапно он остановился. Перед ним, вздымаясь над прочими склепами, стоял трехъярусный зиккурат, сложенный из темноватого обожженного кирпича-плинфы. Строение поражало мрачной пышностью. Зиккурат обнимали плавные пандусы, по которым восходили вверх, держась руками за голову или сложив их на груди в молитвенном жесте, коричневые статуэтки плакальщиц. На вершине несколько статуэток стояли на коленях, запрокинув головы к равнодушному небу, а рядом, глубоко врезанные в грубый, неотесанный камень темнели слова: «Не жизнь». Блейк неподвижно стоял перед склепом, внимая странному и безнадежному смыслу этих слов, и холодная величественность зиккурата, скорбная простота эпитафии глубоко проникала в его душу. Он взглянул на табличку. Цэрэнгийн Бадмунх. Он постоял еще немного и, вздохнув, пошел дальше.

Он все шел и шел меж безмолвных склепов, а дорожка не кончалась. Казалось, она будет длиться вечно, и уже не исчезнут хмурые ряды склепов, увитые траурным плющом. Приторные цветы магнолии осыпали Блейка своими лепестками, а кипарисы и могучие платаны бросали на него скорбную тень. День Вальхаллы не катился к концу, ибо здесь он мог длиться вечно. Вечно, как молчаливый покой смерти, окружавший его.

Белое здание впереди вынырнуло неожиданно. Дорожка вела к нему, огибала и уходила в зеленый полусумрак платанов, росших сразу за белыми стенами. Вокруг здания, стоявшего на пригорке, утопавшего в неярких солнечных лучах, теснились нежной зеленью эвкалипты. Прямо напротив двери стояло три склепа. Они были совсем новенькими: ветры и дожди Вальхаллы еще не успели выбелить их серые стены. Блейк увидел на одном из них надпись:

Я под тяжелою лежу плитой.
Будь милосерд, прохожий, и пятой
Не наступи на камень сей плиты:
Ведь лишней тяжестью меня придавишь ты.

Эпитафия на этом заканчивалась, но Блейк уловил ее скрытый смысл, ибо любил старую поэзию Земли. Он с удовольствием продолжил про себя:

И только жены родины моей
Плиту не смогут сделать тяжелей.
О, наконец за благо я сочту
Их пустоту.

Кеведо, «Эпитафия самому себе», имеющая подзаголовок: «Женщинам Испании». У умершего было отличное чувство юмора. И сварливая жена. Или теща.

На пороге здания его встретил человек одного с Блейком возраста. Седые волосы были зачесаны назад, открывая исчерченный морщинами лоб, а голубые глаза смотрели на мир весело, открыто. Блейк увидел перед собой счастливого человека. Он представил себя рядом с ним: все то же самое, только нет такого открытого взгляда.

– Нас уже предупредили, сэръ, – сказал человек, улыбаясь.
– Вы Александр Блейк, капитан в отставке?

– Да, – ответил Блейк.

– Меня зовут Картрайт. – Человек протянул руку.

Его рукопожатие было крепким, как и ожидал Блейк.

– Позвольте, я провожу вас до вашего места, – сказал Картрайт, все так же улыбаясь. – Оно как раз такое, как вам хотелось бы.

Когда проходили мимо склепа со стихами Кеведо вместо эпитафии, Блейк спросил:

– Кто похоронен здесь, мистер Картрайт?

– О! – засмеялся тот. – Мигель Суарес был великий шутник. Но у него была сварливая жена. Или теща. Сейчас уже не помню.

Склеп в действительности оказался точно таким, как и представлял себе Блейк. Хотя он был построен, по-видимому, недавно, ветви росшего рядом мощного платана уже накрывали его плотным балдахином, а плющ уютно обвивал своими ласковыми плетями. Возле стены, там, где постоянно была тень от ветвей, рыжим бугорком возвышалась муравьиная куча. Сквозь листья платана проглядывало солнце, и весь склеп был покрыт веселыми желтыми пятнами, будто солнце нарочно испятнало его, чтобы как можно меньше напоминать о зловещем финале смерти.

Блейк был доволен. Этот склеп был действительно то, что надо. С широкой улыбкой он повернулся к Картрайту.

– Я знал, что вам понравится, – сказал тот, продолжая улыбаться.

– Я плачу любую цену.

– Да что там, – махнул рукой Картрайт. – Цены у нас скорее символические.

Два пожилых человека улыбнулись, поняв друг друга. Возвращаясь, Блейк спросил:

– Как вам удалось создать здесь такой... – нужное слово никак не приходило в голову. Наконец нашлось: – Покой... Покой!

– Тихий покой кладбища, – медленно, раздумчиво произнес Картрайт. – Да, все именно так. Здесь земное кладбище, а власти Вальхаллы отлично понимают, что нужно тем расам, некрополи которых здесь представлены. Для землянина нет ничего милее пронизанного теплым светом, вызолоченного солнцем покоя мирных обелисков под шелестящими кронами высоких деревьев. Если заметили, здесь уживаются магнолия и платан, эвкалипт и тополь, померанцы, плющ, граб, кипарис, – все сделано, чтобы создать этот неповторимый покой земного кладбища. Но многим расам такое не по вкусу. Они привыкли и соблюдают свои традиции. Кайханин, например, не может себе представить некрополь родной планеты без грозных, гранитных скал и глубоких пещер, где вечно будет лежать забальзамированное тело воина с мечом на груди. Не все одинаково в мире, мистер Блейк.

Блейк был согласен с ним. Он медленно кивнул.

– Теперь вас – в отдел эпитафий, – сказал Картрайт, когда они оказались возле белого домика, и Блейк протянул ему заполненный Межу бланк. – Ваш склеп уже за вами. Всю документацию я оформлю сам. Все-таки редко к нам приходят собственной персоной те, кто желает лежать здесь. – Он вновь улыбнулся. А Блейку стало невесело. Покой кладбища вдруг стал давить на него. Он быстро и довольно сухо попрощался с Картрайтом и направился к выходу. Шумели платаны, сменившиеся парадом кипарисов. И вновь холодок отчуждения от тихой красоты кладбища ощутил Блейк, когда увидел перед собой коричневый зиккурат. «Не жизнь». Какой страшный смысл сквозит в этих словах, какая безнадежность и отчаяние звучат в них... Напрочь исчезла веселость, навеянная эпитафией покойного Мигеля Суареса, сменилась привычной тяжестью. Блейк покинул кладбище со стесненной душой.

Отдел эпитафий был расположен сразу же за одной из многочисленных карт кремации, где тянулись и тянулись вдаль ряды небольших урн, а проходы между ними были полны сероватого, легкого, стелющегося пылью, безликого пепла,

– так распорядились своим телом те, кто вообще не хотел после смерти памятников или обелисков, на которых были бы высечены их имена.

Клерком в отделе эпитафий был пухлый и болтливый человек по имени Нитус. Он все время размахивал руками

– Так вам желательно эпитафию, мистер Блейк? – переспрашивал он и заливался безгрешным, детским смехом, как будто присутствовал на ярком карнавале, а не стоял у конторки, видом похожей на изголовье умирающего.

Задав этот вопрос по крайней мере раз семь, Нитус приступил к делу.

– Есть отличная, просто великолепная эпитафия, – кричал он и хохотал, широко, словно удивленно, раскрывая глаза. Он выдернул из кармана измятый листок и протер руку вперед, как будто сейчас должен был произнести речь в сенате: «Остановись, прохожий! Пред тобой...»

– Нет, нет, – мягко прервал его Блейк. – Эта не подойдет. Что-нибудь попроще, мистер Нитус.

– Проще? А, проще! – суетился Нитус. – Вот эта, может быть: «Вы, люди, проходящие толпой! Кто это здесь покойся пред вами? Я страшными поведаю словами...» – Нитус завращал глазами.

– Нет, не пойдет, – запротестовал Блейк. – Проще, мистер Нитус! Проще!

– Проще? – огорчился Нитус – Но почему? А как же пышное великолепие древних авторов? А многочисленные и весьма поэтичные звания к духам предком? А дивный слог? А стиль, идущий от римских...

Похоже, Нитус совсем разошелся.

– Я придумал, – просто сказал Блейк, и бурливая река нитусовского многословия сразу иссякла. – Записывайте Нитус. «Здесь лежит капитан Александр Блейк, думавший, что все помыслы человека – о жизни, и разочаровавшийся в этом».

Он повернулся и вышел, оставив клерка с широко распахнутым от удивления ртом.

А потом Блейк отправился в путешествие. Он наблюдал жизнь планеты. Или смерть? Как можно было назвать то, что происходило на Вальхалле? Жизнь смерти? Или, быть может, наоборот? Теперь он уже не путался в этих словах, играющих всеми переливами и оттенками значений.

Он был на широких полях, где рядами стояли черные, молчаливые обелиски. Он стоял на берегах морей и смотрел,

как под тяжестью балласта тонут в волнах гробы, а родственники бросают в воду с бортов лайнеров венки белых, душистых цветов. Он видел пирамиды наподобие перуанских с застывшими внутри мумиями, скорчившимися как зародыши во чреве матери. Он видел Башни Молчания, над которыми вечно парили голодные стервятники, а обглоданные кости и черепа смердели на всю округу. Он наблюдал за стартом кораблей-саркофагов, неуправляемых, устремлявшихся в бездонный космос с мертвыми телами астронавтов на борту.

Он видел лишь одно – погребение. Он не видел только одного – смерти. И то, и другое, неразрывно связанное между собой, проходило перед его глазами, но обряды затмили конец самого спектакля, называемого жизнью, заслонили финал, именуемый смертью. Но он ощущал, чувствовал всем существом своим, понимал величие и грозную силу этого финала. Он отметил бесполезную пышность обрядов и видел за этим сокровенное.

Истина открылась ему, чистая, блистающая, не запятнанная банальностью. Он останется здесь, чтобы до конца досмотреть свой спектакль, чтобы увидеть свой финал без раздражающих и мешающих, мельтешащих и бездумных ритуалов. И когда финал наступит, великая и ясная, главная Истина снизойдет на него, принимая в свое лоно, без ненужного сострадания и с высшим милосердием.

Он возвышался посреди великого поля, поднимая к небу просветленные тайной глаза, а на Вальхаллу спускалась ночь, вечная, как окружавший его молчаливый покой. Тихий покой Вальхаллы.

Валерий Вотрин

БИЛЬЯРДИСТЫ

Фантастический рассказ

Корабль назывался «Моровое поветрие». Был он велик размерами, топорщился игольчатыми концами антенн и пушек и ослеплял непривычный глаз разноцветным, частым, мелькающе-мерцающим бегом огней по бортам. Огоньки суетились, антенны дрожали и поворачивались, приборы работали, и было странно, что таким количеством приспособлений управляют всего три человека. Всего три.

Их звали Рагнар Фиртель, Морис Зитруп и Шимон Кутку. Они были игроками, но играли в свою собственную, ими же придуманную игру, что придавало ей особый благоухающий аромат и делало – но только для них – интересной, веселящей сердце и душу.

Приспособление для игры было – корабль. Прочее же, потребное для полноценного удовольствия, они находили везде где только можно, и называли это прочее «подножным кормом», коей питал их интерес и продлевал игру, ими затеянную.

Игра была – бильярд.

Обретая в игре смысл бытия и черпая из нее свою жизненную философию, они постепенно осознали, что лишь игра прельщает их в сером, скучном существовании, бьет по нервам колоссальным, ни с чем не сравнимым риском, не давая расслабляться. Других занятий у них не было – только игра.

В то время такое было не редкость. Рассеянное по звездам человечество, отвыкшее от чувства локтя и беспричинных страданий по поводу вечной нехватки места под солнцем, получило тысячи солнц и миллионы парсеков места. Этого было

много – и мало. Из огромной грезящей и бродящей людской массы появился новый тип человека, который стали называть по-разному: космическим авантюристом, вселенским бездельником, галактическим бродягой. Торговцы, искатели неизвестных планет, корсары, кровавые безжалостные маньяки и убийцы, всякий сброд смрадным роем вечно носился по бесконечным виткам торговых путей, ища и не находя.

Им было скучно. И они искали, чем еще подкормить свой угасающий интерес к жизни среди жемчужных комет, красных, потухающих солнц и угольно-черных дыр.

Скучно им было.

Везло тем, у кого оставалась еще капля воображения. Такие становились скитальцами, врываясь в тихую жизнь галактического захолустья, устраивали перевороты и заговоры, неисправимые романтики, преодолевая страшные межгалактические пространства, воевали чужие, нелюдские расы, дрались не за честь, не за веру, не за жизнь, а из-за скуки, – погибали. Таковы были и Фиртель, Зитруп и Кутку.

Фиртелю было 49, Зитрупу – 47, Кутку – 40. Где-то между 46 и 47 годами Фиртель придумал игру, в 47 встретил двух других (у Зитрупа был корабль с таким странным названием), а затем – они начали творить игру, предварительно перестроив «Поветрие» и установив на нем некоторые сконструированные Фиртелем приборы.

Внутри корабль был – лабиринты сложных коридоров и вентиляционных штреков, приводящих в конце концов в главный зал корабля, Зал Игры. Когда обстоятельства складывались удачно настолько, что можно было играть, игроки торжественно собирались здесь, одетые соответственно, и, скрупулезно соблюдая ритуалы, медлительно и грациозно вели игру.

В самом дальнем углу зала в толстой титановой клетке с магнитными замками и мощной сигнализацией сидел Аммиан Руаль Андраши. Ему было 28 лет, и 2 года он находился в этой клетке. Он проводил время, воя похабные песни истошным, неприятным голосом, а вечерами, когда в зале притухали лампы, писал свою летопись, занося туда все, чему был свидетелем за весь день. Андраши было невыносимо скучно, но в голове его зрел талантливый, навеянный годами раздумий план. Ибо он хотел сбежать с этого проклятого корабля, но перед этим поквитаться со своими мучителями, которые об-

рекли его на самое страшное, что может представить себе человек действия, – они обрекли его на бездействие.

Андраши был родом с Фибада, небольшой уютной планеты в звездном скоплении Фибад-Змееносец. Он часто покидал свою родину, устремляясь туда, где еще не был, к вихрящимся мирам его радужных грез. Но время от времени что-то настойчиво и упрямо звало его назад, под малиновое небо детства, и Андраши, типичный представитель своего сумбурного, беспокойного века, проявлял нетипичные свойства и возвращался. Ненадолго, потом все-таки снова улетаая, но – возвращался.

А потом случилось так, что под влиянием чего-то неведомого и невозможного веками прокатанный путь-орбита Фибада изменился, и планета сорвалась со своей вековечной дороги. Мохнатый, запыливший желтым шар пронесся по кривой до своего спутника Нуркелка, достиг его и ударил в плывущую, отсвечивающую зеленым планету. Взрыв, сполохи фантастического пламени, осколки миров дымными ядрами бомбардируют другие планеты, – катаклизм...

Все это произошло на глазах у Андраши, который возвращался в это время на Фибад из своего очередного странствия. Вначале он не поверил своим глазам, поверив, усомнился снова. В том зрелище было что-то эсхатологическое. Такого не могло произойти, и все же это произошло. Почему-то ему припомнились слова преподобного Тернбула: «И будет сильный отрепьем, и дело его – искрою; и будут гореть вместе, и никто не погасит».

Но оказалось все гораздо проще. Кораблик Андраши взяло в стальной захват, трягнуло, и посыпались в отсеках с полок инструменты и ящики с провизией, и потянуло куда-то вверх, а потом вбок, и поставило на что-то, отозвавшееся металлическим грохотом-звоном. Он оказался в плену.

А потом – все стало одним большим темно-серым днем с небольшими перерывами для сна. Он попал к бесцельным чудачкам, которые от нечего делать могли уничтожать целые системы с помощью ужасного изобретения Фиртеля, могли от безвредного чудачества убить его, убить других – так, скуки ради. Андраши хотел жить, хотел мстить. «Жизнь ради места», – часто пел он, сидя в своей клетке и зорко следя за тем, как его тюремщики расхаживают по залу, прислушиваясь к его пению. Его никогда не обрывали на полуслове, никогда не истязали, когда он просил чистой бумаги, она ему приноси-

лась, когда он желал гулять, с ним гуляли – на цепи, как с собакой. «Жиинииизнь раааадиини мееееести...»

Он ненавидел их. Если бы они все трое попались ему в руки, когда бы он делал то, что делали они, он, пожалуй, даже убил бы их. Они были милосерднее – оставили его жить. Лучше б убили. «Жиинизнь рааади...»

Он был свидетелем всему тому, что они делали. Они думали, что он спит, а он бодрствовал. Они думали, он бездумно орет непристойности, а он наблюдал. Они думали, он дерет глотку, а он запоминал. «Жиинизнь рааади мееееести!» У него был неплохой голос, и он не терял надежды.

Иногда они просили, чтобы он почитал им то, что написал за прошедшие дни, и он с удовольствием читал. Писал он неплохо, у него был дар, живой дар рассказчика, и они смеялись его метким характеристикам и мрачнели от описаний своих дел. Временами кто-нибудь из них предлагал – а что, если убить его? А? Не-ет, отвергали другие, зачем это? Ведь он такой смешной, так хорошо поет и пишет, забавный. С ним не с к у ч н о . По своей натуре они не были убийцами.

Но и на сумасшедших гениев они не походили. Фиртель был просто большой неопрятный бородач с гнойным запахом изо рта. Зитруп – черный и лысый – нубийский раб. Кутку – скрюченный сморчок с длинными руками. Люди забавляющиеся, довольные своей жизнью и своим делом.

Во сне к Андраши приходили видения его мира: малиновое небо, отсвечивающее оранжевым на закате, бескрайние поля сочной, желтой травы, уходящие вдаль, фермы, фермы... Это был его мир, и сейчас его нет. А эти довольные люди живут до сих пор.

В начале его заточения Фиртель смеха для показывал дряблой рукой:

– Смотри, Руаль, мой мальчик, ряд этих зеленых кнопок – кии. Тебе незачем объяснять, как они действуют, ты все равно никогда не сможешь понять этого. Скажу только, что это поля, колоссальной мощности узконаправленные поля, способные хватать и удерживать или хватать и вести. А больше ничего и не требуется. Остальное – дело техники.

Они делали ставки. Планета, согнанная со своей вечной орбиты мощной энергией киев, двигалась, двигалась, словно сомнамбула, пока не сталкивалась с другой планетой. Они выбирали планеты небольших размеров, потому что большие

рия» развлекались тем, что сплющивали корабли преследователей друг с другом.

Фиртель говорил громко, задыхаясь и не доводя фразы до конца. Зитруп частил скороговоркою, подчас оставаясь совершенно непонятным. Речь Кутку была раздумчиво-вязкой, со множеством вводно-сорных предложений и слов. Выучивший их биографии Андраши ненавидел эти исповеди. Иногда, когда замечались признаки очередного наступавшего словоизвержения, он начинал орать песни и гримасничать – лишь бы не слушать тоскливые и нудные излияния. Идея туманила его голову, пьянила словно свежий ветер после затхлого погребного духа. Ветер свободы.

– Ну так, – сказал однажды Фиртель, всматриваясь в экран. – Чую очередную игру.

Андраши прижался лицом к прутьям своей клетки, стараясь увидеть, что там на экране.

– Вижу, вижу! – завопил он кликушески. – Шар в лузу!

К Фиртелю подошел Кутку. Увидев приближающуюся систему, он крикнул.

– Ого! Это хорошие планеты. Крепкие.

– Нда, – почесал подбородок Фиртель, оценивающе глядя на экран. – Корабль следует расположить вот здесь... тогда энергия киев будет направлена сюда... траектория... кривые... парабола...

– Хе-хе, – скрипнул Кутку. – Похоже, нас здесь не ждут. Андраши в восторге захохотал.

– Ваши морды тут

Сразу же сочтут
Обликами гадин:
Здесь не любят жадин
И не подойдут
Ваши морды тут.

Они медленно повернулись к нему.

– А ну, заткнись! – щелкнул челюстью Кутку.

– Он прав, – остановил его Фиртель. – Нас тут не ждут, как не ждут и его.

– Меня бы встретили здесь с большей радостью, чем вас, – хохотнул Андраши, довольный их замешательством.

– Звезда типа V260, – читал Фиртель данные с экрана. – Желтый карлик, 6 планет, жизнь – на трех. Остальные – куски космического льда, смерзшиеся до крепости бетона.

– Ого, – свистнул Кутку. – Ваше слово, Магистр?

Фиртель минуту подумал и стал нажимать различные кнопки. На другом экране появилось схематическое изображение системы в виде бильярдного стола.

– Карамболь, – говорили Фиртель и Кутку, а тем временем под ударами гигантского кия черные шары на столе стукались друг об друга и разлетались на куски. – Первокласный трех-бортовый карамболь.

– Неверно, – завопил Андраши из своей клетки. – Для карамболя нужно самое главное – стол, вернее, его борта. Обо что вы будете стучать шарами, дураки?

– Помолчи, – отвечали они. – Ты не в игре. Ты вне ее. Поэтому молчи, а лучше – наблюдай, ибо это нужное и назидательное зрелище – гибель населенных миров.

Вошел Зитруп, и они начали рассчитывать траектории, каковое занятие очень их увлекло. Андраши в это время лихо-радочно думал. «Нет, – наконец сказал он сам себе, – Еще не время. Не сегодня. Нет».

Вечером свет торжественно и во всю мочь – зажегся. Игроки вошли, величаво, медленно, одетые в белые длинные одежды, в которые всегда облачались, когда играли в планетарный карамболь. Взгляды обратились к Фиртелю, и он, Магистр Карамболя, разрешил сесть. На клетку с Андраши накинули звуконепроницаемый купол, и он тщетно кривлялся под ним и дерзко шутил – его не было слышно и он никому не мешал.

Трое неторопливо уселись. Перед ними вращались иплыли планеты и ярко и весело пылало местное солнце.

– Начнем, – веско произнес Фиртель.

И началось. «Поветрие», до этого дрейфовавшее без дела, как сытый хищник, дрогнуло и заняло нужную позицию. Фиртелева рука вяло протянулась к ряду зеленых кнопок – щелк! – одна загорелась – рука Зитрупа – щелк! – другой огонек – голос Кутку: «Пас!» Андраши, чей купол был односторонним – сам он мог слышать все – знал, что в настоящем карамболе от трех бортов нет характерных для карт пауз, когда пасует один из партнеров. Но эти люди сами устанавливали правила своей игры.

Недалеко от заставшего их корабля плавное, установленное испокон веков движение планет прекратилось. Одна из них, темной ледяной, безатмосферный шарик вдруг будто от толчка остановилась на месте. Тихо гудели установки. Еще

один судорожный рывок, и планета освободилась от вечного плена тяготения, начав свободно дрейфовать. Медленно и неотрывно приближалась она к зеленому искристому шару слева от себя: расстояние было большое, но у игроков хватало терпения. Планеты сближались, причем первая достигла уже колоссальной скорости.

– Теперь там у них начались внезапные стихийные бедствия, – безнадежно пробормотал Андраши из своего угла, ни к кому не обращаясь, – он видел такое уже много раз.

Он закрыл глаза.

– Открыл – от толчка. Корабль отходил от системы: Кутку всегда делал так, чтобы не быть застигнутым катаклизмом. Планеты уже приблизились настолько, что одна почти закрывала другую. Бац! Сквозь закрытые веки Андраши все равно уловил красноватую тень грандиозного взрыва. У пульта было весело. Там проигравший Зитруп отсчитывал свою долю выигравшему Кутку, который утверждал, что большая планета взорвется от удара, и с ней взорвется безжизненный шарик.

Он открыл глаза. На месте двух космических тел сияла блистающая золотом, окаймленная по краям ржавым дымом звезда с темною середкой.

– Итак, – скучным голосом комментировал Зитруп, – другие планеты, застигнутые врасплох, пожинают плоды трудов наших. Цунами, трясения, глобальные катастрофы, дым до небес и прочее.

– *Morituri te salutant*, – пробормотал Андраши. Безудержно рыдать в голос с его стороны было бы просто глупо.

В это время возле пульта кипел оживленный спор.

– Очко, – толковывал Кутку Зитрупу. – У тебя проигрыш.

– Удар за мной, – стоял на своем тот.

– Открытая партия, – заметил Фиртель (на экране рой осколков теперь неподвижно висел, как на показательном стенде).

Зитруп снял с клетки Андраши купол, и они услышали его голос.

– Дуроломы, – презрительно сказал Андраши.

– Гении, – поправил его Зитруп, поднимая палец.

Когда лампы притухли в очередной раз и в зал пришел сумрак, вместе с сумраком пришел Фиртель. Андраши увлеченно писал и не заметил его.

– Ого! Формулы! – раздалось над ухом, и Андраши вздрогнул и попытался спрятать мятые листки. Но было уже поздно: Фиртель все увидел. Андраши напустил на себя привычный, весело-дерзкий вид.

– Подглядываем? – подмигнул он.

– Ага, – ответил Фиртель. – Ты что, физикой решил заняться?

– А почему бы и нет? Увлекательная и полезная наука. К тому же мало кому попадались такие мудрые учителя.

Фиртель заглянул ему в глаза.

– Если ты попытаешься навредить нам, – проговорил он, – то мы выкинем тебя через шлюз в мертвенный космос. Там твои мозги мигом покинут место, дотоле ими бесполезно занимаемое.

– Я знаю, – спокойно кивнул Андраши. – Я хочу сыграть с вами.

Лицо Фиртеля вытянулось.

– Что? – спросил он.

– Сыграть с вами, – повторил Андраши. – Но только не в ваш карамболь, а в русский бильярд.

– Во что? – снова переспросил Фиртель, каменя.

– Похоже, ваш слух чуточку ослабел, – подытожил Андраши. – Русский бильярд.

– С лузами?

– Конечно. Шары – планеты, луза одна – солнце. Цена выигрыша – свобода. Моя свобода.

Фиртель молчал. Было видно, что он напряженно думает.

– О таком я еще не слышал, – проговорил он наконец. – Луза – солнце...

– Да, – откликнулся Андраши. – Потом вы выпускаете меня. Если, конечно, выиграю я.

– Это значит... – шестеренки в мозгах Фиртеля вращались, высекая мысли-искры, – значит, планету кием – в солнце... Ставки... Очки те же...

– Да, – подтвердил Андраши.

– Лихо, – признал Фиртель, и в его глазах зажегся такой знакомый, такой яркий огонь безгрешного чудачества – огонь успешного преодоления скуки.

Когда игроки наутро появились в полном составе, Андраши понял, что они закабалены.

– Карамболь? Старо, – начал Зитруп. – В этом наш молодой вольерный друг абсолютно прав. Но русский бильярд –

хоть и ново, но нам неизвестно. Не могли бы вы объяснить нам правила?

– Правила просты, – сказал Андраши. – Первое: выпустите меня отсюда.

– О!

И его выпустили и сняли цепь. Андраши улыбнулся и объяснил правила.

– О!

Они были заинтригованы.

– Что же в случае нашего выигрыша?

– Я остаюсь в этой клетке до конца моих – или ваших – дней, – был ответ Андраши.

– Он говорит, – обратился Фиртель к остальным, – словно уже выиграл. Здесь что-то неладно. Недавно он возился с формулами.

– Ты не физик, Руаль, мой мальчик, – сказал Кутку. – А в клетке растерял последние мозги. Мы тоже их растеряли, но мы делаем это планомерно и теряем лишь ненужную часть извилин. Необходимое остается. Ты так не можешь.

– Игра – когда вы выберете подходящую систему, – ответил Андраши.

Он сидел в своей клетке еще сутки, как он смог определить по притуханию ламп. Единственной поблажкой ему была бутылка вина, завалывшаяся в отсеках «Поветрия». Он пил вино и отдыхал, зная, что это всего лишь затишье перед бурей, вспоминал план корабля и местонахождение отсеков со спасательными ботиками, естественно, пел свои любимые песни. Однако это был первый раз за два года, когда Андраши не пел песню под названием «Жизнь ради мести».

– Физик я неважный, – громогласно объявил он сам себе, будучи уже слегка под хмельком, – поэтому возможны различные аберрации и корреляции. Но идея удачная, иначе я уже давно был бы мертв.

Они отговаривали его за то время, пока Фиртель ворошил старые карты. Они вместе или поодиночке приходили к его клетке, как раньше исповедоваться, и смеялись над его затеей. Но Андраши оставался непреклонен. В свою очередь, он ехидно потешался над ними, называя их трусами и старыми, выжившими из ума маразматиками. И они уходили ни с чем.

Потом настал день игры. Фиртель привел корабль к уединенной и необитаемой системе на самом краю Галактики. Отсюда был четко виден розово-серебристый край ее, то место,

где кончаются звезды, и не было здесь ни людей, ни прочих разумных существ.

Звезда системы принадлежала к классу красных гигантов. Это был огромный, пышущий жаром шар, вихрящийся пятнами и штопорами протуберанцев. Даже темные светофильтры мало помогали, чтобы избавить того, кто на него смотрел, от мучительного слезоточения и рези в глазах. Его планеты были слишком приближены к нему, а потому там не было жизни. И даже возможность плазменных форм была маловероятна. Величина солнца и температура его недр оставляли на это чересчур мало надежд. Планет было четыре. Названия их были – Стикс, Ахерон, Лета и Коцит.

Фиртель с ехидной ухмылкой повернулся к Андраши, которого специально выпустили из клетки, чтобы он мог осмотреть поле деятельности.

– Если ты, парень, решил обмануть нас или, еще хуже, отомстить, тебе не удастся сделать ни того, ни другого. И ты погибнешь.

Андраши сделал оскорбленное лицо.

– Честнее меня нет и не было еще человека, – заверил он их.

К игре решили приступить прямо сейчас, не мешкая. Это объяснялось нетерпением бильярдистов и самого Андраши, которому вовсе не улыбалось провести еще одну беспокойную ночь в тесной клетке. Он снова просмотрел свои бумажки, поглядел на карты, висевшие по стенам, и удостоверился в том, что оживленные трассы проходят от этого места достаточно далеко. Он задумался, ну да делать нечего, конечно, огромный риск, или клетка тебе милее, нет, черт побери, нет, надрывать себе глотку и наблюдать целыми днями за тремя этими кретинами – будущность не самая привлекательная.

– Решил? – ухмыльнулся Зитруп.

– Да, – просто ответил Андраши.

– Неинтересно, – говорил Фиртель, брезгливо сморщиваясь. – Эти планеты ненаселены, что во многом притупляет остроту греховной прелести, а также риск, с этой прелестью связанный.

– Я не люблю острого, – сказал Андраши.

В иллюминаторах, пригашенный светофильтрами, багровел диск гигантской звезды. Космос вокруг уже не был таким темным и бездонным, а превратился благодаря пламенеющим протуберанцам в мутно-оранжевый беззвездный кисель.

– Приступим, – потер руки Фиртель.

Они сели. Коварный Фиртель выбрал именно такую систему, расположение планет которой было удобно для него, но крайне сложно для Андраши. Сейчас здесь наблюдался парад планет: они выстроились в одну ровную линию.

– Смотрите, – радовался Кутку. – Они идеально расположены. Ты проиграл, Руаль, мальчик мой. Ты проиграл.

И действительно, достаточно было одного мощного толчка со стороны установок, как ближайшая к ним планета, Коцит, черно-серый шар с крупными оспинами кратеров, устремлялся бы вперед, к солнцу, и начинал бы сшибать с их орбит остальные планеты, пока они нелепой грудой не будут поглощены и испепелены жаром звезды.

Но все это казалось лишь на первый взгляд. На самом же деле ситуация была гораздо сложнее. Фиртель и компания не учитывали действие колоссальной мощности сил, удерживающих планеты на их орбитах и не дающих приблизиться к звезде. Изменения магнитных полей и возникающий отсюда дисбаланс системы привел бы к нарушению привычного и плавного движения. Что следовало из этого, было ясно. Слепленные своими гипертрофированными знаниями, бильярдисты не смогли увидеть в искушающих словах Андраши тайный и зловещий смысл, который он, далеко не физик, обнаружил задолго до того. А факт был – эта огромная звезда, льющая свой обжигающий пламень на черные поверхности своих спутников, от малейшего нарушения векового равновесия превратится в Новую, а решивших сыграть в необычный русский бильярд испарит диким всплеском раскаленных газов.

Андраши ясно осознавал, что выжить – один шанс из тысячи.

Это был настолько маленький осколок, что его невозможно было назвать планетой. Конечно, чуткие приборы зафиксировали его, тем более, что он не входил в парад планет, выстроившихся как по линейке. Он был как бы сам по себе, и не планета, и не спутник, а так – нечто вроде убогого обломка, затесавшегося в блистательную компанию планет с такими мрачно-торжественными названиями. Но название было и у него: он назывался Флегетон. Андраши про себя решил, что это и будет тот самый камешек в сапоге у бильярдистов, из-за которого становится невыносимым весь путь, и путник садится, чтобы вытряхнуть его, и оглядывается, и видит – мир-то, оказывается, прекрасен, и нет в нем болезней, и несчастья нет,

и смерти, а только солнце легко золотит листья клена, и трава, и водоросли на дне реки клейко кольшутся, словно желая оторваться, уплыть неведомо куда, в неведомо какие безбрежные дали, а птицы поют свою песнь – гимн вечному обновлению!

Андраши отвлекся от дум, когда Кутку дернул его за рукав. Он встряхнулся и посмотрел на них.

– Ты что-то бормотал, – щурился Фиртель. – Небось, выиграть хочешь?

– Хочу, – ответил Андраши простосердечно. И они начали.

Было так.

Коцит, истрескавшаяся поверхность которого дрогнула и выбросила вверх высокие гейзеры слезавшейся за века пыли, медленно и натужно сместился со своей орбиты. Это был длительный процесс, за время которого Андраши наблюдал за Флегетоном. Маленький этот шарик, размером почти с их корабль, плыл как ни в чем не бывало по своей концентрической орбите, в то время как Коцит, окутанный пыльным облаком, двигался к Ахерону. За пультом царило веселое оживление. Бильярдисты предвкушали интересное зрелище. Андраши вновь взглянул на свои формулы. Они не могли ошибаться. Вокруг такого поля, каким пользовались бильярдисты, должно было неизбежно образоваться поле с обратным действием, которое притягивало бы к себе предметы. Бильярдисты, разумеется, знали об этом, но не принимали в расчет, потому что такое дополнительное поле было слишком мало, чтобы всерьез повлиять на ход игры. Но они действовали всего лишь тремя полями-киями, тогда как на корабле было их восемь. И если в определенный момент, когда Флегетон окажется рядом, включить все кнопки...

Коцит беззвучно ударил в Ахерон. На этом месте взбух огромный серый пузырь, который вдруг отрастил завывающиеся тонкие щупальца, внезапно опавшие, а сам пузырь стал быстро расти, причем нижняя его часть отделилась и, вытянувшись, повлеклась к солнцу.

– Очко, – засчитал Фиртель, а Зитруп и Кутку закивали.

– Согласен, – учтиво улыбнулся Андраши.

И вдруг (Флегетон был уже совсем рядом) протянул руку и быстрым жестом включил оставшиеся кнопки. С секунду царила пауза, затем над пультом повисли ужасающие вопли, возникла кутерьма, а в это время за бортом начало твориться

нечто похожее, но страшнее во много раз. Энергия полей пересекла пространство, настигла Лету, и этот спокойно плывущий обожженный угловатый шар внезапно как-то изменился, треснул и вдруг раскололся на крупные куски. Корабль трясло и раскачивало, сместившиеся гравитационные поля взбаламутили тихую систему. Лета скрылась в красноватом облаке газов.

Кое-как дотянувшийся до кнопок Фиртель повернулся к Андраши. Его лицо было неузнаваемо. Он прохрипел: – Сгниешь в своей клетке!

Это было последнее, что слышал Андраши. Корабль потряс удар. Его нельзя было назвать ни мощным, ни страшным, – к нему вообще были неприменимы никакие характеристики, – по крайней мере, так показалось Андраши. Фиртель внезапно, в один миг пропал из поля его зрения. В воздухе крутнулись чьи-то ноги, а потом оказалось, что это его собственные ноги, а сам он нещадно вмят в прошедшую трещинами стену зала. Все вокруг заволокло дымом, пульт, половины которого больше не существовало, мигал красным – сигналом опасности, экранов не было, кресла валялись в беспорядке. В иллюминатор была видна лишь чистая черная безликость холодного космоса.

Андраши не мог придумать происшедшему другой причины, кроме той, что сам страстно желал: Флегетон столкнулся с кораблем.

Выбираясь из-под смятых панелей, он мельком огляделся: его партнеров по игре нигде не было видно. Наверно, они были погребены под кучами изувеченного хлама, валявшегося теперь по всему залу.

Теперь он горячо, иступленно хотел лишь одного: выбраться с этого судна, дрожащего как в лихорадке. Коридоры, по которым он бежал, были полны желтого клубастого дыма: где-то горели отсеки. Корабль погибал.

Он не помнил, как нашел спасательный ботик, как сел в него и как, лавируя меж обломков, летел прочь от системы. Сквозь удушливый ужас он чувствовал и другое: таящееся где-то в глубине сладкое чувство освобождения. «О, как мучительно и сладко избавленье», – крутились слова в его мозгу. Ему хотелось плакать от счастья, и орать от ужаса. А так как оба этих чувства переполняли его до самого предела, то он и зорал, и непонятно было, что это: победный ли клич или вопль о помощи.

Ботик был маленьким, не рассчитанным на много людей, но Андраши хватало и этого. По мере того, как он удалялся от системы все дальше и дальше, хоровод потревоженных теней вокруг светила становился виден все меньше. У него возникла и окрепла надежда на то, что он сумеет достигнуть оживленной трассы до того момента, когда одна из согнанных с орбиты планет войдет в сердце звезды, и та взорвется, словно перегревшийся котел. На экране анализатора оставался четко виден покореженный корпус корабля: он, мертвый, тихо и безвозвратно дрейфовал в солнце. Сейчас его уже наверняка достигли первые языки протуберанцев, превращая внутренности в палящий ад.

Андраши не знал, радоваться ли смерти своих мучителей.

Он успокоился и впервые за много дней со вкусом поел, использовав часть тех многочисленных запасов, которые имелись на ботике. Сзади краснела звездочка: в любую секунду она могла увеличиться в своих размерах и пожрать все на многие парсеки вокруг белым огнем Новой.

Потом он заснул. Ботик, послушное орудие человеческого разума, неустанно шел вперед, к уже пробивающимся сквозь угольную тьму мелькающим огонькам – там, впереди, лежали освоенные пространства, по которым сновали тяжелогруженные транспорты и сигарообразные пассажирские лайнеры.

Он проснулся. Его побудило к этому неосознанное чувство опасности. С того места, где он находился, еще была видна красная звезда, но теперь она казалась больше. Андраши пригляделся и увидел, что она наливается красным соком, набухает, и сквозь красное отчетливо проступают ослепительно-белые пятна. К этому времени Новая, по-видимому, уже испарила и планеты, и корабль с мертвыми телами бильярдистов. Она стремительно разрасталась, и теперь это было уже не большое ярко-белое солнце с красноватой каймой, и больно было смотреть на него.

Андраши в ужасе заметался по кабине, ибо ясно представил себе последствия такого взрыва. Даже сюда, за многие сотни миль, убийственный свет достигает очень скоро, и тогда торговые трассы будут в опасности. Он начал исступленно нажимать на кнопки, орудовать тумблерами, но горячая волна, смешанная с кровавым, жарким дымом, обняла его судно, и тогда наступило забытьё.

Андраши очнулся. Над ним нависло ухмыляющееся усатое лицо. Пахло застарелой смазкой и клозетом.

– Пришел в себя? – густо дохнуло на него лицо смешанным запахом гнили и дешевого спиртного. – Однако живуч ты, парень! – и лицо, широко раскрыв рот, захохотало и уплыло в сторону. Но на смену ему пришли другие лица, лица с красной кожей, бегающими глазами, щерящимися ртами, загоготали громко, невидимые руки стали тыкать его в ребра, а в уши хлынул целый поток сквернословия.

Его замутило. Осознание чего-то невозвратно потерянного захлестнуло все его существо. А в это время далекий голос откуда-то завопил:

– Рисвелл, капитан!

– Планета! – осклабились лица, переглядываясь, и вмиг куда-то исчезли. До Андраши донесся топот ног и какое-то бряцанье: так могла звенеть лишь одна вещь на свете – крупнокалиберный атомный бластер.

– А что с этим? – вопили голоса.

– Оставьте его там где лежит. Когда очухается, запирите внизу. Да скажите Бойлу, пусть посмотрит, чисты ли клозеты. А то тому малому не хватит работенки.

Смутный гогот донесло до Андраши, и ощущение чего-то потерянного укрепилось, превратившись теперь в неотвратимую реальность.

Он потерял сознание.

Валерий Вотрин

ДРУГ НАШ ДРАКОН

Фантастический рассказ

Беря свое начало где-то в неизведанных глубинах земель, которым нет названия, змеясь и разбиваясь на множество протоков, река Веру становится широкой и полноводной только тогда, когда выносит свои воды на желтые просторы Великих Степей Хут, где никто не живет, кроме гигантов-иппоантропов, кормящихся влажной, глинистой почвой по берегам реки. Ее вода на всем протяжении своего пути бывает разного цвета: желтая на просторах Великих Степей, мутно-белая возле солончаковых болот гиблого Смрадного моря, красная от впадения множества кроваво-красных ручьев около Медных водопадов. Когда тихий покой ее волн достигает скал Манарис вода Веру приобретает цвет неба на закате, с силой врывается в узкий желоб Врат Пены, и прокатывается по нему вплоть до Ревущих Порогов – тогда вода реки становится голубой, хотя и непрозрачной, ибо несет с собой множество мелких камешков и песка – скалы Манарис медленно отдают себя на растерзание реке, поддаваясь с какой-то безысходностью, явно не желая того.

После Врат Пены не стесненная более ничем река вновь широко разливается, и блики бледного солнца играют на поверхности воды. Река приходит в Долину. Долина не имеет своего собственного названия. Это просто Долина, хотя народы, населяющие ее, называют Долину между собой по-разному, причем некоторые – именами такими, что их не выговорит и язык, самой что ни на есть изощренный в произнесении чужеродных словес. Река Веру по приходе в Долину также теря-

ет свое название, и лишь немногие называют ее – Веру. Чаше же – просто Река.

Народов, населяющих Долину, много. Хоть некоторые и считают, что их неисчислимое множество, это все же не так. Скорее всего сюда подходит словечко «множество», ибо их действительно – множество, и самый многочисленный народ в Долине – люди. Они населяют оба берега Реки вплоть до того места, где Река, которой надоедают теснящие ее скалы, за многие тысячелетия прорезала сама себе выход из Долины в твердых базальтах гор Надрад и вырвалась опять на волю, в Великие Степи Хут. Люди селятся и рядом с Лесом Норных Существ, которых еще никто не видел, но в чьи глубокие ямы каждый уже имел удовольствие провалиться. Если бы Норные Существа имели нежную, ранимую душу, то они давно бы уже вымерли только лишь от обилия нехороших и грубых ругательств, которыми осыпали их люди, попавшие в их ямы. Но, по-видимому, слуха у Норных Существ нет вовсе.

Дракон пришел в Долину ранним утром. Времена великих драконоборцев Вфаффа и Ортунга давно миновали, поэтому жители Долины были захвачены врасплох. Пользуясь этим, дракон перелетел через гряду скал Суспейг на западе, что стоило ему немалого труда, миновал фактории Арраса на левом берегу Реки и опустился на луг Опоэн, где паслось в то время стадо овец Путтига, человека из роци Апп. Всех овец – 24 головы – дракон сожрал. Потом его видели, когда он летел на север, к грозным пикам гор Надрад. Брюхо его было раздуто и он громко икал в полете, окутываясь облачками серого дыма, из чего заключили, что дракон обожрался овцами.

Реакция на такое наглое вторжение была различной. Долина внезапно разбилась на два лагеря. На одной стороне, пострадавшей, были люди, сразу же пославшие охотников к горам Надрад, на другой – все остальные народы Долины, которым было предпочтительней оставаться любопытными наблюдателями. Обрадовались лишь скальные люди, живущие в пещерах гор Надрад, – ведь к ним летело много мяса. То, что у дракона огонь из пасти и страшный хвост, их, по видимости, не волновало. Скальные люди всегда отличались невежественностью и тупоумием.

Там, где странные изваяния неведомого народа уу выросли прямо из тела ребристых скал Горбера, главного пика гор Надрад, где небо из блекло-голубого становилось темным и грозным и откуда вся Долина была видна как на ладони, раз-

деленная широкой голубой межой Веру, на каменном кресле, высеченном им самим, сидел Мозес. Мозес, если б можно было так выразиться, был самым немногочисленным народом Долины, ибо подобных Мозесу в Долине не было. Были, конечно, люди, но на них Мозес походил лишь своим обликом. Что же до остального... Никто не смог бы объяснить, чем Мозес отличается от любого другого человека, почему в гордом одиночестве живет в пещерах Горбера, возвышающегося над остальными пиками Наград, и никогда не спускается в Долину. Но именно это странное поведение Мозеса и заставляло держаться подальше от него других жителей Долины. Значит, есть причина, почему он так поступает, шептались они, вглядываясь в склоны Горбера и пытаясь увидеть Мозеса, восседающего на своем каменном кресле. Ведь он колдун и имеет власть над темными силами, которые, все это знают, издавна обитают в воющих ветрами ущельях гор Наград и которые всегда вредят людям.

На это сам Мозес с присущей ему прямоотой в выражениях отвечал: «Да фигня все это, ххоссподи!» Что же касается своего происхождения, то Мозес точно знал, что когда здесь еще не было людей, то он здесь уже был, и было это каменное кресло, которое он высек своими руками, и пещера была, чтобы жить, и река текла уже, и тролли были, ворчливые, злые как всегда, и розовые змеи, пакость, тоже были уже, и все были, кто сейчас живет в Долине, а вот людей не было, не было их еще, и не было свар и ссор, неизбежных людских спутников, и жизнь в Долине текла спокойно. Все это Мозес знал. Пожалуй, только это и отличало его от прочих народов Долины. Мозес был самым знающим и цивилизованным народом, поэтому его уважали.

Сейчас он сидел в своем кресле и наблюдал. Далеко внизу, прямо под ним, на неровных склонах пика Горбер, совершенно не приспособленных для подъема, виднелась разноцветная цепочка людей. Люди поднимались к нему. Мозес фыркнул. Эти люди были охотниками, посланными отловить дракона. Или убить его.

Насчет последнего Мозес сомневался. Он знал нескольких драконов, и насколько он знал их, те просто так убить себя не давали. Более того, они обладали неприятной привычкой откусывать охотникам головы или пожирать их целиком. Охотники считали эту привычку дурным тоном. Что же каса-

ется самих драконов, то они как-то не задумывались над этим серьезным и важным вопросом.

Поэтому Мозес смотрел на охотников, поднимающихся к нему, с жалостью: он не мог представить себе без головы, например, того же Путтига, хотя жена Путтига, он это знал, частенько и не без основания называла того «безголовым».

Конечно же, дракон заинтересовал Мозеса. В Долине давно уже не было драконов, и приход его стал тем живительным и никогда не иссякающим источником, из которого впоследствии черпаются все сплетни, слухи и страшные истории. Для Мозеса же это было интересно, но – увы – не ново.

– Эге! – сказал Путтиг, когда его голова, ставшая поводом к размышлениям у Мозеса и причиной для семейных столкновений, появилась над краем скалы. – Да это Мозес! – Остальная часть тела Путтига появилась вслед за головой. – Вот это да! – За Путтигом на скалу взобрались и другие охотники, красные, обливающиеся потом. Они в удивленном молчании выстроились перед восседающим Мозесом. Молчание прервал староста деревни Путтига Уммус

– Что скажешь, Мозес? – спросил он.

Мозес втайне и в какой уже раз удивился тому малому запасу слов и выражений, которым пользовались эти люди.

– Ты хочешь спросить, видел ли я дракона? Семь голов с готовностью закивали. Решение пришло к Мозесу.

– Н-не знаю, – пробормотал он, выстукивая пальцами по скале какой-то марш. – По-моему, он пролезет здесь. (В группе охотников – оживление.) Он пролетел туда. – Палец Мозеса проткнул воздух в направлении гор Имлаус. (Лица охотников потускнели – при воспоминании о скальных людях.)

– Т-ты уверен? – спросил Путтиг. А мы думали...

– Я сию здесь уже двое суток, – высокомерно прервал его Мозес. – Сию и все вижу. Все.

Путтиг снова закивал. Уммус сделал знак, и охотники гуськом удалились по горной тропинке к чернеющим невдалеке пещерами массивам гор Имлаус.

– Идиоты! – поморщился Мозес, обеими руками растирая себе поясницу. – Даже если бы я не боялся так радикулита, то все равно не смог бы сидеть здесь столько времени.

На подобие подлокотника его кресла вскочил неизвестно откуда взявшийся горностаи.

– Ну и чего ты добился, направив их по другому пути? – спросил он Мозеса.

Мозес подумал, прежде чем ответить.
– Я расчистил путь себе, – сказал он наконец.

Ада исчадье, приползшее в мир златоструйный,
Агнцев несчастных пожрав и утробу костями насытив,
В скалы навверх убралось, чтобы снова нежданно явиться...

Крепко сжимая суковатый посох, Мозес шел по извилистой тропинке, уводящей его в сторону, прямо противоположную той, куда он направил охотников. Зачем и почему – эти вопросы неотступно вертелись в его голове. Зачем, например, он идет по следам дракона? Чтобы убить его? Но он не великий Ортунг, и у него нет меча, или еще чего там, чем убивают драконов. Нет, причина здесь другая. Любопытство, может? Ну, пока будем считать, что это оно сорвало его с места. В самом деле, почему бы ему не посидеть перед входом в свою пещеру – полюбоваться багряными красками заката, – он любил смотреть, как умирает каждый день солнце и как вновь его лучи по утрам высвечивают золотом края острых пиков на западе. Или поговорить с кем-нибудь – это он тоже любил. А с кем – не проблема: в этих горах можно найти уйму собеседников, жаждущих, как и он, потрепать языком на сон грядущий. Нет, вот он идет куда-то, сам не зная зачем. Любопытство, конечно.

Тропинка, изгибаясь, уходила за крутой бок черной скалы, и посередине ее темнела большая куча золы, из которой обгорелыми концами высывались крупные обугленные кости. Мозес брезгливо потрогал гарь кончиком своего посоха. Драконовы испражнения. Ненасытная тварь сожрала овец, но теперь у нее снова пусто в брюхе. А что еще такое дракон, как не летающая огненная печь, которой постоянно требуется топливо. Не будь этого топлива, дракон давно бы уже сдох с голоду.

«Так мы становимся жертвами собственных страстей, – подумал Мозес, перешагивая через дымящуюся золу. – Рабы. А покажи, кто не раб. Один служит похоти, другой – жадности, третий – властолюбию, все – страху».

Тропа привела его к большой пещере. Здесь Мозес еще не был и по запаху почувствовал – в пещере живет нечто опасней скальных людей с их щетинистыми дубинками. Однако нужно было поздороваться по обычаю этих гор.

– Мир обитателям этой пещеры! – громко произнес Мозес.

В пещере послышался шорох, и к нему вышел василиск. Голова его была опущена, чтобы страшные глаза напрасно прожигали взглядом землю.

– И тебе мир, говорящая добыча! – елеино произнес он. – Увы, я не могу поднять на тебя глаза, ибо польщен твоим приветствием. Так что извини: увидеть тебя не смогу.

– Странное ты существо, – покачал головой Мозес. – Тут мимо твоей норы драконы что ни день пролетают, а ты решаешь, кто добыча, а кто – нет.

– Для меня все – добыча, – объяснил василиск, продолжая буравить взглядом серую скалу. – Кроме драконов и тебя, Мозес. Сейчас я сыт. А дракон – нет. Поэтому я сижу в норе, а сейчас разговариваю с тобой. Если бы был на твоём месте человек...

– Знаю, знаю, – оборвал его Мозес – Ты охотишься сейчас?

– А как же! – обиделся василиск. – На них и охочусь.

– А другие...

– А другие труднодоступны, – перебил его василиск. – К тому же хорошо и поучительно сочетать приятное с полезным – очищать от них Долину.

– А дракон? Он ведь твой родственник?

– Седьмая вода на киселе, – поморщился василиск. – Хоть и не люблю я его, а он ведь тоже – наш. И поможет в нашем деле.

– У вас уже и дело появилось, – проворчал Мозес, переминаясь с ноги на ногу.

– А ты иди, – напутствовал его василиск. – Повидайся с ним, расскажи о делах наших скорбных.

Мозес пошел дальше по тропинке, а спину ему обжег безвредный уже, смертельный взгляд.

Мерзостный запах исходит из пасти его огненной,
Много героев убил он и много убьет еще в мире,
Плачут и стонут те юные девы, которых
Доблестных, смелых мужей он лишил навсегда, безвозвратно...

«Ум, – думал Мозес. – Ум, и только, заставляет этих существ отступать перед носителем знания. Интересно, что будет делать дракон, когда увидит меня? Во всяком случае, он должен быть разумен. Все драконы, которых я знал, были разумны. Нет, даже больше того, кто не разумен, тот не дракон, а просто какой-нибудь жалкий змей».

– Эге! – завопил кто-то вверху, и Мозес от неожиданности вздрогнул. Он поднял голову. На фоне неба, чуть припорошенного инеем облаков, перистых и каких-то безумных, отчетливо виднелся край утеса, вздымающегося кверху. Над этим краем торчала, похожая на некую инородную шишку, голова. Мозес был уверен, что это была голова Путтига. Рядом с нею торчали такие же шишковидные головы других охотников. Как странный фурункул, выскочивший на теле скалы, возле них появилась еще одна голова. Это была голова старосты Уммуса.

– Что скажешь? – прокричала свежепоявившаяся голова.

«О Господи!» – мысленно простонал Мозес.

– Что вы здесь делаете? – завопил он.

– Ищем дракона, – дружно проорали головы в ответ так, что вместе с их словами на Мозеса обрушился болезненный град мелких камешков.

– Да туда, туда он полетел, – надсадно и хрипато завопил он, сатанея от бешенства и махая рукой куда-то в сторону.

Головы исчезли, и Мозесу показалось, что утес излечился от какого-то опухолевого заболевания.

Он отправился, все еще кипя от гнева, и через несколько шагов наткнулся на вторую кучу золы. «Много съел», – подумал Мозес Тропинка завернула, и за поворотом открылось небольшое ущелье. По его дну протекал большой ручей, в воде которого несколько ив полоскало свои гибкие зеленые плети. Рядом с ручьем стоял дом. А рядом с домом стоял тролль. Тролль внимательно разглядывал подходящего к нему Мозеса.

– Мир тебе! – сказал Мозес.

– И тебе мир! – сказал тролль. Они немного помолчали.

– Дракон пролетал, – сообщил тролль. – Хотел сесть сюда, но что-то ему помешало.

– Сюда идут охотники, – сказал Мозес, устремляя свой взгляд туда, где голубовато-небесный туман обволакивал вершины гор. – У них копыта и мечи.

Тролль издал серию скрежещущих звуков: это был смех.

– Люди! – проскрипел он. – Что они могут? Кстати, дракон хотел поздороваться.

– Я знаю, – флегматично изрек Мозес. Было видно, что тролль медленно закипает. Но это не потому, что я здесь, думал Мозес, а потому, что состояние постоянного раздражения,

сопровождающееся воркотней и руганью, – извечное и нормальное состояние троллей.

– Я хочу его найти, – проговорил Мозес, прерывая бормотание тролля. Тот кинул на него косой взгляд. Мозес спокойно обозревал вершины гор, на которых клубился туман, уже ставший молочным.

– Ты думаешь, я против? – осторожно спросил тролль. – Ищи и найди его. И передай, что здесь ему нечего делать. В Долине мало еды. – Тролль показал руками, как мало еды в Долине.

– Если только он не спустился к реке, – произнес Мозес.

– Ты разговаривал с василиском, – заворчал тролль. – Чувствуется влияньице. Раньше ты таким не был. Но отрадно, что ты, наконец, встал на нашу сторону.

– Я пока не стою ни на чьей стороне, – сказал Мозес. – Я думаю.

– А! Ну, думай, думай... Может, чего и надумаешь.

– Я просто думаю, что на иппоантропосах не разговеешься.

Тролль долго молчал, потом махнул лапой.

– Делай как знаешь.

– Передай своим, – сказал Мозес, ступая на тропинку.

«А что могут ему сделать охотники? – думал он. Его посох выбивал искры, ударяясь о камни. – Луки, стрелы, копья, пики... Разве это оружие? Лезут еще туда же. Дикое и странное племя, без корней, без ничего. «Громогласные» – называли их уу, ушедшие в никуда. Правильное название!»

На этот раз путтигово «эге» настигло его, когда он осторожно проходил по краю головокружительной пропасти. Мозес чуть не свалился вниз. Его сурово нахмуренные брови никак не подействовали на компанию храбрых охотников за драконами.

– Мы не нашли его, – ухмыляясь, сообщил Путтиг. – Нашли только его дерьмо.

Мозес хотел добавить, что с них и этого достаточно, но удержался.

– Очень уж хочется видеть его башку приколоченной к стене над кроватью, – сказал человек справа от Путтига, краснотлицый крепыш в шляпе с пером. Его звали Моббз.

– Ага, – сказал староста Уммус. Все взгляды устремились на Мозеса.

А в том ежесекундно нарастало раздражение. «Эти идиоты, – думал Мозес, переводя взгляд с одного ухмыляющегося лица на другое, – продержат меня здесь до глубокой ночи». Эта мысль показалась ему возмутительной.

– Ты золу трогал? – обратился он к Уммусу.

– Да.

– Горячая она была?

– Горя... – Орава охотников с диким, победным кликом исчезла в скалах. Мозес только вздохнул. Нет, он на них не зол, конечно, но...

На третью кучу золы он набрел очень скоро. Видимо, охотники все-таки нашли дракона. Теперь они сидели вокруг еще дымящейся кучки, и вид их был жалок. На Моббзе больше не было шляпы с пером: вместо нее дымились остатки уцелевших волос. Куртка Путтига была прожжена в нескольких местах.

– А где Уммус? – спросил Мозес, равнодушно проходя мимо.

– Вот, – показал Путтиг на золу. – Он его сожрал только что.

– Хм. – Мозес остановился, чтобы в размышлении потереть щеку. – Этого мало. Он все еще голоден.

Охотники в возмущении повскакивали с мест.

– Что? – завопил Моббз. – Ты считаешь, что этого мало? Подожди, Мозес, мы скоро накормим дракона тобой.

Группа обогнула Мозеса и скрылась за поворотом.

Встал перед ним отважный, мечом добродетельный Уммус,
К пасти ужасной бесстрашно с булатом герой устремился,
Но во мгновение ока чудовищем смрадным был пожран...

Его задела, мягко коснувшись крылом, сова. «Днем? – подумал Мозес. – Значит, что-то не так». Сова уселась на камень слева от Мозеса, так как справа тропинка обрывалась в глубокую, бездонную пропасть.

– Угу! – гукнула сова. – Дракон голоден, а пищи нет. Не станет же он жрать камни.

От этих упреков у Мозеса начала уже болеть голова.

– А чего он тогда сюда прилетел? – огрызнулся он.

– Зов предков, – объяснила сова. – А впрочем, кто его знает. Мясо иппоантропосов пресно и пахнет землей.

– Да оно и на мясо-то не похоже, – согласился Мозес. Он ждал, вычерчивая посохом по камням странные фигуры.

Сова молчала.

– Ну?

Сова молчала.

– Сидела бы лучше в пещере, – презрительно проговорил Мозес, собираясь идти.

– Не обижайся, — быстро сказала сова, взлетая и садясь ему на плечо. – Ты знаешь язык драконов. Скажи ему.

– Да ведь он враг, – искренне удивился Мозес. – С ума вы все посходили!

– Есть здесь другие враги пострашнее его, – внушительно сказала сова. – Они разоряют наши гнезда, убивают нас. Народы ожесточились и точат зубы. И правильно. О н и хоть и в Долине, но все равно – невежественны и шумны. Варвары! Откуда только о н и взялись? Скажи ему, Мозес.

Мозес думал.

– Скажешь? – не отставала сова.

– А откуда мне знать, что ты – не единственная, кто хочет этого? Что этого хотят и другие народы?

– Гарантии дать не могу, – сказала сова. – Но поверь на слово.

– Уф-ф, – вздохнул Мозес. – Я подумаю.

– Думай, – произнесла сова, взмахивая крыльями. – Но знай, что дракон – это наш последний шанс.

«А ведь правда, – думал Мозес, – и тролль, и сова, и василиск говорят одно и то же. Наверное, народы Долины, наконец, взбунтовались. Помочь? А как же оценка потомков? Что они скажут? Скажут – Мозес предал. А вот кого предал? Потомки не будут знать всей правды, что знаем мы. Колебания!»

«Эге» Путтига снова вывело его из раздумий. Группа охотников была с добычей. Где-то наверху они подстрелили скального человека и теперь волокли его тушу с собой.

Мозес посмотрел на него. Жемчужный мех слабо колыбался от движения, открытые глаза смотрели в небо. Дикая ярость начала подниматься в нем.

– А ведь он – человек, – сказал он, смотря на охотников долгим взглядом. Те не обратили на это внимания. Двое из них уселись на корточки и принялись свежевать тушу.

– Ребята проголодались, – объяснил довольный Путтиг. – Тем более какой он человек? Зверь – и ничего более!

Двое свежевальщиков с хрустом отдирали шкуру от мяса и костей. Мозес вспомнил, как он наблюдал за пещерой, где жили скальные люди, как умилялся видом из детенышей.

Ярость, подступившая к горлу плотным комом, делала мысль четкой и ясной, будто в слепящем свете чистого огня ненависти.

Охотники не обращали внимания на его неподвижную фигуру. Они занимались разбиванием лагеря.

– Вот поужинаем, переночуем, – доносился до него оживленный говорок Путтига, – и вновь отправимся за драконом.

И ни Путтиг, ни охотники не почувствовали взгляда, который проколол их спины, беспечное лицо Путтига, сваленные в кучу луки и мети одной острой пронзительной иглой.

Когда Мозес уходил, он услышал за своей спиной, как ему что-то завопил Путтиг, и охотники ответили ему громким гоготом. Пальцы Мозеса крепче сжали посох. Они перестали его бояться – тем хуже для них.

Скалы, пещеры, болота и заросль лихая
Светлым, уютным исчадью являются домом,
Где затаилось оно в предвкушении мрачном и злобном...

Дракона Мозес встретил, конечно, первым. Тот сидел на одиноком утесе, такой же одинокий, и выглядел, по правде сказать, неважно.

– Привет! – сказал Мозес.

– Привет! – откликнулся дракон.

– Ты плохо выглядишь.

– Знаю, – равнодушно ответил дракон. – Нет еды – и вот я уже бессилён перелететь через горы.

– А ты думал, здесь рай земной, когда летел сюда.

– Думал. Но кажется, я ошибался.

– А может, и не ошибался...

– Что ты хочешь этим сказать? – оживился дракон.

– Почему вот, например, ты меня не трогаешь? – задал вопрос Мозес.

– Не знаю... Наверно, потому, что ты говоришь на моем языке.

Мозес засмеялся.

– А ведь ничего бы не стоило – хам! – и заглотить меня. А?

– Да, – согласился дракон.

– Здесь есть пища, – вдруг сказал Мозес. Он почти ненавидел себя. Даже ненавидел.

– Есть пища? – переспросил дракон, выдохнув язык пламени. – Где?

Мозес смотрел на него. Дракон сидел перед ним, огромный, изящный, весь какой-то нереальный, чешуя блестела в свете заходящего солнца, гибкий хвост временами судорожно подергивался – в предвкушении, и от него немного тянуло паленым. Мозес повернулся в ту сторону, откуда пришел. Оттуда, доносимые порывами ветра, уже ставшего прохладным, и ими же временами заглушаемые, слышались взрывы хохота. Охотники кутили. Они пили вино и ели мясо скального человека. Мозес повернулся к дракону.

Что там мирские пороки – бывает во сто крат ужасней.
Если соседям своим люди бичом божьим мнятся,
А избавителем строгим мир от грехов очищает
Враг наш дракон, другом прикинувшись странным...

– Спустись к реке, – сказал он ему. Там ты найдешь много пищи. А потом приходи сюда. Твой десерт будет спать вокруг потухшего костра.

– А потом? – спросил дракон.

– Потом ты улетишь из этой долины, – сказал Мозес. – Улетишь и больше никогда сюда не вернешься.

Дракон хмыкнул, расправляя затрещавшие крылья.

– Что за прок тебе от этого?

Мозес, который уже не смотрел на него, просто пожал плечами.

Дракон поднялся в воздух и быстро полетел вниз, к желтым огням поселков людей.

Валерий Вотрин

Я ТАНЦУЮ

Фантастический рассказ

Пум-пум-пах-пум-пурум-пах. Пум-пум-пах-пум-пурум-пах. Я танцую. В мертвом, полуразрушенном городе, на хрустящих обломках улиц я кружусь в сомнамбулическом танце, и треснутый асфальт рокошет под моими ступнями. Я как ветер. Я как дерево, изгибающееся по ветру. Я как источник, бьющий вверх.

Что? Вы хотите узнать мое имя? Их много. Их очень много. Сейчас я Шива, грозный Шива, и танец мой – тандава. Я танцую на пепелищах погребальных костров города, моего города, и Ганг вытекает из моих спутанных волос. В руке моей трезубец, змеи шевелятся на моей шее, горит всевидящим огнем мой третий глаз, и с моего тела сыплется мелкий пепел, когда я танцую, кружусь как поземка. Ибо сейчас я Шива, и танец мой тандава, что символ космического порядка. Я Шива. Я танцую.

Ко мне приближается фигура. Это Христос.

– Здравствуй, Шива!

– Здравствуй, Христос!

Молчание. Он не знает о чем говорить. А я танцую. В это время я танцую, и пепел с моего тела падает на его белые одежды.

– Ты все танцуешь? – говорит он наконец.

– Ведь в космосе должен быть порядок.

– Но порядок – это Господь, – говорит он, и из его рта вылетает пар, распадаясь морозными кристаллами.

– Нет, – отвечаю я, – ибо Бог – лишь ипостась Вселенского Порядка.

Он молчит. Я кружусь на цыпочках, не касаясь земли, моей земли.

– Ты неправ.

Как он долго молчал, чтобы изречь эти слова! Но ведь во время его молчания я танцевал.

– Иди, человек. Я – время, всеуничтожающее время. Твой черед прошел. – Я говорю эти слова, внутренне удивляясь, как он сам не догадался не спорить со мной. Ибо я действительно Время.

Он ушел. А я уже святой Витт. Страшный в своих дергающихся конвульсиях, я двигаюсь по неправильному кругу на замусоренной паперти разрушенного храма города, моего города. Статуэтки святых лопаются через секунду после того, как на них наступила моя нога. Я святой Витт. Я танцую.

Кто на этот раз? Это Моисей. Он подходит ко мне и не здоровается. Я не гордый. Я здороваюсь первым.

– Здравствуй, Моисей!

– Здравствуй и ты, Витт!

– Святой, – прибавляю я с не очень характерной мне усмешкой.

– Святой? – Он удивлен. – Но ты ведь был человеком?

– Да, Моисей. И ты тоже.

– Что же теперь?

– Теперь я танцую.

– Боже! – восклицает он, поднимая руки кверху. – Боже! Когда это кончится?

– Никогда, – отвечаю я. – Это будет вечно.

Он опускает голову. Он уходит. А я смеюсь. Я смеюсь. Нет, они не глупы. Просто они не понимают сущности моего танца. Я смеюсь и танцую. Ибо я Атум. Я могу себе позволить роскошь немного посмеяться. Я – нечто темное, аморфное, призрачное, но в то же время существующее, я ношусь в каком-то диком, варварском танце по улицам города, моего города. Я, Атум, танцую и смеюсь. Ибо я очень сатиричен сейчас. Во мне столько юмора! Ха-ха-ха. Так я смеюсь.

– Здравствуй, Атум! Это Зевс.

– Ха-ха-ха, – смеюсь я. – Здравствуй, Зевс!

– Смеешься? – Голос его полон укоризны. – А в это время...

– Знаю, знаю. – Облако моего тела молниеносно облакает древнюю колонну, подчиняясь своему собственному ритму. – Я знаю, Зевс.

– Чего же ты тогда... танцуешь?

– Ха-ха-ха! – заливаюсь я пуше прежнего. Ох уж этот Зевс! Такой шутник!

– Что ж, смейся, Атум. – Голос уходящего Зевса печален.
– Тебе можно смеяться. Ты один имеешь на это право.

И он признал это. Он тоже признал мое неоспоримое право. Я понимаю его.

Я танцую. Я Шива, грозный Шива, и танец мой – тандава, оргиастический танец тандава, символ космического порядка. Много тысяч лет прошли в Мире, а я все танцую на хрустящих осколках улицах города, моего города, моего мертвого города. Я танцую, и мировой порядок не колеблется. Я танцую, и всякая вещь сменяется вовремя. Я танцую, и многочисленные лжепророки приходят, уходя в срок. Ибо я Шива, многорукий Шива, черный, грозный Шива – созидание и разрушение, творец и уничтожитель. Стирающее все Время.

Я Шива. Я танцую. Танцую. Пум-пум-пах-пум-пурум-пах. Пум-пум-пах-пум-пурум-пах.

Сергей Возный

Последняя разборка

Сразу за мостом они свернули в лес. На колдобистой земляной дороге машины-иномарки смотрелись чужеродно как пришельцы из космоса. Сам Сэр предпочел бы для такого случая простой русский «газон» с четырьмя ведущими, но нельзя – положение обязывает. Он, в конце концов деловой человек, а не какой-нибудь там. На разборку Сэр, в миру Сергей Петрович Ветров, надел серую английскую «тройку», рубашку от Кардена – воротник с манжетами крахмально хрустят. Итальянский галстук с защипом сиял не к месту всеми цветами радуга, но на подобные мелочи Сэр внимания не обращал. Он вообще недолюбливал костюмы, а для разборки так и вовсе прикид неудобный, но... Положение, опять же... Не для того сидят в соседних «тачках» полдюжины перекачанных молодцов, чтобы обладатель английской «тройки» лез самолично в мордобой, отошли те времена. И телохранитель не для того сидит рядышком, пальцы с хрустом разминает. Не в пример литературным эталонам, охранник сэровский грудой мышц не бугрится и ростом не вышел. Жилистый, худой, узкоглазый – скулы азиатские торчат. Каратэ-до, таэквондо, кунг-фу... Короче, что-то такое, восточное. По потолкам с разбегу ходит, кирпичи крушит и троих амбалов нокаутирует шутя. Серьезный человек. Сэр, между прочим, и сам не мальчик из балета – девяносто кэгэ литых мускулов плюс двадцать лет на ринге. Тело свое, при желании сам защитит, но положение... Не будем повторяться.

На одном из поворотов колесо «форда» крепко зацепило за древесный корень, сидящих подкинуло, водила коротко матюгнулся. Ветров смолчал, хоть сжал зубы зло. Выбрал же

местечко этот... Колдун, или как его там. Можно было свое предложить, испытанное, но ни к чему. Контрагент психануть может, лишних людей привезет для подстраховки – чужая территория. Пускай лучше расслабится. Сэр покосился на четвертого в салоне – маленького, лысенького, с бородой курчавой. Николай Панин, он же Коля Пинкертон. С виду – бухгалтер бухгалтером, а на деле – начальник собственной сэровской службы безопасности. В прошлом – опер, да еще и талантливый. Ребята многие на него по сей день волками глядят, да и авторитетам другим это дело не по вкусу. А Сэр на их мнение плевал, если не сказать хуже. Он вообще человек без предрассудков. Если надо – и мента на работу возьмет, зато себя обезопасит. Бывший опер любую стрелку-разборку выверял до мелочей, и проколов пока не было. Сейчас где-то там в лесу люди из его бригады прошмонали все вокруг – не посадил ли Колдун этот гребаный засаду или еще чего. Одна кликуха чего стоит – явно из блатных. В рэкрете ни один авторитет на такое не отзовется. А воры могут – чего с них взять. Бандит современного разлива, Сэр воров не любил, хотя терпеть приходилось. У них свои законы, свои авторитеты. Да и какие там, к черту, воры – натуральных «законников» в этом городе всего двое, остальные так себе. Мелочь пузатая, а туда же – в крутые лезут. Территорий не признают, с кликухами своими, опять же, темнят. Сэра-то любой в городе по фамилии знает, у него и не кличка даже, а титул уважительный. К тому же от имени происходит. Ясно и понятно. Это блатные по первоходке в зонах орут: «Тюрьма, дай вору кличку!», а Сэр лагерей не нюхал. У него в прошлом – соревнования, нокауты, кубки. Значок мастера спорта в тяжелом весе. Команду себе такую же набрал – с рингов, татами, ковриков борцовских. С такими черту рога обломать можно, не то, что Колдуну этому. Хотя...

– Коля, чего выяснил? – вопрос задан через плечо, не обращиваясь. Коля Пинкертон так же бесцветно, словно сам себе, отозвался с заднего сиденья.

– Пусто. В моей конторе бывшей на него ничего нет. Блатные помалкивают, но явно в штаны наклали. Кто-то их крупно шуганул.

– А с чеченами как?

– Подтвердилось. На две трети выбиты втихую. Сам Амурат из города рванул, сказал, что с шайтаном драться не будет.

Сэр поймал себя на том, что до боли сжимает кулаки и с трудом расслабился. На лице его не отразилась ни одна из вспыхнувших эмоций. Хреново дело, если уж выходцы из Чечни – фанатики и беспредельщики отказались от борьбы.

– В лицо его кто-нибудь видал, этого шайтана недоделанного?

– Не-а. Все дела ведет через представителя.

– Гомика?

– Ага. И тот шкаф все время с ним. А больше никого. Я уж думал, что один из них и есть сам Колдун, но сейчас не похоже. Нутром чую – не те люди.

В машине повисла тишина, нарушаемая лишь рокотом мотора. Вопросы задавать расхотелось – интуиции пинкертоновской Сэр привык доверять. Вытянув из бардачка пачку «кэмэла», щелкнул зажигалкой и затянулся глубоко. Над светящимся табло панели подпрыгивала на пружинке пластиковая кобра – сингапурский сувенир. Сэр подмигнул змейке и выпустил в нее струйку дыма. Через открытый ветровичок тянуло сырой прохладой, в разрывах туч мелькала полная луна. «Дождь будет» – отметил Ветров машинально и прикрыл глаза, но тут же вздрогнул. Темнота нагоняла неприятную тоску, таила в себе лицо, бледное как луна и такое же неживое, с черными впадинами вместо глаз. Лицо из ночного кошмара, пришедшего несколько дней назад. Как раз перед тем, как все началось. Бывший спортсмен, Ветров обладал стальными нервами, и хотя с возрастом кошмарики стали навещать, забывались они с первым звонком будильника. Но ЭТОТ сон его напугал. Сэр проснулся тогда посреди ночи и увидел, что постель залита мертвым светом полной луны. Рядом спала очередная подружка, чье имя забываешь сразу после знакомства, и мордочка ее в этом освещении казалась пустой и старой. Он выматерился тогда вслух, разгоняя по углам тени, растормошил девку и принялся яростно тискать, прогоняя остатки кошмара. А когда уснул утомленный, маска явилась вновь...

Под колесом захлюпала грязь, машина на секунду буксанула, но тут же вырвалась на твердое. Ну и места!

– Далеко еще? – опять через плечо Коле.

– С полкилометра. Кладбище там заброшенное, дорога ни к черту.

– Вот там мы этого Хоттабыча и зароем, – без тени улыбки пошутил Сэр и расслабился, выбрасывая из головы все

лишнее. Память тут же вернула на месяц назад, когда по городу впервые прошел СЛУХ. В том кругу, где Ветров был Сэром, слухам не верят, но всегда проверяют. Исчез один из очень серьезных людей в заречной части города, державший в руках куплю-продажу цветных металлов и опекавший две автомобильные толкучки. Такие люди либо уходят со временем в легальный бизнес, либо погибают от пули киллера. А этот вот взял и просто исчез. Команда его перешла в чьи-то руки и продолжала заниматься прежним делом, как будто ничего и не случилось. Свято место пусто не бывает, и территорию исчезнувшего попытался забить другой, не менее серьезный. Этот пропал без вести вместе с командой в тридцать стрелков, а прочим авторитетам было рекомендовано сидеть тихо. Именно тогда, пожалуй, впервые прозвучала кличка Колдун. Дальше начались совсем странные вещи. Кико Танадзе, вор в законе, ведавший местной наркотой, публично объявил всем, кому положено, что отныне становится подручным Колдуна, потому, что уважает его, как чловека и вообще... Кто видел, говорили потом, что всегда гордый и злой кавказец выглядел старым и больным, а в глазах его плескался мутный страх. Спустя день после этого, Танадзе удавился в собственном шикарном коттедже на простой бельевой веревке. А еще через пару дней начался переполох среди чеченской братии. Казалось, чья-то громадная рука протянулась над городом, стирая все границы. Сэр чувствовал опасность обострившимся чутьем хищника и заблаговременно вернул в город всех боевиков, установив постоянную охрану своей квартиры и дачи. Когда после бессонной ночи кошмариков пришло известие от неведомого Колдуна, Ветров ощутил откровенное облегчение. Самый страшный враг – неизвестный. Колдун назначил переговоры – стрелку в одном из городских ресторанчиков. Преодолев соблазн продинамить и не прийти вовсе – пусть знает, кто здесь хозяин – Сэр подъехал в назначенное время. За столик сели вдвоем с Пинкертоном, охрана устроилась по соседству. После недолгого ожидания в дверях показалась живая гора – больше двух метров ростом и метра полтора в поперечнике. Казалось невероятным, что такой человек вообще может передвигаться, но он делал это хотя и с явным трудом. Обряжен этот мамонт был в необъятных размеров плащ ниже колен, под которым мог скрываться ручной гранатомет. Следом в ресторан вошел маленький юркий человечек в черном костюме, оказавшийся главным. Представитель Колдуна об-

ладал розовым кукольным лицом, безукоризненно уложенной в пробор шевелюрой и сильно напоминал гомосексуалиста, каковым, вероятно, и был. Телохранитель-гора, напротив, лицо имел нездорового серого оттенка, маленькие свиные глазки бегали под набухшими веками, но выглядели, почему-то, неживыми. Остановилась глыба метрах в трех от столика, привлекая взгляды всех прочих посетителей, а маленький гомик прошагал прямо к сидящим, уселся и без предисловия заговорил: – Ты и есть Сэр. Колдун тебе приказывает исчезнуть из города за сутки, получишь два миллиона отступного и жизнь.

Три фразы, выданные без малейших признаков интонации, слились в одну и эффект ее был ошеломляющим. У Коли Пинкертона глаза полезли на лоб – подобной наглости и идиотизма он еще не встречал за всю свою богатую приключениями жизнь. Каждому свое, как известно. Одни стреляются, другие вешаются, третьи травятся или венки вскрывают. Четвертые вместо всего этого просто грубят Сэру – неизменно превосходный результат гарантирован. Коля шевельнулся на стуле, заранее напрягаясь, подмигнул на всякий случай паре коротко стриженных ребят, дующих минералку у стойки. Азиат-телохранитель развернулся лицом к человеку-горе, отслеживая каждое движение. Спокойствие сумел сохранить только сам Сэр – даже бровью не повел. Хамство, конечно, исключительное, но исходить оно может от двух вещей. Хозяин румяного придурка либо впрямь круче тучи, и тоща напролом лезть чреват. Либо, напротив, полный дилетант – тогда он обречен, и психовать тут, опять же, незачем. Сэр улыбнулся и снисходительно, как у дурачка, поинтересовался:

– Два миллиона чего?

– Рублей, – лицо представителя оставалось жутко серьезным. – Повторяю, два миллиона рублей и жизнь...

– Да понял я, понял, – хмыкнул Ветров и покачал головой, словно раздумывая.

– Не-е, маловато будет. Вот если бы баксами, да ключ от квартиры, где деньги лежат, а так...

– Хозяин предвидел это, – отозвался румяный и сунул руку за пазуху, чтобы тут же извлечь ее с листком бумаги.

– Завтра в полночь тебя приглашают на разборку. Здесь карта маршрута.

Сэр откровенно расхохотался. Это ж надо додуматься – «приглашают». Не хватает, пожалуй, розовой, тисненой золотом открытки. Листок бумаги, однако, оказался самым обыч-

ным, и карта была вычерчена шариковой ручкой. Сэр, не глядя, отщелкнул ее по столу Коле и коротко кивнул курьеру-представителю-гомику.

– Передай своему хозяину, что разбираться будем на полную катушку, проигравшие обратно не уедут. Усек?

Человечек и не подумал ответить, даже не кивнув, развернулся и пошел на выход. Что ж, за свои манеры ему будет предъявлено сполна. Но не сейчас, не при людях.

Той ночью Сэру приснилась белая мокрая рука, глядящая его по лицу...

Мощный «оддсмобиль», ехавший первым, вырулил на открытое место и тормознул. «Форд» пристроился рядом, а сзади уже подкатывала третья машина.

– Приехали? – Сэр внимательно глядел в окно.

– Угу, – отозвался Коля и вылез на свежий воздух.

Сэр наблюдал, как к начальнику службы безопасности подошел коренастый парень в маскхалате. Судя по его виду, малый весь день просидел в кустах, наблюдая, и это было не удивительно – Коля сюрпризов не любил. Сэр, вспомнив вдруг, расстегнул пиджак и вынул из наплечной кобуры маленький пистолетик – итальянскую «беретту». Не ахти какое оружие, но для ближнего боя сойдет. На крайний случай. А на крайний у Сэра есть Володя Свиридов – серебряный чемпион по стрельбе. Он при любых обстоятельствах останется в машине, высматривая пресловутого Колдуна. «Магnum» сорок пятого калибра – мэйд ин Ю-ЭС-ЭЙ – башку колдуновскую разнесет как орех. Был бы повод. Дослав патрон, Сэр поставил хлопашку на предохранитель и сунул обратно в кобуру. Щелкнул зачем-то по носу пластиковую кобру на щитке и вышел из машины.

Три пары фар освещали неровную, уходящую вдаль пустошь, усеянную обломками надгробий. Ни малейших признаков чужого присутствия. Боевики, однако, от машин отходить не спешили, сбились кучей, перебрасываясь шутками, проверяли оружие. У Коли, подошедшего сзади, вид был явно озабоченный.

– Слышь, босс, там ребята какую-то заморочку нашли.

– Че такое? – по спине Сэра внезапно пробежали мурашки нехорошего предчувствия.

– Да иди сам глянь, может ерунда.

Сэр хотел ответить, что устранять проблемы должен шеф службы безопасности, но сдержался, и пошел неохотно сле-

дом. «Заморочка» была и вправду странной. В нескольких метрах впереди поляна сужалась, и шесть старых надгробий расположились почти идеальным кругом. Трава на этом пятке не росла вовсе, а почва казалась твердой как камень. Прямо на земле была нарисована фигура – неуклюжего вида пятиконечная звезда с длинными как рога нижними лучами, замкнутая в окружности. В поперечнике эта штука имела не меньше трех метров и отливала тусклым зеленым светом. – У меня двое хлопцев тут сидели, караулили с утра самого. Говорят никого не было. А эта хренота, видать, давно нарисована.

Сэр промолчал – происходящее ему не очень нравилось. Он кovyрнул носком туфли светящуюся полосу, но та не поддалась. Интересно, дождем ее смоеет или нет. Словно в ответ на эту мысль, в черном небе сверкнул зигзаг молнии, гром ударил совсем близко. Ветров огляделся и заметил еще кое-что – рисунки были на всех шести плитах, образующих круг. Выглядели они по-разному – угловатые фигуры-иероглифы – но намалеваны все той же краской. Сэр шагнул к ближайшей плите и коснулся рисунка пальцем, тут же измазавшись. Неизвестная краска чуть флуоресцировала и испускала тревожный сладковато-медный запах. Запах крови. Из темноты несло чем-то еще, терпким и незнакомым. Что, черт возьми, здесь творится?

Коля Пинкертон вдруг насторожился, прислушиваясь. Далекий шум мотора заставил Сэра усмехнуться в преддверии близкой драки. Он любил это ощущение еще с давних своих боксерских лет. Толпа на толпу, напряженные лица, аромат пота и пороха. Все просто и ясно, и никаких тебе заморочек.

Ребята выстроились уже цепью перед машинами, одним своим видом подавляя возможного противника. Кожаные куртки, короткие стрижки, нунчаки, кастеты, вороненый блеск автоматных стволов. Сэр прошел меж ними и уселся в машину – обстановочку лучше оценить из укрытия. Где-то в соседней «тачке» чемпион Свиридов готовил к стрельбе свою слобойку. Пора.

То, что вырулило из-за деревьев на пустошь, превзошло все ожидания. Колдун явно не стремился показать товар лицом – «жигуленок»-однерка был изрядно потрепан жизнью, и к его неопределенно-белому цвету примешивались бурые пятна на капоте и дверцах. Движок этого чуда техники отчаянно стучал, словно пытаясь напугать троицу сэровских иномарок. Кожано-стриженная шеренга шевельнулась, кто-то хо-

хотнул негромко, но тут же смолк. Сэр с возрастающим удивлением наблюдал за людьми Колдуна, которых приехало... двое, ни больше ни меньше. Маленький гомик-представитель выскочил из тачки как чертик на пружинке. Горообразная туша второго выползла через переднюю дверь – телохранитель был заодно и шофером. В «жигулях» могли, конечно, уместиться еще человека два-три – на полу за сиденьями, но интуиция подсказывала, что это не так. Идиоты или самоубийцы – назови как хочешь – эта парочка приперлась сюда без охраны. На миг Сэру показалось, что над ним круто подшутили, и сейчас двое уродов покатаются со смеху, а следом заржет и его собственная команда – над ним заржет. Он даже похолодел весь от такой мысли и глянул быстро вприщур на своих спортсменов. Нет, чувство юмора у них не работало – каменные лица, пальцы на курках, ожидание подвоха. Что ж, все идет по плану. Ваш выход, маэстро.

Земля, твердая как камень, неприятно скрипела под каблуком. Сэр шел неспешно, скользящей боксерской походкой, сзади бесшумной тенью двигался телохранитель. Фары лупят в спину и слепят глаза противникам. У тех, похоже, роли были распределены навечно. Человек-гора опять остался на месте, словно лишние метры стоили ему громадных усилий. Второй кинулся навстречу Сэру чуть ли не бегом – клоун, одно слово. Ослепительная молния чиркнула по небу, и Ветров вдруг отчетливо увидел зеленое сияние под ногами. Он стоял сейчас в одном из лучей гигантской звезды, а карлик готовился войти в нее с противоположной стороны. Что-то шевельнулось в душе вдруг – древнее и темное, приказывая бежать прочь без оглядки. Усилием воли Сэр подавил желание, но остановился, не делая ни шага дальше. Вполне возможно, что эта зеленая мазня – какая-нибудь радиация, и скоро все присутствующие сами начнут светиться в темноте. Да нет, идиотизм. Стали бы эти додики сюда лезть! Хм, а может они смертники – эти двое? Потому и выглядят как жертвы аборта и ведут себя соответственно.

Гомик в костюме сделал еще пару подпрыгивающих шажков и встал как вкопанный – точно в центре звезды. А затем сунул руку за пазуху. Это движение могло стоить ему жизни в ту же секунду – телохранитель-азиат оказался рядом, и в руке его блеснул ствол, но восточная выдержка сказала. Не выстрелил. А посыльный, как ни в чем ни бывало, вынул листок бумаги и протянул Сэру. Та-ак, очередное послание. Телохра-

нитель протянул было руку, но Ветров внезапно остановил его жестом и сам сделал шаг... Другой... Третий. Что такое творится? Он стоял теперь в центре звезды, и бумажный листок ощутимо хрустнул под пальцами. На нем не было ни единой буквы или еще чего. Чистый кусок бумага. «Какого...» – успел произнести Сэр, но карлик вдруг коснулся его руки и бросил единственное слово – ИЗДЗЕНСИДОРИУМ. Длинное и тяжелое как камень слово, от которого такими же каменно-тяжелыми сделались ноги и язык. Мир исчез куда-то, и вселенная превратилась в два бездонно-черных глаза, смотревших в упор. И жизнь застопорилась, застыла как лед.

Очумевшие боевики видели, как крутой «авторитет» замер вдруг неподвижно, уставившись на маленького человечка, а тот сделал шаг назад и мягко воздел обе руки: «Регидум хара оци! Эйя регидум хара оци! Эйя девитриум бона хара оци!».

Уродливая звезда вдруг вспыхнула серо-зеленым огнем, холодное пламя пробежало по костюму Сэра и превратило его в неоновый горящий истукан. Рядов в неуклюжей позе полыхал телохраниль.

«Люцифум! Агалирей! Сатанашиа! Флоре! Саргатанос! Небирос!» – голос коротышки налился силой, и казалось, что не он, а кто-то другой выкликает чужие жутковатые слова, призывая невесть кого. Целая серия молний сверкнула одновременно, и громовый раскат прозвучал как пушечный залп.

«Вельзевул! Самаэль! Питон! Асмодей! Белиал! Люцифер! Сатана!» Дальше зазвучало что-то непроизносимое, от чего весь небосвод треснул огнем и грохотом, заставляя зажать уши.

А потом зависла ТИШИНА. Ночь замерла, боясь пошевелиться, и откуда-то подул вдруг ледяной ветер, выстужая насквозь. Стон, далекий, но отчетливый пришел вместе с ним, и карлик закричал в ответ, призывая:

КАДОС УНОС ГАШИЯ УРО! РЕГИДУМ КАДОС УНОС!
РЕГИДУМ ГАТА! ЭЙЯ РЕГИДУМ ГАТА! ЭЙЯ РЕГИДУМ
КАДОС УНОС!

Он сделал еще один пасс руками и вдруг весь разом обмяк, словно выдохся. Звезда мигнула разок и погасла, а вместе с ней исчезло пламя, заливавшее Сэра. Спустя пару мгновений на лице Ветрова появилось вполне осмысленное выражение – гримаса злости. Он знал сейчас только одно – над ним что-то проделали без его разрешения, и вся команда стала тому свидетелем. И проделал этот вот маленький недоносок с рожей

зализанного пупсика, что стоит сейчас перед ним. Сэр хотел было одним рывком дотянуться до ублюдка, но передумал. Маловато будет. Подняв руку, щелкнул пальцами. Голова карлика вдруг исчезла наполовину, брызнув осколками черепной коробки, и лишь спустя секунду над поляной разнесся грохот – голос пистолета «магнум» армейского сорок пятого калибра. Тело завалилось как мешок, и никого оно уже не интересовало. Человек-гора пошел в атаку. Скорость его была поразительной для такой туши, и расстояние между ним и Сэром вдруг сократилось до нескольких метров. Ветров проворно отпрыгнул, а азиат встретил врага как и положено телохранителю, воину, самураю и кому там еще... Лицом к лицу, короче. Быстрый как пуля прыжок, стригущие удары ногами – в пах, в печень и отскок назад. Так отлетает мяч от каменной стенки. Или от несущегося танка. Ответного взмаха ручищ охранник избежал, присел по-кошачьи и кинулся вновь, метя пяткой в лоб. Дальнейшее случилось мгновенно – гибкое тело врезалось в гору и тут же изогнулось, перехваченное поперек пояса. Рывок, хруст костей и бросок через плечо – небрежно. То, что упало на землю, не было больше мускулистым телом бойца, скорее оно напоминало сломанную куклу. И тогда заговорили автоматы – страх и злость брызнули разом в свинцовых струях очередей, а стрелять ребята умели. Десять «Калашниковых» могли бы остановить на скаку динозавра, а человека они отбросили назад, несмотря на всю его массу. Словно в замедленном кино, громила упал на колени, затем на четвереньки, а пули решетили его вдоль и поперек, вырывая темные клочья и разбрасывая во все стороны. Последним рывком он поднялся во весь рост и рухнул плашмя – земля явно дрогнула.

И опять пришла тишина, еще более тягостная, чем после раската грома. «Ну вот и все. Первый намек Колдуну о том, на кого он наехал.» Сэр хлопнул по карману, ища сигареты, но вспомнил, что они остались в машине. Он взглянул в ту сторону, щурясь от света фар. Одинокая фигура топталась у крайней тачки – Володя Свиридов не любил глядеть на плоды трудов своих и дымил сейчас жадно, взятяжку, оставив на сиденье импортный ствол. Остальные бойцы разбрелись кто куда, прикуривая друг у друга.

– Сэр, глянь-ка! – голос принадлежал Коле Пинкертону, и прозвучали в нем очень странные нотки.

Ветров нутром привык ловить чужой страх и здесь он не мог ошибиться. Первые крупные капли дождя упали сверху, и новая молния достала до самой земли.

– Твою мать... – произнес Сэр ошарашено, остановившись рядом с Колей.

Пара-тройка хлопцев стояла тут же, разглядывая то же самое – лица их казались застывшими. Было от чего. Убитый представитель в костюме лежал как манекен с отбитой головой, и сходство было идеальным. Ни единой капли крови или мозга не вытекло из разбитого черепа – их там попросту НЕ БЫЛО. Все еще не доверяя зрению, Сэр осторожно наклонился и коснулся бывшей головы. Кость не была таковой на самом деле, больше она напоминала пластмассу. Внутри возможно, была какая-то начинка, но явно не то, что положено. Ветров ощутил вдруг подступивший к горлу комок тошноты и... страха. Все еще пытаясь удержаться на поверхности реального, Сэр шагнул к горообразной туше, разглядев сквозь мелькание редких капель развороченные внутренности, похожие на мокрую глину зеленого цвета. Именно в этот миг в мозгу вспыхнул красный сигнал тревоги. Мысль понеслась по кругу, короткая фраза-идея. КУКЛЫ СДЕЛАЛИ СВОЕ ДЕЛО – КУКЛЫ СДЕЛАЛИ... Что это за дело можно было только догадываться, но от догадок этих волосы на голове зашевелились. Скрыться куда-нибудь от того, что сейчас должно произойти. Должно потому, что... ПРИГЛАШЕНИЕ – ВЫЗОВ – ЛЕДЯНОЙ ВЕТЕР НИОТКУДА. Головоломка, которую не хочется разгадывать, а хочется просто бежать.

Сэр успел лишь докурить затяжками сигарету, когда ЭТО началось. Тишину разорвал человеческий крик, знакомый и неузнаваемый одновременно – Володи Свиридова не было больше у машины, а что-то большое уносилось скачками прочь. Отреагировать не успел никто, потому что, спустя мгновение, заорали на другом конце поляны, в темноте, и короткая автоматная очередь сменилась отчетливым хрипом и бульканьем. А потом бежать вдруг стало поздно – живая лавина обрушилась со всех сторон, словно сама ночь ожила и взмахнула крылом над горсткой людей. Реакция и выдержка впервые изменили Сэру – застыв на месте, он наблюдал за происходящим, отказываясь верить. Он видел, как нечто белое и тягучее как медуза обволокло одного из боевиков, а тот в последнем желании выжить бил кулаком в эту слизь и матерился визгливо. Видел, как стая мелких, не больше кошки

тварей настигла громадного парня и вмиг обглодала до костей, сверкая рубинами глаз. Чье-то тело в кожаной куртке и с автоматом, но без головы пробежало по инерции пару шагов и упало совсем рядом. Сэр отступил на шаг, но тут сбоку налетел Коля Пинкертона, взлохмаченный, окровавленный, в рваной рубашке наткнулся, едва не сбив с ног, но даже не заметил босса. На четвереньках бывший опер дополз до убитого, схватил автомат и, яростно матерясь, принялся строчить без разбору. Сухое хлопанье донеслось сверху и летучая тварь рухнула камнем на Пинкертона, сбива с ног и, облепив кожистыми крыльями, вцепилась в горло. Вид распахнутого в крике колиного рта пробудил вдруг Сэра к действию. Не совсем соображая, что делает, он метнулся на помощь и ударил с размаху ногой. Тварь дернулась с шипением, повернула на миг свою клыкастую собачью морду, и этого мгновения Сэру хватило, чтобы шаткая грань, отделявшая от сумасшествия, дала трещину. Крылатое существо не было создано природой – глаза и пасть его светились зеленым огнем, какого не могло быть в реальном мире. «Нет» – тихо и спокойно сказал себе Ветров и попятился, не отводя глаз от ЭТОГО. Он сделал несколько шагов и едва не упал, споткнувшись. А потом совсем рядом оказался серебряный бок «форда» и это было спасением. Дверь распахнулась мягко, как по маслу, сиденье спружинило, принимая на себя вес хозяина. Водила сидел на своем месте – за баранкой, глядя остекленевшими глазами в потолок. Он был безнадежно мертв и выяснять причину не хотелось. Матерясь вслух, Сэр начал шарить по шоферским карманам, отыскивая ключ, и лишь спустя долгую минуту, заметил его в гнезде зажигания. Теряя драгоценное время, Ветров принялся перетаскивать тело на заднее сиденье – открыть дверцу сейчас не заставила бы никакая сила. Шофер нырнул, наконец, головой вниз, выставив ноги, и Сэр просто отодвинул их в сторону – терпению пришел конец. Мотор взревел, и «форд» прыгнул вперед, не разбирая пути. Что-то живое, ощетинившееся клыками и когтями, вскочило на капот, ударилось о стекло и слетела. Черный горбатый силуэт оказался на пути, и машина врезалась в него, сбив под колеса – визг и хруст костей.

– На тебе, сука! – заорал Сэр и вдруг в диком восторге крутнул баранку влево, нагоня очередную нежить.

– Стоя-ать, падла, сучья дрянь, ублюдок! Стоя-ать! Н-на тебе!

Как белая молния, иномарка зигзагами неслась по поляне, и Сэр едва успел тормознуть перед могильной плитой. Непонятный иероглиф светился на камне как ощеренная пасть. Внезапное прояснение ошеломило, и Ветров дал задний ход, растеряв все желание мстить. «Форд» вильнул меж двумя другими машинами и, завывая надсадно, выполз на грунтовку. Дорога полетела назад черной лентой, а Сэр вжался в сиденье, слившись с машиной. Исчезла вселенная, оставив только эту, ведущую в вечность дорогу и ничтожную песчинку, мчащуюся по ней.

...Спустя полчаса, когда машина выскочила на шоссе, Ветров прибавил газу. Стеклянно-бетонное строенье вздымалось впереди, как миниатюрная крепость – пост ГАИ. Пара дежурных в форме молча пронаблюдали за облепленной грязью иномаркой, которая неуважительно пролетела на бешеной скорости мимо. Один из гаишников – совсем еще салабонистый сержант – успел заметить в сфере фар лишь бледное пятно лица, но второй, постарше, разглядел побольше. Неспешным движением он остановил потянувшегося к рации напарника и почти равнодушно заметил:

– Брось. Пускай гонит.

– Да с каких это! Че, если иномарка так и...

– Номера видал? Этот болван никому еще штраф не платил, кроме как кулаком по роже. Бестолку вязаться.

– Да не колышет меня...

– Цыц, салага. Говорят тебе по-русски – не трогай, оно и вонять не будет. Усек?

Вид живых ментов в форме вернул Сэра к действительности. Он вдруг осознал, что по-прежнему жив и гонит всюю. Тормознув, Ветров огляделся удивленно – вся дорога сюда напрочь выпала из памяти. Он смутно помнил, что застревал где-то в грязи и вылезал толкать, а в другом месте чуть не влетел в дерево, но все это казалось нереальным, как во сне. Настоящим сейчас был он сам, машина, кобра на щитке и серая лента шоссе, уходящая вдаль. Сэр рассмеялся легко и рванул вперед с места – город ждал его. Не все потеряно, елки-палки. У него еще есть боевики, «бабки» и все прочее, чтобы встать на ноги. А когда он доберется до Колдуна, тот будет умирать долго и больно. Сэр взглянул мельком в зеркало и замер вдруг, чувствуя как тело леденеет. Белое трупное лицо – маска из сна – глядело на него сзади. «Водила. Он жив.» –

мелькнула спасительная мыслишка, но тут же погасла. Сэр с самого начала понял КТО сидит за его спиной, какой уж тут шофер. Сейчас тот, незванный, накинёт удавку или ткнет ножом. А может просто выстрелит в затылок. Прошла секунда, две, три, а незнакомец не подавал признаков жизни. Может глюк? Сэр хотел было обернуться, но тут же ледяная рука коснулась затылка, сжала, не давая двинуться. Сейчас ударит. Ветров вспомнил вдруг о кобуре под мышкой и заставил себя чуть расслабиться.

– Ну привет, Коддун, – голос его прозвучал хрипло. – Видишь, узнал я тебя. Круто ты это сделал там, в лесу...

Белая маска чуть заметно улыбнулась уголками губ, и от улыбки этой стало муторно.

– А ты, Колдун, вообще, крутой мужик. Слушай, я не дурак ведь, ну на хрена мне с тобой воевать! Не буду я с тобой воевать...

Сэр качнулся вдруг в сторону, словно вписываясь в поворот, и молниеносно вскинул к плечу вооруженную руку. Пламя опалило ухо, и грохот ударил в барабанные перепонки – три раза подряд. Три пули в белое неживое лицо. А потом Сэр нажал на тормоз и обернулся. Там не было никого – абсолютно. Мертвый шофер лежал ногами вверх, и три дырки с паутиной трещин красовались в заднем стекле. «Сука, твою мать» – прошептал Сэр в сердцах, кинул пистолет прямо на пол и газанул. Где-то там, впереди лежал город, но добраться до него было уже не суждено. Машина пролетела всего метров пять, когда пластиковая змея на щитке вдруг ожила и выбросила со свистом раздвоенный язычок.

– Что... – успел произнести Сэр, и это были его последние слова. Кобра метнулась как взведенная пружина и вцепилась в шею. Никто не узнает, от чего умер Сергей Петрович Ветров по кличке Сэр – от шока или впрямь от яда. То, что извлекут из обломков, мало будет напоминать человека. А сейчас он просто сдавил железной хваткой змею и беззвучно завалился на сиденье. Серебристый «форд-скорпио», выписал крутую дугу и с треском вписался в столб, а затем рванул бензобак. Грохот взрыва разнесся далеко по ночному шоссе, и салага-сержант прервал разговор, прислушиваясь.

Однако, прибыл кто-то. Может, гонщик твой? Поехали глянем, или как?

Первые лучи солнца выкрасили горизонт алым. Над городом Колдуна занималась заря.

Александр Чернобровкин

ПОБЕГ В ЗОНУ

Рассказ

1

Из кабины подъемного крана я вижу много чего, даже волю. Она начинается за увенчанным колючей проволокой забором, огораживающим недостроенную пятиэтажку – жилой дом для военнослужащих части № 9593/26 или попросту – двадцать шестой зоны, колонии усиленного режима, в которой я оттянул три с половиной года из семи, подкинутых мне судом. Обычно за территорией зоны работают только те, кому до выхода осталось всего-ничего, но начальничкам, видать, надоело по углам кантоваться, хотят до зимы занять по собственной квартире, а опытней меня крановщика на зоне не найдешь. Поэтому, вот уже пятый месяц по рабочим дням с восьми утра и до пяти вечера с часовым перерывом на усваивание пайки, сижу я в железно-стеклянном «скворечнике» в полутора десятке метров от земли и в свободное время люблюсь свободными людьми, разгуливающими по свободным улицам свободного города.

Стройплощадка расположена на окраине, среди приземистых частных домов. Ближе к центру город как бы подрастает, переходит в кварталы трехэтажных «хрущоб», потом – панельных девятиэтажек брежневских времен. Ну, девятиэтажки мне до одного места, а вот трехэтажки очень интересуют, особенно та, крайняя слева. Вывески отсюда я не могу разглядеть, но уверен, что там на первом этаже столовая, потому что на пустыре рядом с домом в полдень скапливается до двух десятков грузовых автомобилей разных марок. Знаю я эти сто-

ловые на окраинах – зачуханные и дешевые, с поварихами в грязных халатах и с пережаренными котлетами, – сам когда-то шоферюгой работал. В таких столовках не едят, а брюхо набивают, чтоб язву не заработать, с удовольствием в другую бы сходили, но эта – единственная по дороге, связывающей город с домостроительным комбинатом. Комбинат расположен километрах в пяти от меня, но я его вижу, слишком большой он, много корпусов, похожих отсюда на коробки хозяйственных спичек, выкрашенных в палевый цвет. Чуть ближе ко мне около комбината дымит трубой маленький заводик. С комбината продукцию умудряются вывезти с помощью двух десятков автомобилей, а с заводика не только машинами, но и поездами отправляют. Видать, хитрый советский завод, так называемый «почтовый ящик»: малость цехов, изготавливающих ложки-плошки, на поверхности и немножко – раз в пять поболее – под землей, изготавливающих что-нибудь секретное. Ну, мне секреты страны родной до того же места, что и девятиэтажки, меня больше поезда интересуют. Отходят они всегда в одно и то же время: один в восемь пятнадцать, а торой в час пятнадцать дня. Может есть еще третий и четвертый, но я не сутками торчу в «скворечнике». Отправляются поезда в неизвестном мне направлении. С тех пор как я попал на зону, у меня появилась странная тяга к неизвестному, особенно к тому, что находится как можно дальше от любимых нар. Подумал-подумал я и решил не ждать три с половиной года, прямо сегодня ублажить свою тягу к неизвестному, узнать куда едут поезда. На утренний я не успел, придется дневным отправиться. И сделаю это сегодня или буду сидеть до звонка – и не рыпаться.

А все из-за квартиры. Работал бы себе и дальше на металлургическом заводе, не знал бы, почем пайка на зоне, так не ужилась моя «ненаглядная» с собственной матерью, захотелось ей самой кастрюли по печке двигать. Сняли квартиру – дорого. Тут какая-то сволочь и подкинула жене идейку, чтоб устроился я в автобазу Минтяжстроя, там, мол, квартиру через пять лет дают. Только не предупредил, что там еще и семь лет можно получить. Я до армии закончил автошколу и полгода работал шофером, но за пятнадцать лет растерял все навыки. Мне бы дожидаться весны, по сухим дорогам восстановить их, а я в ноябре ухватился за баранку. Зима сначала слякотная была, не дороги – каша манная. И вдруг в одну ночь, благодаря двадцатиградусному морозу, превратились дороги в катки.

Ну я и покатался. Впереди меня «Жигуленок» шел, за рулем резвый сопляк сидел. Газанул он – и развернулся поперек дороги. Я по тормозам и руль вправо. Меня как крутанет – и кидануло на левую обочину, на деревянную будку автобусной остановки. Я в эту будку на своем автокране как в гараж въехал. Автобусы ходили плохо, народу в будке валом было. Почти все успели выскочить. Адвокат успокаивал меня после суда: мол, семь лет – это тыфу за трупы женщины и ребенка...

Адвокату легко плевать: не ему сидеть. А мне половины срока с ушами хватило. Сейчас не могу даже понять, как я умудрился на действительной почти столько без особого напряжения отслужить, ведь на атомной подлодке житуха похуже, чем на зоне. Молодой был. И теперь вроде бы не старик, а немотогу без воли...

Вот и машина с обедом. И зеки, и солдаты охраны узнают ее по звуку двигателя, никогда не путают. Братья-зеки повставали с самодельных лежанок, где загорали, ожидая подвоза кирпича, потягиваются, разминаются, готовясь к работе ложкой. Зашевелился и часовой на вышке, «молодой» по прозвищу Губошлеп, конопатый и толстогубый деревенский парень. Он торчит на вышке весь рабочий день, как и положено «молодому», и обед для него – единственное развлечение за девять часов. Сейчас откушает «дед» по прозвищу Битюк и подменит его на пятнадцать минут, чтобы проглотить обед. И не дай бог Губошлепу задержаться хотя бы на минуту – сразу получит пинок под зад, а если на две – то и кулаком в толстые губы. С зеками «дед» себе такое не позволил бы, те бы ответили.

Машина въехала на территорию новостройки, выгружают бачки. И нам, и солдатам готовят на одной кухне, и есть будем одинаковыми черновато-серыми ложками из черновато-серых алюминиевых тарелок, только охрана чуть в стороне, поближе к воротам. Братва уже выстроилась у бачков, ждут, когда выдают солдатам. Жду и я, но не обеда.

– Эй, на кране! – орет прапорщик Потапенко, толстый и красномордый: насосался зековской крови.

– Чего? – отвечаю я, высунувшись из кабины.

– Давай вниз – обед!

– Сейчас, кран сломался, надо доделать.

– Потом доделаешь, слазь! – грозно приказывает прапорщик и тут же забывает обо мне, потому что его тарелки бачко-

вой наполнил лучшими кусками, а Потапенко не может на них смотреть равнодушно: слюной захлебывается.

Я сижу в кабинке еще минут десять, глотаю слюну и стараюсь не смотреть вниз, на солдат и братву. Успею поесть, все-таки последний обед в неволе, можно и потерпеть. И успокоиться надо, потому что сердце вдруг заколотилось так, словно лечу вниз головой с крана.

Когда я получил свою пайку, Битюк уже отобедал и разминал сигарету с фильтром. Деньги у «деда» водятся, подрабатывает «пассажиризмом» – носит зекам с воли чаек, водочку и все такое прочее. Я нерешительно потоптался на месте, точно никак не мог выбрать, где бы присесть, а потом устроился на ящике из-под стекла, поближе к охране. И лениво ем. Так медленно, что Губошлеп успевает прибежать, справиться с первым – жиденьким борщом – и с жадностью принимается за второе – «конский рис» – перловую кашу. Голодный блеск в глазах солдата пропал, черновато-серая ложка пореже летает от миски ко рту. Губошлеп поглядывает на часы на руке прапорщика и прислушивается к разговорам. Бедолага, соскучился на вышке по человеческой речи!

– Слышь, начальник?! – обращаюсь я к прапорщику Потапенко. – Мне на кран надо, лебедка барахлит.

– Вали, – разрешает прапорщик, подобревший после сытного обеда.

– Трос все время травится сам по себе, – продолжаю я объяснять, будто получил отказ, – надо опустить чуток, а он метра на три проваливается...

– Я же сказал: иди, – благодушно произносит прапорщик и широкорото зеваает, показывая черные, прокуренные зубы.

– ...А когда подымаешь, тоже проскакивает, – рассказываю я, вставая с ящика. Понимаю, что прапорщик вот-вот разозлится и отменит разрешение, но продолжаю. Мне надо, чтобы объяснения застряли в дырявой голове Губошлепа, а случится это только тогда, когда они переплетутся с раздражением прапорщика.

Я своего добился. Потапенко захлопнул пасть на половине очередного зевка и рывкнул:

– Катись на свой долбаный кран, пока я не передумал! Губошлеп, словно приказ относился к нему, запикивает в рот целый ломоть хлеба, допивает одним глотком компот и бежит к вышке. Я же неспеша перехожу на противоположную сторону дома и лезу на кран. Наверху выкуриваю сигарету, на-

блюдая за Губошлепом. Вернулся он на пару минут раньше, под зад или в морду не получил и поэтому, подражая прапорщику, зевает. Минут десять будет зевать и потягиваться, а потом заснет. Облокотится на перила, прислонится головой и плечом к стойке, поддерживающей крышу, пристроит автомат, чтобы не падал, – и захрапит. Кроме меня никто пока не догадывается об умении Губошлепа спать стоя. Я случайно узнал, когда в ветренный день чуть не зацепил железобетонной плитой вышку. Плита прошла в полуметре от головы солдата, а он даже не пошевелился. В обеденный перерыв я спросил Губошлепа:

– Не испугался?

– Чего? – не понял он.

Я объяснил.

– Да?! – удивился он, пошевелил толстыми губами и строго произнес: – Ты это, поосторожней, а то еще убьешь!

– Да я пошутил, она метрах в двух прошла, – соврал я, догадавшись, что не видел Губошлеп плиты. Не видел, потому что спал.

– Ну, ты все равно поосторожней, – еще раз посоветовал он и посмотрел на меня настороженно: знаю ли о его тайне и не выдам ли?

Знаю, салага, знаю, зелень подкильная! Но закладывать тебя не собираюсь, сам попользуюсь твоей любовью поспать. Тогда и появилась у меня мысль о побеге. Два месяца я ее вынашивал, изучал местность вокруг стройки, подмечал все, что может пригодиться: и столовую, и заводик, и эшелоны. Сегодня я проверю, насколько толково все продумал и правильно ли рассчитал время.

Я развернул стрелу крана к дому, затем к забору. Нижний конец стропа, висевшего на крюке, болтался в нескольких сантиметрах над колючей проволокой. Я опять повернул стрелу к дому, затем вынес чуть за забор и потравил трос. Губошлеп уже обнимал автомат, наверно, спит. Я свистнул на всякий случай. Сморило беднягу! Сегодня «деды» отобьют у него не только охоту спать на посту, но и почки. Отобьют и мне, если поймают. Я видел, какими привезли двоих беглецов. Их минут на десять положили между бараками, чтобы вся зона могла полюбоваться. Один до сих пор в больнице лежит, а второй, в ожидании когда выпустят подельника и накинут срок, по вечерам сидит на нарах и почесывает на руках и ногах жуткие сине-красные шрамы от собачьих укусов. На сол-

дат он зыркает с такой лютой ненавистью, что от них после каждого взгляда должна бы оставаться только кучка пепла да облачко дыма вонючего.

Я вылез из «скворечника», перебрался на стрелу. Правду говорят, что произошли мы от обезьяны, по крайней мере, когда висишь на порядочной высоте, цепкость в руках появляется звериная. На всякий случай я повозился немного с тросом, будто подтягиваю его (это руками-то!), полез дальше, к концу стрелы, к шкиву, с которого свисает трос. Стрела порядком проржавела, не поймешь, в какой цвет была выкрашена в последний раз. Шкив тоже ржавый по бокам, но паз отшлифован тросом, поблескивает.

Я посмотрел на Губошлепа, на дом. Никому до меня дела нет: спит часовой, кемарят прапорщик и «деды». Да им и не видно меня, кран закрывает. Ну, с богом!

Чего я не учел – это количества лопнувших проволочек на тросе. Слишком их много оказалось. Рукам ничего, в перчатках были, а бедра ободрал здорово. Хорошо, что не счесало то, что между ними! Кавалерийской походкой добрался я через пустырь до проулка между одноэтажными приземистыми домами и упал в серую от пыли траву у забора, ожидая крика «Стой!» или выстрела. Сердце у меня колотилось так, что, наверное, не услышал бы их. Но я так ничего и не дождался и крикнул сам, шепотом:

– Свобода!

2

Стоило мне закрыть глаза, как сразу вспоминал детство, первую поездку по железной дороге. Мне тогда было десять лет, но до сих пор помню переполненный общий вагон, пыль на бледно-желтой оконной раме в купе, двойное толстое грязное стекло и круглое женское лицо с бородавкой на подбородке и ярко-красными напомаженными губами, которые оставляли розовые пятнышки на белке сваренных вкрутую яиц, постепенно исчезающих во рту. Еще было душно и хотелось пить, и от вида жующей напомаженной пасти тошнило, но вставать нельзя было, потому что место сразу же займут, и стук колес нагонял тревогу и подозрение, что дорога никогда не кончится.

Сейчас стук колес нагонял радость, и чем бойчее они спытались на стыках рельсов, тем веселее становился я и мыс-

ленно подгонял тепловоз, чтобы ехал как можно быстрее и как можно дальше. Я сидел в углу товарного вагона без крыши, на одном из двух погруженных в него ящиков и курил папиросу за папиросой, и в промежутках между затяжками помахивал рукой в такт колесам. Красный огонек вычерчивал в темноте дуги, постепенно тускнел, и тогда я вновь делал затяжку и, словно не вдыхал дым, а выдыхал огонь, заряжал кончик папиросы жаром. Когда надоедало махать или начинало подташнивать от курева, я съедал заварное пирожное, хрупкое и липкое одновременно, и запивал его кисловатым виноградно-яблочным соком из трехлитровой банки, крышка которой в двух местах была пробита гвоздем. Все это я приобрел в магазине по пути от столовой к заводу. Маленький такой магазин, разделенный на две половины, в одной торгуют промышленными товарами, в другой – продовольственными. Покупал без очереди, приговаривая:

– Машина ждет! Слышите – тарыхтит под окном?

У обочины напротив входа в магазин стоял с работающим двигателем «ЗИЛ»-самосвал с бело-серым от присохшего раствора кузовом. Обзавелся я машиной на пустыре у столовой. Привлекла она мое внимание тихо гудевшим под капотом масляным фильтром: двигатель остановили минуты две-три назад. Значит, водитель только что пошел обедать, вернется не скоро. Дверцы не были заперты, в кабине еще стоял запах дешевых сигарет и одеколona «Шипр». На крючке между спинками сидений висели авоська с пустым термосом и скомканной газетой и замасленная кепка. Кепку я одел на голову, чтобы короткая стрижка не бросалась в глаза. Уж слишком я привлекал внимание прохожих, когда шел к столовой, хоть на мне и была одета обычная рубашка в зеленую и коричневую клетку, а не зековская фланка, и ни чем я не отличался от работающего-строителя, бегущего в обеденный перерыв в магазин. Прохожие смотрели на меня кто испуганно, кто сочувствующе, а одна бабка сначала себя перекрестила, а потом меня, причем как-то воровато, словно мочила пальцы в чужом компоте и боялась, что застукнет хозяин. С замком зажигания «ЗИЛа» я справился быстро, этому меня еще в автошколе научили. Трогаясь, забыл снять машину с ручного тормоза и чуть не заглушил двигатель. Водитель, видать, слишком увлекся жратвой, потому что не заметил, как угоняют машину, по крайней мере, из столовой не выскочил, но на всякий случай я немного проехал к центру города, а затем повернул в сторону

хитрого завода, куда, отоварившись по пути в магазине, и добрался благополучно за десять минут до отправления поезда.

Вот уже половину дня и часть ночи вагон, добросовестно отсчитывая стыки на рельсах, увозил меня курсом на северо-восток, и все большим становилось расстояние между мной и зоной усиленного режима, и все меньше оставалось шансов у охраны и милиции поймать меня. Наверняка я уже за пределами области и здесь меня пока не ищут, во всесоюзный розыск объявят недельки через две-три, когда время заставит их расписаться в собственной беспомощности. Значит, можно спокойно развалиться на ящике, как собака на жужалке, и обстреливать струями папиросного дыма бледную, перепуганную, луну, надбитую слева.

На северо-востоке, куда едет поезд, находится Белоруссия, а в Белоруссии – Беловежская пуца, а в пуце – деревянная избушка лесника. Живет в этой избушке мой сослуживец по подводной лодке Мишка Драник. Два с половиной года прожили мы с ним в одном отсеке и продежурили на одном боевом посту. За службу мы стали даже не друзьями, а братьями и не представляли, как сможем жить порознь. Еще как смогли, в гости и то не удосужились приехать друг к другу! То-то он мне «обрадуется»: свалился беглый зек на голову! Нет, Мишка не подведет – на то он и друг! – укроет и документами поможет обзавестись. Только бы добраться до пуцы. Мишка мне столько рассказывал о ней, что, кажется, стоит мне попасть в пуцу, с закрытыми глазами найду его избушку...

Поезд замедлил ход, облегченно погудел и встал, лязгнув буферами. Где-то вдалеке забрежали собаки и, как бы подраживая их, закукарекали петух. Что-то громко хлопнуло, словно порывом ветра распахнуло огромную дверь. Такое впечатление, будто поезд остановился на окраине деревни, сейчас машинисты попьют молока, выпрошенного у сердобольной старушки, и поедут дальше.

Мимо вагона прошел человек. Шаги были твердые, гравий жалобно поскрипывал под ногами, словно его толкли в ступе. У соседнего вагона человек остановился, закашлял надсадно и часто схаркивая, совсем по стариковски, что не вязалось с молодецкой походкой. Вновь заскрипел под ногами гравий и вскоре шаги затихли в направлении головы поезда. Оттуда слышался перезвон переезжающего по рельсам подъемного крана и голос, отдающий короткие команды. Что это были за

команды я понял, когда услышал удар чего-то тяжелого, наверное, одного из ящиков, погруженных в вагоны, о железо. Сотрясение от удара передалось и мне. Кажется, разгружают поезд.

Я встал, выглянул из вагона. Впереди, у тепловоза, горели яркие прожектора, освещающие погрузо-разгрузочную площадку и нижнюю часть подъемного крана. Стрелы не было видно, и казалось, что большой светлый ящик висит в воздухе сам по себе, а четыре устремленные вверх стропы – его лапки, тонкие и несгибающиеся. Ящик плавно долетел до кузова грузовой автомашины и медленно опустился в него. В кузов залез человек, оторвал у ящика подогнувшиеся лапки – стропы. Машина, казалось, присела от нагруженной на ее спину тяжести и так и не смогла встать, поэтому натужно, возмущенно, взревела и на брюхе поползла прочь от крана, а на ее место бодро закатилась вторая. Марку машин я не знал: военные, на таких не ездил.

Не успели погрузить вторую машину, как из-за длинного пакгауза с заколоченными накрест окнами появилась третья. Здорово работают! На то они и вояки..! А если вояки, значит, милиция останавливать и обыскивать не будет – почему бы мне не воспользоваться услугами Министерства обороны? На станции мне делать нечего, там постоянно дежурят наряды «лежавых», которые нюхом почуют сбежавшего зека, натасканы. Болтаться где-то поблизости и ждать попутный товарняк тоже смысла нет, потому что уже светает, заметят и сообщат куда надо. Да и неясно, где я нахожусь, может никуда больше ехать и не надо. По крайней мере лесополосы здесь не такие, как в моих краях, сосны и елки в них попадают. Была не была, прокачусь на автомобиле, а будет не по пути, вернусь сюда ночью и воспользуюсь опять услугами Министерства путей сообщения.

Я отошел подальше от погрузо-разгрузочной площадки, выбрал на дороге самое раздолбанное место, – все в рытвинах и кочках, да еще и подъемчик тут был небольшой, – засел в кустах и стал поджидать. Оказывается, не так уж и просто запрыгнуть на машину, даже если она едет очень медленно. В третью из погруженных на площадке мне вскочить не удалось, пришлось ждать четвертую. Она была последней и если бы и с ней промахнулся, пришлось бы ждать возвращения первой, что было бы очень не в масть. К счастью, водитель на четвертой неопытный, не переключился на нижнюю передачу

и застрял в глубокой колдобине. Я с пацанячьей резвостью сиганул в кузов, уселся позади, упершись спиной в ящик, а ногами в задний борт. Как бы ящик не поехал на крутом подъеме в мою сторону, не размазал по борту. Халтурщики чертовы, могли бы закрепить ящик в кузове, веревок пожалели.

Ехали неспеша, все больше лесом и полями, изредка попадались села, как бы присосавшиеся белыми опухольями аккуратненьких домов к дороге. На улицах было пусто, в домах не светилося ни единого окна и придорожные фонари бездельничали. Казалось, что села мертвые, покинуты людьми. И животными: хоть бы одна шавка загавкала вслед машине. Все обленились, только жрать и спать умеют. А может вру на них, может устали за день и теперь набираются сил для новых трудовых подвигов. Хлеба у них здесь знатные, пшеница стеной стоит, кажется, никакой косилкой не возьмешь. Лишь колосья немного колышатся при порывах ветра, и в утренних сумерках поле становится похожим на серое с белесыми полосами пены море после шторма.

Вскоре стало совсем светло, над лесом появилась багровая макушка солнца. Было оно справа от меня, значит, едем на север. Такой курс меня устраивал, если бы мог, крикнул бы водителю: «Так держать, военный!» Осталось определить, в каких краях мы находимся. Дорожные указатели мне не видны, привстать надо, а это делать рискованно, могут заметить со встречной машины. Поэтому я изредка выглядывал из-за борта автомобиля, пока на обочине встречной полосы не заметил большой синий щит с написанными белой краской названиями трех населенных пунктов и расстояниями до них. С географией у меня в школе слабовато было, на службе чуток натаскали, но не настолько, чтобы сразу догадаться, что такое Припять и где она находится. Вроде бы речка такая есть и вроде бы на Украине, а может и не речка, а город и не на Украине, а в Белоруссии. В общем, где-то что-то такое есть в тех краях, куда мне надо. Да и в ломку было вылезать из машины и пешедралом добираться до Беловежской пуши. Когда-нибудь все равно приедем, тогда и отправимся топтать землю...

Машина начала сбавлять ход, посигналила. Я подполз к правому борту, прильнул к щели между досками. Чуть впереди белела будочка из свежеструганных досок. Из нее вышел солдат с автоматом на плече. Правой ладонью солдат хлопал по рту, наверное, зевал. Трудная у бедолаги служба –

не дают спокойно поспать. Автомобиль ехал все медленнее, видимо, водитель выжал сцепление. Солдат вышел на дорогу и исчез из поля зрения. Зато теперь мне стал виден щит на обочине. На белом фоне большими красными буквами было написано:

СТОЙ!

ОПАСНАЯ ЗОНА!

РАДИОАКТИВНОЕ ЗАРАЖЕНИЕ!

Доездили! Видать, на ракетную точку привезли. И из машины не выпрыгнешь, солдат заметит. Вот он – морда зашпанная, придерживает рукой поднятый шлагбаум – свежеструганный брус с поперечными красными полосами – и зевает. Ничего, мимо такого я как-нибудь проскочу. Впрочем, и проскакивать незачем, ведь забора или колючей проволоки не видно, ракетная точка не огорожена. А может тут что-нибудь другое?..

И тут меня осенило: Припять – это ведь Чернобыльская атомная электростанция, взрыв там был в конце апреля! Вот так-так! Ну и влип же я – из одной зоны сбежал в другую!..

Я перебрался на насиженное место у заднего борта, уперся в борт ногами и закурил папиросу. Да, делишки! Что ж мне теперь делать? Назад – далековато, вперед – рентгенов нахватаешься под завязку. Хотя, всё не так уж и плохо. Радиации я не шибко боюсь, служил на атомной подлодке и ничего – не лысый и жена не жалуется. Приходилось даже реактор ремонтировать. Ну, не сам реактор, а какую-то там систему, труба в ней треснула, утечка была охлаждающей жидкости. Работали по полчаса. Одели меня в скафандр, сунули в руки тазик со спиртом – вперед! Тазик оставляли в «предбаннике», а когда возвращались из реакторного отсека, обтирали спиртом скафандр. В «предбаннике» я снял шлем и отхлебнул из тазика самую малость, на пару пальцев. Спиртуган чистый, градусов под сто, и в отсеке температура тоже под сто, вставило меня, дай Боже, через полчаса не только руками и ногами, а и языком еле ворочал. Выходит, что не из-за радиации, а из-за опьянения так мало работал каждый. Пили же все, потому что пьяного никакие нейтроны-протоны не берут. Меня во всяком случае не взяли и Мишку, друга моего, тоже: уже двух пацанов настрогал, как сообщил мне лет десять назад в письме. Эх, Мишаня, топать мне еще до тебя и топать, и неизвестно, доберусь ли. С такой прической как у меня трудно будет проскочить, самое лучшее – отсидеться где-нибудь пару месяцев,

пока стану похож на нормального человека и милиция обо мне подзабудет. И безопасней этой опасной зоны ничего не придумаешь.

А почему бы и нет? Радиации я не боюсь, к станции лезть не буду, не пацан – бестолково рисковать разучился; людей здесь нет, выселили всех, если верить газетам, уверен, что все шмотки и жратву с собой они не утащили, можно будет одежду подобрать попримитивней и чуток поднажрать мордени. Одна беда – опять под охраной жить буду, опять в зоне. Но теперь я ведь свободный человек: хочу – здесь живу, не хочу – свалю куда хочу.

Грузовик, набирая скорость, покатился по длинному спуску. Мимо нас просвистела встречная машина, первая за все время езды. Я привстал и увидел пятнистый, приземистый, похожий на надувшуюся лягушку бронетранспортер. Кажется, приближаемся к пункту разгрузки. Пора мне десантироваться. Я подождал, пока бэтээр скроется из виду, а мой грузовик, взбираясь на подъем, окончательно выбьется из сил и будет ползти еле-еле. Выпрыгнул удачней, чем запрыгнул, – с первой попытки! И сразу нырнул в придорожные кусты, успев заметить, что машина чуть вильнула вправо. Увидел меня военный или нет? Кажется, нет, по крайней мере, не остановился, покатил дальше, постепенно исчезая, будто всасывался в дорогу. Счастливого ему пути – семь километров асфальта под колесами! А мне – безлюдных тропинок, вроде той, что шла по лесополосе параллельно дороге. Я пошел по ней вниз: вниз всегда легче, а меня что-то на сон потянуло, сказывалась пробеганная ночь.

Солнце уже припекало всюду, от ночной прохлады не осталось ни следа, даже в тени деревьев жарко, словно лучи отражались от земли, как от зеркала, и попадали под кроны. Сильно пахло цветами. Их тут – море. То-то коровам раздолье. Я бы с удовольствием попил местного молочка. Или ко крайней мере воды. Но даже паршивого ручейка нет, хотя обычно по дну ложбины какая-нибудь, пусть вонючка, но протекает. Пришлось перебивать жажду ягодами – гледом, кажется. Терпкие какие-то, от таких не только пить, а и есть перехочешь. Чтобы приглушить неприятный вкус во рту, я закурил папиросу. Идти дальше сламывало, я присел у кустов, потом прилег.

Эх, красота-то какая – солнце, небо голубое, чистый воздух, как бы чуть вспрыснутый цветочным одеколоном! И главное – свобода!

Я лег поудобней, лениво досмоктал папиросу и чуть не заснул. Нет, так нельзя: вдруг какая-нибудь сволочь заметит с дороги. Я, преодолевая лень, встал, нарвал травы, постелил между кустами, там, где кроны их почти смыкались. Завалившись на ложе из травы, отвязал от левой руки авоську с папиросами, положил рядом. Даже если и буду прыгать во сне, авоська не потеряется, значит, пусть отдохнет от меня.

3

Разбудило меня лопотание. В полусне я увидел склонившегося надо мной старика с выступающим совковой лопатой, небритым подбородком, на который свисали длинные, похожие на пожухлые листья, губы, о чем-то предупреждающие меня, но слова вязли в губах, разжижались, превращаясь в полувзвук, и падали на меня со шлепком, как коровьи лепешки, а в промежутках между ними из беззубого рта стравливался с присвистом смрадный воздух, точно губошлеп потерял, зубы пожирая падаль. Я махнул рукой, отгоняя старика, наткнулся на колючие ветки – и проснулся.

Никакого старика, конечно же, не было. Лопотание доносило откуда-то сверху, то ли с верхушки склона, с которого я спустился, то ли с неба, покинутого солнцем, но еще светлого. Я привстал и раздвинул ветки над головой. Вон он – виновник моего пробуждения – в небе. Защитного цвета вертолет кружился над чем-то, расположенным за склоном. Кружился долго. Потом завис, точно раздумывал, сесть или нет, решил, что не к чему, и стремительно полетел в сторону железнодорожной станции. Лети, друг, лети, не хватало, чтобы ты случайно меня обнаружил.

Интересно, над чем он там кружился? Зря технику гонять не будут, если только не за водкой посылали: наши вояки – ребята brave: страну не продадут, но пропить могут. Видать, там действительно что-то важное – почему бы не посмотреть? Все равно мне надо идти в ту сторону, на север, искать пристанище поближе к Мишкиному дому. Я привязал авоську к левой руке, выполз из кустов на четвереньках. Что-то жарко мне вдруг стало, и я вытер пот со лба рукавом рубашки. В ноздри шибануло мертвечиной. Ну и вонючий же хозяин был

раньше у рубашки! Хоть снимай ее. Тут еще цветы разблагодухались, обрадовались заходу солнца, как будто днем запахи немного увядали под лучами. Такое впечатление, словно я иду по парфюмерной лавке и давлю пузырьки с духами и одеколонами. А птицы в воздухе раскричались так отчаянно, будто неделю не жрали, хотя пищи им вокруг – завались, кузнечики вон надрываются, будто ринулись все вместе перепиливать столетнее дерево – такой треск стоит. Я закурил папиросу, чтобы приглушить какофонию звуков и запахов, но после двух затяжек выкинул: противная до отвращения, каким курево бывает, когда заболеешь гриппом или простудишься. Видать, просквозило меня во время ночных поездок, надо поскорее найти какую-нибудь хибару и залечь в койку.

Взобравшись на вершину склона, я замер удивленный. Вдалеке виднелись несколько зданий – завод – не завод, элеватор – не элеватор, а Бог знает что. Одно из зданий было разрушено наполовину, словно в него угодила бомба, скинутая с вертолета, который недавно здесь кружил. Взрывной волной посбивало, как чешуйки с рыбы, листы обшивки со стен, оголились, как кости, балки. Поражало запустение вокруг зданий, как будто кто-то обмел их огромной метелкой из перьев. От полуразрушенного здания шел запах гари, едкий и липкий, пропитанный жиром, может быть, человеческим. Если бы здание было чуть поменьше, я бы подумал, что это крематорий. Солнце уже зашло, а здание продолжало светиться, напоминая тусклое зеркало, отражающее лучи, едва пробивавшиеся сквозь тучи. Свечение было импульсным, казалось, что кто-то большой и невидимый роняет внутрь полуразрушенного здания, в дождевую воду, наполнившую его до краев, большие и невидимые камни, и в месте их падения жирная пленка на поверхности воды вспыхивает разными цветами, и к краям разбегаются светящиеся волны, переплескиваются через стены и летят над землей все дальше и дальше, пока не исчезнут за горизонтом. Светящиеся волны свободно проходили сквозь деревья и холмы. И я для них не был непреодолимым препятствием, они втекали в меня, наполняли все тело радостным чувством, какое у меня было, когда принимал присягу, на моем темечке вдруг появлялась семейка приятно щекочущих муравьев, я чуть не всхлипывал от счастья. Волна укатывала дальше, унося с собой приятные ощущения, оставляя в моем теле тоску и тревогу, как будто меня сейчас поведут на расстрел за измену Родине. Мне становилось жутко

смотреть на пострадавшее от взрыва здание, словно вот-вот должна была подойти моя очередь в крематорий или стать очередным камушком.

А ведь это Чернобыльская атомная электростанция. И полуразрушенное здание – четвертый реактор. А светящиеся волны – радиация...

Я испугался. И не столько радиации, сколько жуткой тишины, окружающей станцию. Очередная светящаяся волна не наполнила меня радостью, будто я стал непроницаемым, и она наткнулась на меня, толкнула в грудь. Я попятился и изогнулся, точно собирался встать на задний мостик, чтобы волна могла перекатиться через меня. Но она вдруг нашла лазейку в моем теле, впиталась в него и медленно стекла в ноги, которые онемели и приросли к земле. Я превратился в ваньку-встаньку, мог поворачивать корпус в разные стороны, отклоняться вперед-назад, но оставался на месте, потому что центр тяжести тела оказался в стопах и сдвинуть меня с места можно только надавив сбоку на них. Поняв это, я повернулся боком к очередной светящейся волне и, когда она ударилась об меня, подпрыгнул. Мне удалось оторвать ноги от земли, волна сбила меня, и я покатился вниз по склону. Подо мной затрещали кусты и даже трава, причем ломалась она со стеклянным звоном, и мне показалось, что качусь по битым бутылкам, осколки больно врезаются в тело, оно становится мокрым и горячим от крови.

Катился я, пока не налетел на куст шиповника. Боль от шипов была похлеще, чем от придуманных осколков, она сняла тяжесть с ног, передвинула центр тяжести тела туда, где ему положено быть. Я вскочил на ноги, и они побежали сами по себе. Причем туловище немного отставало от них, как бы должно было преодолевать вихри, которые создавали ноги, а голова отставала от туловища, и с удивлением наблюдала за летящими впереди ногами и туловищем, и тяжело дышала.

Как долго я бежал – не знаю. Видимо, часа три, не меньше, потому что когда остановился, на небе светила луна. Впрочем, остановился – не то слово. Я растянулся во весь рост, перевалившись через поваленное дерево. Оно было трухлявым, треск пошел такой, будто я сломал обе ноги. Туловище мое наконец-то догнало их, голова – туловище, а тяжелое, сиплое дыхание – голову и комком застряло во рту. Бежать дальше я не мог: не было сил.

Отдышавшись, я с облегчением понял, что бежать и не надо. Светящиеся волны не доберутся сюда, потому что между мной и станцией теперь слишком много холмов и деревьев. Поляна, на которой я лежал, казалась не имеющей никакого отношения к беде, произошедшей в нескольких километрах отсюда. Все на поляне было сонным и мирным. Земля пахла грибами и фиалками. Где-то неподалеку радостно журчал ручей. Звуки и запахи были нормальными, не резали слух и обоняние. Лунный свет обволакивал деревья, кусты и травинки, как бы упаковывал их в тонкую серебристую фольгу, чтобы сберечь такими для новогодних елок, а сама луна была похожа на лицо беременной женщины – умиротворенная и чуточку мечтательная, спокойно ожидающая, когда нальется полностью, заполнит изогнутую полосу слева. Сравнение показалось мне ужасно смешным. Сначала я смеялся тихо и вымученно, как бы поддерживая компанию, потом захохотал все безудержнее и безудержнее, пока не захлебнулся собственным смехом.

Пролежал я на поляне минут пять, а почувствовал себя отдохнувшим несколько часов. Свежие силы прямо распирали мое тело, казалось, если я сейчас не вскочу и не пойду дальше, то взорвусь от их переизбытка. Я закурил папиросу, наполовину высыпавшуюся и согнутую, видать, помял пачку во время бегства от волн, бодро, как по команде «Подъем!», подпрыгнул с земли и пошел через поляну по тихой, мягкой траве. Атомная станция где-то севернее меня, значит, надо идти на юг, примерно на луну.

Вскоре я вышел на дорогу, не ту, по которой меня вез грузовик, та была четырехполосная, а эта – трех и давно не отремонтированная. Такие дороги обычно соединяют город с селом, в чем я и убедился, отмахав километра два и наткнувшись на дома. Именно наткнулся, потому что издали принимал их за лесополосы, лишь когда приблизился вплотную, заметил, что между деревьями стоят дома, темные и неприветливые. Ни единого окна или фонаря не светилось. Ни единого звука не слышалось. Казалось, что люди, животные и даже электричество затаились, ожидая чего-то страшного. Как бы они меня не перепутали с этим страшным: только открою дверь в какой-нибудь дом, как везде загорится свет, выскочит народ с дубьем и кольем и забьет меня, приняв за очеловечившуюся радиацию. Впрочем, никто не выбежит, потому что

никого здесь давно уже нет. Но поверить в это было трудно, глядя на целые и кажущиеся в темноте ухоженными дома.

Село большое, на райцентр тянет. Я долго ходил по безлюдным, погруженным во мрак улицам, присматривался и прислушивался, надеясь найти хоть какой-нибудь признак жизни. Не нашел и решил остановиться в доме на окраине, поближе к лесу. Дом был крыт оцинкованным железом, которое засветилось, когда луна выползла из-за туч, и создавалось впечатление, что крыша сделана из мутного стекла, а внутри дома горит большая лампа – хоть что-то, напоминающее о жизни в этом мертвом селе. Судя по крыше, хозяин здесь жил рачительный, из тех куркулей, с которыми советская власть безуспешно борется семьдесят лет. В таком доме должно быть всё и на все случаи, к соседям ни за чем ходить не придется.

Калитка во двор была закрыта, и я ее закрыл за собой, причем автоматически, как бы под влиянием чужой привычки к порядку. От калитки к дому вела заасфальтированная дорожка, вдоль которой у земли была натянута толстая проволока для собаки, чтобы могла добраться в любом уголке подворья до непрошенного гостя. От проволоки к будке извивалась по земле цепь с расстегнутым ошейником, длинным и широким, на таком не собаку, а теленка держать или собаку с теленка. Подворье заканчивалось двумя сараями, за ними шел огород, упирившийся в лес. Дом был справа, ладный такой, с большими окнами и с навесом над крыльцом. На крыльце валялся амбарный висячий замок, видать, сбитый с двери. На всякий случай я постучался. Эхо от стука было коротким, будто упало внутри дома в глубокую яму. Я толкнул дверь и зажмурил глаза, ожидая вспышки света. Дверь открылась бесшумно и никто не включил свет. Я замер на пороге, не решаясь войти в чужое жильё, говорил себе, что бояться нечего, этот дом теперь ничей, но никак не мог сделать шаг вперед, словно впереди меня ожидала та же участь, что и хозяев – быть выгнанным. В нос мне ударил запах зверобоя, наверное, висит в сенях на стенах, заготовили для самолечения. Моя теща всегда настаивала на зверобое самогон, утверждала, что не только запах сивухи отбивает, но и лечит от всех болезней. Не знаю, лечит ли он или нет, зато у тещи всегда была уважительная причина опрокинуть рюмашку, а так как у тещи постоянно что-нибудь болело, зверобоя каждое лето она запасала вагон и маленькую тележку. Воспоминание о родственнице примирило меня с чужим жильем и прогнало дурацкий страх.

Я достал из кармана коробку спичек, зажег одну, от нее – клочок бумаги, валявшийся на полу, и уверенным, хозяйским, шагом вошел в дом.

4

Самая главная примета свободного человека – вставать, когда хочешь. Кто-то, может, не согласится со мной, но это его личные трудности, а у меня все хорошие воспоминания начинаются с того, как я выбрался из постели не по звонку будильника. Впрочем, сейчас у меня нет будильника, мог бы прихватить, но не захотел. Пользуюсь ходиками, висящими на стене. Они уже старые, краска облупилась даже на кукушке, отчего птица кажется общипанной. Она только что выскакивала и хриплым, испуганным, голосом откуковала полдень. Сейчас я встану, схожу умоюсь под краном во дворе, потом отрежу от подвешенного к потолку на кухне копченого окорока, пахнущего можжевелевым дымом, солидный шмат и буду жевать его со сладким печеньем, пока не разгорится печка и не вскипятит чайник Продуктов у меня много, особенно мяса и круп, насобирал по селу. Сначала брал все подряд, потом самое вкусное, но все равно кухня завалена банками, мешками, коробками и ящиками. Особенно много мяса, свинины, закрученной в сыром виде в трехлитровые банки, как варенье, но только не на зиму, а на лето, ведь в холодильник все не засунешь. Так же много печенья и конфет, несколько ящичков, принес их из магазина. Вот только с хлебом туго, мука есть, но я печь не умею. Поэтому мешок с ней стоит в дальнем углу, мыши прогрызли мешок в нескольких местах, жрут муку без зазрения совести и успели проложить белую дорожку от мешка к норе. Надо будет кошку завести, видел я одну в соседнем дворе. Облезлая, худющая, заметила меня – зыркнула дико и шасть в кусты. Озверела, бедняжка, из такой получится хороший охотник за мышами.

Я лениво выбираюсь из-под ватного одеяла, опускаю ноги на пол. От пола тянет сыростью и плесенью, а от стен – влажной известью, точно белили их вчера вечером или сегодня утром. И вообще дом пропитан слишком сильными запахами. Первый день я как-то не замечал этого, а теперь они становятся все резче и резче, даже дышать трудно. Я хотел переселиться в другой дом, но и там не лучше, только запахи немного не такие. И с акустикой здесь что-то непонятное. Уже на

второй день я начал слышать, как капает вода из крана во дворе, как шелестят листья в саду и в лесу, потом дошло до того, что я начал слышать падение пылинки в доме. Представляете, какой грохот стоит вокруг меня? Иногда он усиливается настолько, что у меня начинают болеть уши, будто по ним с размаху хлопнули ладонями. Что-то подобное я на службе испытал, когда три американских противолодочных корабля сели на хвост нашей подлодке и обстреливали нас из гидроакустических «пушек». По лодке со всех сторон и вразнобой словно огромными кувалдами молотили, ничего делать не можешь – ни спать, ни есть, ни службу нести, – одно желание – стукнуться головой обо что-нибудь твердое и острое, чтобы она раскололась и грохот выплеснулся из нее. Трое суток казнили нас янки, мы уже на пределе были, и если бы командир не сумел оторваться от них, пришлось бы всплывать и рассекречивать подлодку. Нашел и я способ отрываться от шумов и запахов. Заметил, что днем они послабее в доме, а ночью – на свежем воздухе. Так и живу: днем отсыпаюсь в доме, а по ночам шляюсь по селу, «хожу в гости».

Сейчас полнолуние, по ночам так светло, что и фонарей не надо. Обычно я обхожу все село, ненадолго заглядываю в дома, роюсь в шкафах и столах. Я уже не боюсь, что застукают хозяева, перебираю вещи и бумаги неспеша, пока не достанут запахи и звуки. У меня теперь имеется полный гардероб на все времена года. Есть и документы – водительские права на одно имя и свидетельство о рождении и военный билет на другое. С такими ксивами не пропадешь, можно ехать куда хочешь, устраиваться на работу и поплевывать на милицию: документы выданы местными органами власти, а вся страна знает, что это за район, никто не пристебается с вопросом почему у тебя нет паспорта. Облучился паспорт и сдох – вот почему! Эх, поскорее бы в путь. Загляну к Мишке, чтобы с женой установить связь, и поеду дальше, пока срок давности не выйдет. А может и без жены обойдусь, похолостякую малость.

Ох, скорей бы волосы росли! Ладно бы только запахи и звуки доставали, а то еще и видения всякие чудятся. Позапрошлой ночью я видел в той стороне, где атомная электростанция, огромный оранжево-красный гриб, какой бывает при взрыве атомной бомбы. Я было подумал, что еще один блок рванул. Но ведь писали, что остальные блоки остановлены, и по радио ничего не передали, ни по нашему, ни из-за «бугра».

У меня есть транзистор, слушаю новости иногда, чтоб совсем от жизни не отстать, а то опять какая-нибудь перестройка начнется, а я и знать ничего не буду.

А этой ночью я покруче диковинку видел. По небу она летала. Желтая и круглая, на луну похожа. Я сначала ее за луну и принял, а потом гляжу – движется, причем так быстро, что задняя половина как бы растягивалась и казалась смазанной, и неправильно как-то летела, не так, как самолеты или вертолеты, а будто по невидимой прямой, проходящей около Земли. Сперва диковинка пронеслась с юга на север, затем – с востока на запад. Я думал, больше не появится, как вдруг заметил ее летящей низко над землей и прямо на меня. Я хотел упасть под забор и закрыть голову руками, словно услышал команду «Вспышка спереди!», но диковинка опустилась в лесу на землю. Вскоре опять появилась, полетела в другую сторону и опустилась примерно в том месте, где я очутился после бегства от АЭС, на той полянке с серебристыми деревьями и травой и с радостно журчащим ручейком. Может диковинка там водой заправляется? Ведь летающим тарелкам нужна вода, чтобы было из чего суп варить, без которого тарелка – не тарелка. Впрочем, моя диковинка не была похожа на НЛО, по крайней мере, на те, изображение которых я видел в журналах и газетах, и вела она себя странно: словно шарик от настольного тенниса, прыгала по земле, только подлетала все время на одинаковую высоту и скакала не по прямой, а по кругу, центром которого была атомная электростанция. Такое впечатление, будто там находится колышек, к которому привязан поводок, удерживающий диковинку. Хоть она была и светлая, а казалась мне черным вороном, кружащим над трупом: что-то в ней было отталкивающее, вызывающее страх и неприязнь. Мне хотелось взять что-нибудь потверже и потяжелее и запустить в нее. Я был уверен, что в случае попадания она со звоном разлетится на миллион блестящих осколков, которые посыпятся на землю, зароятся в нее и к утру дадут такие же всходы, как взорвавшийся реактор, только видимые человеческим глазом...

Позавтракав окороком с печеньем и чаем с печеньем, я пошел на огород за клубникой. Урожай ее в этом году богатый и ягоды крупные, с кулак. Сначала я думал, что это только у моего хозяина-кулака все кулаковатое, а потом заметил, что и у соседей ягоды не мельче. Видать, все в этом селе мичуринцами были в школе. Я набрал полную миску ягод, по-

шел в дом, потому что уже одуревал от запахов земли, цветов и еще чего-то очень противного и от шелеста травы, листьев и веток. Один раз мне даже почудилось, что слышу, как журчит сок в стволе дерева. Чертовщина какая-то!

От нечего делать я побродил по комнатам, включил телевизор. Знаю, что нет электричества, а все равно каждый раз, когда прохожу мимо телевизора, включаю его. Убедившись, что экран не загорается, включаю транзисторный приемник. Создается впечатление, что телевизор работает, есть звук, но нет изображения. Передают новости – ничего нового. Батарейки в приемнике старые, слабенькие, но все равно орет он слишком громко, за что и лишается права голоса.

Делать нечего, а спать не хочется. На кухне стоит «лекарство» – самогон. Я нашел его в погребе. Две десятилитровые сулии – бутылки с длинными узкими горлышками – стояли в дальнем углу, накрытые старой клеенкой. Спроси у хозяина, зачем ему столько, наверное, не нашел бы, что ответить, буркнул бы: жрать не просят. По русским меркам я не пьяница, но жена никогда не держала водку про запас, знала, что выпью, если найду. У меня такой характер: есть – выпью, нет – на нет и суда нет. Только в одиночку пить не люблю, привык разговором закусывать. А здесь поговорить не с кем, разве что с фотографиями хозяев и их детей. Заезжий халтурщик увеличил и разрисовал маленькие черно-белые фотографии и теперь на меня со стены смотрели розовощекие, алогубые и синеглазые мужчины и женщины, все примерно одного возраста и только по фасонам одежды можно догадаться, кто родители, а кто дети. И те, и другие похожи на подгримированных покойников. Пить с такими – волком взвоешь.

Я сходил на кухню, с помощью шланга от стиральной машинки подсосал из сулии, как из бензобака, кружку самогона. Был он желтоватый, настоящий на лимонных корочках, и вонял как цитрусовая бражка, причем сильнее, чем вчера. Я еле втокнул в желудок это пойло. Алкоголь действует на меня плохо – не так, как я хотел бы, – в сонливость вгоняет, особенно, если потрепаться не с кем. Поэтому я подошел к размалеванным фотографиям, высказал все, что я думаю о них и о фотографе-халтурщике, пошел на боковую.

Спал вроде бы не долго, разбудили меня шаги в комнате. Я затаил дыхание и сильнее зажмурил глаза, как делал в детстве, надеясь, что если я никого не вижу, значит, и меня не увидят. Шаги были тяжелые, мужские. Они пересекали ком-

нату вдоль и поперек, напоминая действия собаки, отыскивающей зарытую кость. Вот они приблизились к кровати, и я напрягся всем телом, готовый вскочить и отбить удар. Сиплое дыхание начало приближаться ко мне, как будто человек наклонился, чтобы заглянуть мне в лицо, а потом отклонилось в сторону, и под кроватью что-то зашурудело. Человек вытащил то, что ему было надо, и пошел на кухню. Там упала кастрюля, грекнуло пустое ведро. Человек негромко ругнулся, что-то передвинул. Затем отчаянно произнес: «Пошло оно все!..» и швырнул что-то тяжелое на пол. Я открыл глаза и в приоткрытую дверь, ведущую на кухню, заметил, как широкоплечий сутулый мужчина в брезентовом плаще и серой кепке вышел в сени. Хлопнула закрывшаяся входная дверь в дом, заскрипел ключ в замке.

Я выпрыгнул из кровати, подбежал к окну, выходящему во двор. Сквозь щель между закрытыми ставнями увидел на подворье, освещенном луной, мужчину в плаще и кепке. Он расстегивал ошейник на собаке ростом с телка. Собака повизгивала, пыталась лизнуть хозяина, мешала ему, он зло рыкнул: «Ну!» и ударил собаку кулаком по крестцу. Собака затихла, дала освободить себя от ошейника и радостно запрыгала рядом с хозяином, который взял стоявшие на дорожке фибровые чемоданы с углами, оббитыми железом, направился к калитке. Там его ждала женщина. Она вытирала глаза уголками повязанного на голову белого платка, наверное, плакала. Мужчина что-то буркнул ей, шибанул калитку ногой, вышел на улицу. Женщина торопливо закивала головой, несколько раз перекрестилась, потом размашисто перекрестила дом. Она подняла с земли два узла с барахлом, хозяйственную сумку, сумочку поменьше и две авоськи. Выйдя со двора, она положила это все на землю, закрыла калитку, еще раз перекрестила дом, снова навьючилась и побрела за мужчиной.

Я перебежал к другому окну, выходящему на улицу, – и чуть не вскрикнул от удивления. По улице шли люди с чемоданами, рюкзаками, баулами, сумками. Даже дети что-нибудь несли. Шли молча, лишь один ребенок плакал, тянул надрывную ноту, и так долго, что и у взрослого не хватило бы воздуха в легких. За людьми бежали собаки, целая стая, и тоже молча и не грызлись между собой как обычно. В лунном свете шествие напоминало черно-белую кинохронику военных лет.

Я подождал, пока улица опустеет, пошел в сени. Дверь оказалась закрытой изнутри на крючок, как я всегда делаю,

вернувшись в дом. Амбарный замок все так же валялся на крыльце, хотя я отлично слышал, как мужчина закрывал его. Во дворе было пусто, не почувствовал я и тепла, которое ненадолго остается в воздухе, после ухода человека. Наверное, мне все с пьяну привиделось.

На всякий случай я пошел к центру села, куда брели привидевшиеся мне люди. Улицы были такими же, как и вчера, — тихими и безжизненными, если не считать обычного шелеста травы и листьев. Повернув на улицу, ведущую к сельсовету, я вдруг увидел вдалеке габаритные огни колонны машин и автобусов. Красные и белые огни быстро добрались до леса и исчезли в нем. И тогда послышалось собачье вытье. Сотни собак тоскливо и обреченно выли разными голосами. Я не видел собак, но мог точно описать, какой из них принадлежит тот или иной голос, хотя все голоса были похожи, одинаково жалостливые, словно пели отходную по самим себе. Я шел к центру села, а похоронная песня становилась все глуше и глуше и отдалялась к той окраине села, через которую выехала колонна, а когда я добрался туда, вытье совсем заглохло, но у меня за спиной послышалось жалобное мычание коров, бляенье овец и хрюканье свиней. Как бы подпевая крупным животным, паскудно завывали кошки и так расходились, как и в марте не услышишь. Я побежал к центру села, пустого и безжизненного, надеясь увидеть хотя бы одну скотину, но когда я углубился в село, мычание, хрюканье и бляенье затихли, а появилось и становилось все громче и громче собачье вытье.

Я несколько раз пробежал от центра села к окраине и обратно, слушая то собачье вытье, то плач других домашних животных, пока не нашел место, где слышно было и то, и то, но тихо. Это был пустырь, заставленный разобранными комбайнами и тракторами и сломанными косилками, сеялками и плугами. Я присел на бревно у трактора, закурил сигарету. Курева у меня много, нашел в магазине в подсобке. Кто-то уже побывал там до меня, забрал самое ценное, но ящик со «Столичными» киевской фабрики оставил без внимания. Сигареты сухие, звонко потрескивают при затяжках и глушат все остальные звуки. Затягивался я как можно чаще, потому что слышал не только вытье животных, к которому уже привык, но и плач стоявшей на пустыре техники. Правда, плачем трудно было назвать жалостливое скрежетание железа, напоминающее медленное верчение шестеренок, посыпанных песком. Когда взошло солнце и звуки исчезли, вокруг меня в тра-

ве валялось десятка полтора желтых сигаретных фильтров, похожих на распускающиеся одуванчики. Они жутко воняли, словно испарялись под солнечными лучами.

5

Как-то в детстве – года полтора мне было – родители подкинули меня на выходные бабушке. Она за домашними хлопотами не уследила за шустрим пацаненком, ну и оказался я на улице в одной распашонке. Дело было ранней весной, снег еще лежал, но день был солнечный, с капелью. Снег покрывала тонкая корочка льда, впадинки на которой были заполнены чистой и холодной талой водой. Как сейчас помню, бегаю я по снегу от лужи к луже, а за мной бабуля гоняется. Меня корочка держит, не проваливаюсь, а бабушку – нет, никак догнать меня не может. Ну и получил я тогда от нее! Думала бабуля, что все – не уберегла внука – как перед дочкой оправдываться будет?! Вызвала она «скорую помощь», а той все нет и нет. Тогда бабушка и полечила меня народным средством: растерла тело самогоном и внутрь мне грамм пятьдесят влила. Когда через пять часов приехала «скорая помощь» врач отругал бабушку за то, что вызвала его к здоровому ребенку. С тех пор я и лечусь от всех болезней самогоном, тем более, что теща гонит его и разделяет мою точку зрения на народную медицину. Рецепт простой: от легких заболеваний – растирание плюс немного внутрь, от тяжелых – растирание и много внутрь, во всех остальных случаях – только внутрь, но сколько влезет.

Так я и сделал на этот раз, чтобы избавиться от галлюцинаций – пил два дня беспробудно. Приму на грудь грамм -сот, отрублюсь на несколько часов, очухаюсь, опять приму. Через два дня очнулся на кровати полураздетый, а на груди раздавленный окурочек лежит. Запашище от него как от бочки никотина. Ну, думаю, предупреждение это мне, что сгореть могу по пьянке, пора завязывать. Тут еще со звуками что-то не так стало. Теперь меня больше доставали не внешние звуки, а те, что слышались внутри тела. После каждого удара сердца, будто после нажатия рычага сливного бачка, по артериям бурно устремлялась кровь и тихими ручейками возвращалась по венам. В кишках у меня что-то урчало и булькало, словно тонуло в болоте. В легких звонко хлопало, точно разбивались об асфальт крупные дождевые капли. А в мозгу потрескивали электрические разряды, как в радиоприемнике при грозе. Но

самое жуткое творилось в мышцах. Казалось, что там завелись маленькие рыжие муравьи, пожирающие мои клетки и друг друга. Челюсти их работали без остановки, и хруст шел такой, будто жрали они сухой валежник. В теле моем оставалось все меньше и меньше мяса, я худел прямо на глазах, и если в ближайшие несколько минут не вытравлю эту рыжую погань, на белых простынях останется лишь бело-розовый скелет, а между ребер у него будет торчать раздавленный окурок сигареты киевской табачной фабрики...

Стрельба на улице отвлекла меня от звуков внутри тела. Я подбежал к окну и в щель между ставнями увидел идущих по улице милиционеров, вооруженных автоматами. Шли они к моему дому. Я быстро выскочил из дома, забежал за сарай и упал в заросли крапивы, которая даже не сочла нужным пострелять мое тело. Бежать дальше было глупо, могут заметить, придется в крапиве отлеживаться, и надеяться, что милиция здесь случайно, не за мной охотится. Я выглянул из-за угла сарая, чтобы рассмотреть своих врагов и понять, зачем они пришли сюда.

Полная луна светила так ярко, что я не сразу понял, что уже ночь. В ее свете я смог разглядеть молодые небритые лица милиционеров и чистые погоны у многих. Значит, срочной службы ребята (у профессионалов, как минимум, по две сержантских «сопли» на погонах), таких не пошлют ловить сбежавшего зека, им доверяют шпану по подворотням шугать, не больше. Поэтому я без особого мандража наблюдал, как они по-хозяйски заходят в двор.

Откуда-то рядом со мной, чуть ли не из крапивы вылетела огромная собака и без лая бросилась на солдат. Они встретили собаку спокойно, видимо, почти в каждом дворе случалось такое же. Впередиидущий вскинул автомат и короткой очередью отбросил верного сторожа к забору. Собака посучила лапами, жалобно взвизгивая, и затихла. В сарае, будто оплакивая погибшего собрата, замычала корова и захрюкала свинья.

– Идите в сарай, а я в дом загляну, – приказал стрелявший, сержант, и поднялся на крыльцо. Прикладом автомата он сшиб замок, отбучнул его от двери и зашел в дом.

Я не видел, что происходит в сарае, но по звукам догадался, что животных вывели во двор. Раздались два одиночных выстрела, корова коротко мыкнула, будто отрыгивала жвачку, а свинья долго визжала, пока еще два одиночных выстрела не успокоили ее навечно. Потом закудахтали куры, солдаты ве-

село заржали. Одна курица прошмыгнула мимо меня, понеслась по огороду в сторону леса. За ней гнался солдат. Он остановился в метре от меня, долго целился из автомата, выпустил длинную очередь в молоко и вернулся во двор.

– Держи ее, держи! – заорал во дворе мальчишеский голос.

– Шею откручивай, а не хвост! – насмешливо посоветовал голос поглубже, и несколько человек весело заржали.

На крыльцо вышел сержант и рассерженно гаркнул:

– Ты, салага, чего мучаешь?! Мы сюда что – играть пришли?!

– Так я это – хотел, чтоб быстрее... – оправдывался мальчишеский голос.

– Разговорчики! – оборвал сержант. – Вон бэтээр идет, вытаскивайте скотину.

К Двору подкатил похожий на надувшуюся лягушку бронетранспортер. Двигатель его работал так громко, что мне казалось, будто мое тело вот-вот развалится на куски от вибрации. Я отполз по крапиве к концу второго сарая. Теперь мне не видно было, что происходит во дворе, зато хорошо просматривалась улица и дома напротив. Там тоже орудовали солдаты в милицейской форме, привязывали тросы к ногам или шеям коров, свиней и овец. Бронетранспортер отъехал от моего двора, остановился у противоположного. На буксирный крюк были накинута несколько петель тросов, и бэтээр, взревев двигателем, поехал по улице, утаскивая за собой убитых домашних животных. Они сбились в кучу, напозлали друг на друга, задирали вверх то голову, то ноги и казались живыми, но неспособными возмутиться вслух, потому что глотки передавлены тросами. За животными тянулся шлейф пыли, которая в лунном свете напоминала дым, и создавалось впечатление, что горит трущаяся об землю шерсть животных. Бронетранспортер тащил трупы за село, в то сторону, где я несколько дней назад обнаружил овраг, заполненный скелетами. Под скелетами кто-то лазил, кости время от времени шевелились, поскрипывали и потрескивали, и чудилось, будто скелеты пытаются встать и разбрестись по окрестным лугам, чтобы по привычке жевать траву. И бронетранспортер вдруг стал похож на скелет доисторического панцирного хищника, возвращающегося в свою могилу после удачной ночной охоты.

Клин клином надо вышибать, и чтобы избавиться от белой горячки и связанных с ней галлюцинаций, я опять сутки напролет хлестал самогон. Он почему-то потерял вкус и запах, стал как дистиллированная вода. Пьешь, пьешь его, пока не заложит нос и уши, упадешь прямо около сулий, и минут через пятнадцать очухиваешься абсолютно трезвый. Не пьянка, а игра в лотерею-спринт, не успеешь нарадоваться ожидаемому выигрышу, как убеждаешься, что проиграл. К счастью, самогона хватило ненадолго.

Когда я очнулся в последний раз, в кухне было темно. Около меня бегали и попискивали мыши. Они совсем не боялись человека, кажется, и проснулся я от того, что самая борзая пробежала по руке. Кухня была пропитана вонью мочи, мышиного помета и тухлого мяса. Я было подумал, что загниваю, но тело мое молчало, рыжие муравьи покинули его или спят пьяные. Вот только сердце билось натужно, кровь врывалась в голову горной речкой и с грохотом, словно утаскивала за собой валуны, стекала вниз. Я шатаясь побрел во двор, надеялся там почувствовать себя лучше.

Ночь опять была светлая, стареющая луна слепила как прожектор на стадионе. Я брел по пустынным улицам к противоположной окраине села. Там я не все еще дома обследовал, может в каком найду самогон. Самогонщики обычно живут на окраинах, подальше от начальства. Или гонят потому, что живут далеко от властей. Как бы там ни было, а я должен найти какое-нибудь пойло, и чем крепче, тем лучше. Иначе я здесь долго не протяну.

На звуки, доносившиеся из-за поворота дороги, я не сразу обратил внимание, думал, тарахтит внутри меня. Только когда тарахтение стало слишком уж громким, больно забило по барабанным перепонкам, я настороженно прислушался, а затем шастнул в ближайший двор, в глубь его, к сараю с распахнутой дверью. Я забежал в сарай, прижался к теплой стене, пахнувшей сеном и навозом.

По улице ехал бронетранспортер. Двигался медленно, точно боялся налететь на мину. Поравнявшись с двором, в котором я спрятался, бэтээр остановился. Сверху открылся люк, высунулась голова в шлеме. Она повернулась в сторону сарая, долго смотрела, словно решала, увидеть меня или нет, затем перевела взгляд на дальний конец улицы. Что-то она

там увидела, потому что исчезла в люке, и бронетранспортер злобно рывкнул и рванул вперед. Через несколько секунд я услышал стрельбу из пулемета. Били короткими очередями с продолжительными паузами, будто не просто охотились за кем-то, а еще и игрались с ним, заставляли побегать и понадеяться на спасение, уверенные, что добыча никуда от них не денется.

Главное, что не за мной охотятся. Но на будущее надо осторожней ходить по селу и лучше – огородами. А еще лучше – убраться отсюда. Черт с ним, что прическа короткая, скажу, что оболванился после облучения, чтобы лучше росли. Документы у меня есть – прорвемся как-нибудь.

Бронетранспортер возвращался назад. Он опять ехал медленно, но теперь я знал, что не мин боится, а ищет жертву. Броня его отсвечивала в лунном свете. На передке лежало что-то длинное, похожее на неумело скатанную палатку. Когда машина поравнялась с двором и остановилась, я разглядел, что на броне лежит человек. Он свернулся калачиком на правом боку, словно пришел покемарить чуток, но левая рука была неестественно вывернута назад, живой человек так держать ее даже во сне не сумеет. Когда бэтээр останавливался, тело качнулось вперед и назад, будто человек хотел во сне перевернуться на другой бок, но передумал. Качнулся и рюкзак, лежавший у головы человека, – отшатнулся и снова прислонился к голове, словно человек держал его зубами, чтобы не потерять в дороге. Рюкзак был странный, с белой широкой полосой, то ли ляжкой, то ли латкой. Бронетранспортер не сумел разглядеть меня в глубине сарая, покатил дальше. Когда он трогался, тело снова качнулось, будто человек хотел спрыгнуть и присоединиться ко мне, но не успел, а на ходу побоялся, и так и поехал дальше.

Я сел у распахнутых дверей сарая и из миллиардов звуков, наполняющих мои уши, пытался вычленить рокотание двигателя. Пора сматываться отсюда. Не хватало, чтобы и меня свинцом начинили. А не убьют, так с ума сойду. Если уже не сошел. Двигай отсюда, приказывал я сам себе, но от страха не мог даже пошевелиться.

А на небе светила надгрызенная справа луна. Была она желтая, будто свежевыкрашенная, без единого пятнышка. Говорят, что в пятнах на луне можно увидеть дом и собаку. Мне ни разу не удавалось, правда, и смотрел я на нее редко. А сейчас я видел в ней только желтый кружок, неумело вырезанный

из фольги, в которую заворачивают шоколад. В такую же фольгу, только серебристую, казались мне завернутыми деревья на полянке. Хорошее там было место, спокойное.

К луне подобралась темная тучка, подперла ее снизу. Нет, это луна присела отдохнуть на тучу. Что-то похожее я уже видел раньше. Вспомнил – шарик для настольного тенниса. Он прыгал по земле, подлетая все время на одинаковую высоту и один раз приземлился неподалеку от села, на том месте, где... Радостная мысль заставила меня вскочить на ноги.

Я уже совершил побег из одной зоны в другую, радиоактивно зараженную. Бежать из нее на волю рановато, могут повязать. Придется совершить побег из второй зоны в третью – место, где я чувствовал себя в безопасности.

Я вернулся в свой дом, зашел на кухню. Посередине ее валялся рюкзак с барахлом, хозяева бросили его здесь, а я не трогал, потому что он мне не мешал. Зато теперь он мне нужен. Я освободил его от женских тряпок, набил куревом и жратвой. Недели на три-четыре этого хватит, а к тому времени ни один легавый не опознает во мне сбежавшего зека.

Сначала я шел лесом, на дорогу выходить боялся. Запахи в нем были не такие противные, как в селе, но все равно дышать было трудно, постоянно забивало нос. А вот звуков здесь было больше и такие громкие, точно вокруг меня бродили стада слонов. Тут еще в теле моем опять ожили рыжие муравьи, заработали челюстями на зависть электромясорубкам. Идти становилось все труднее, словно муравьи пожирали не только мое мясо, но и силы. Вскоре я начал слепнуть, все чаще наткался на деревья, падал. Я решил плюнуть на бронетранспортер и вышел на дорогу. Она была пустой. А может и нет, я ведь ничего не видел дальше своего носа, но шум работающего двигателя сумел бы вычленивать из всех звуков, переполнивших мои уши.

Неуверенными шагами я брел по асфальту, часто оказывался на обочинах. Идти осталось всего-ничего, зона где-то рядом, я чувствовал исходящее от нее спокойствие и тепло. Еще чуть-чуть. Но ноги перестали слушаться меня, потому что под ними вдруг начал разжижаться асфальт. Ноги засасывало, как в трясину. Сначала по щиколотки, потом по колени, потом и вовсе исчезли в асфальте. Теперь по дороге двигалось безногое туловище, которое медленно погружалось в разжиженный асфальт. Вот и туловище пропало, двигалась одна голова, одуревшая от запахов и звуков. Вскоре асфальт

набился в рот, нос и уши, залепил глаза. И мне стало хорошо и легко: меня больше не мучали ни запахи, ни звуки, ни видения...

Очнулся от прикосновения ко лбу чего-то маленького, мокрого и холодного. Еще одно такое же упало на окаменевшие губы, затекло в уголок рта, освежило кончик языка. Затем множество капель пробрались тем же путем ко мне в рот. Вода. Свежая, родниковая. И вдруг я почувствовал на лице тепло солнечных лучей. И услышал голоса.

– Зря льешь, он уже сдох.

– А может, нет?

Я слышал эти голоса раньше, первый принадлежал сержанту, а второй – не знаю кому, звонкий, мальчишеский.

– Тебе говорят: кони двинул! Вечно споришь, салага!

– Я не спорю...

– Разговорчики! – оборвал сержант. – Ты где шлялся, почему я должен ждать тебя?

– За водой ходил. Тут за деревьями поляна большая, а на ней родничок бьет. Водичка там – закачаешься! – объяснил мальчишеский голос.

– Пей, пей, сынок, – радиации нахватаешься! – иронично посоветовал сержант.

– Не нахватаюсь. Вода там больно хорошая: попьешь – сразу таким бодрым становишься. И по то сторону от станции такой же родничок есть. Я всегда из них пью, когда мимо проезжаем. Выпьешь – словно на курорте побывал!

– Скоро будет тебе курорт. На кладбище, – мрачно пообещал сержант и вдруг рявкнул: – Да заглуши ты двигатель! Прямо по перепонкам бабахает!

Звук, который я сначала принимал за жужжание пчелы, исчез. Откуда-то издалека послышалось:

– Отойди подальше и не будет бабахать... Ну что, долго еще стоять будем?

– Черт его знает! Решают, куда эту падаль везти. В десантный отсек его погрузим? – спросил сержант.

– Ну, не хватало, чтобы машина мертвячиной провонялась! – ответил дальний голос, наверное, водителя бронетранспортера. – На передок киньте его и привяжите.

Оказывается, это они обо мне говорили, я и есть та самая падаль, которую не знают куда везти. Я почувствовал на своем теле чужие, грубые руки, поднявшие меня и бесцеремонно швырнувшие на броню. Я хотел крикнуть им, что живой, что

не падал, что тоже служил в армии, только на флоте. Но язык не шевелился. И боли при падении не почувствовал. Тело мое оказалось свернутым калачиком на правом боку, будто я прилег покемарить. Меня обвязали веревкой за поясицу и левую руку, вывернутую за спину.

Привязывал меня, наверное, молодой, потому что сержант спросил:

– У тебя выпить ничего нет?

– Нет, – ответил совсем рядом водитель.

– Не жмись, дай грамм сто. Я же видел, как ты из магазина целый ящик водки вытаскивал.

– Ну, когда это было?! Уже давно все выпили!

– Не ври!.. Ну, дай грамм сто, а то башка раскалывается, в ушах так звенит, будто около сирены сажу.

– В санчасть бы ходил.

– Ходил, – зло ответил сержант, – сказали, что доза облучения в пределах допустимой. У них ведь нормы разные: для начальства и офицеров – одна, для солдат – другая!

– Это точно, – согласился водитель. – Ну, ладно, залазь, плесну немного.

– Рюкзак не забудь погрузить, – приказал сержант, стуча подкованными сапогами по броне.

– А на кой он нам? – спросил мальчишеский голос. – Он же старый и ляпка одна самодельная, белая, а не зеленая.

– Поменьше разговаривай! – уже из машины посоветовал сержант.

Рядом с моей головой упало что-то тяжелое и шершавое. Когда бронетранспортер тронулся, это что-то, наверное, рюкзак, прижалось к моему лицу, придавило нос и рот. Я попробовал оттолкнуть его, потому что задыхался, но не смог...

Александр Чернобровкин

БЕЛБОГ

Рассказ

Туман был густ и бел, как сметана, и толстенным слоем покрывал озеро, которое схоронилось во впадине, окруженной темными, обрывистыми, скалистыми берегами, поросшими соснами, высокими и стройными, похожими на копыя многочисленной, но невидимой рати, охранявшей два каменных, безлесых острова, округлые вершины которых, светлая и темная, виднелась одна ближе к южному берегу, вторая – к северному, причем первая казалась клоком тумана, решившим подняться повыше. На восточном берегу, там, где из леса как бы вытекала тропинка, широкая и утоптанная, немного петляла по крутому склону и растворялась в тумане, примерно на половине ее пути и чуть в стороне, стоял шалаш, крытый сеном, небольшой – двое с трудом поместятся, – а перед ним догорал костерок, языки пламени едва возвышались над углями, словно боялись привлечь к себе внимание. У костра сидел, держа на коленях закопченный, медный котелок с ухой, перевозчик – мужчина малость за сорок с покрытым шрамами от ожогов лицом, безбородым, безусым и даже безбровым, сухопарый, но с распухшими суставами, одетый в заячью шапку, овчинный тулуп поверх холщовой рубахи, когда-то алой, а теперь бледно-розовой, и короткие, до колен, порты из небеленого холста. Из-под шрамов лицо казалось жутким, отталкивающим, зато глаза были молоды, цвета летнего погожего утреннего неба, и со светом, неярким, напоминающим первый, робкий луч восходящего солнца. Перевозчик уже выбрал почти всю юшку из котелка, приступил к вареной рыбе, окуням и красноперке, долго обсасывая кости и швыряя потом в

огонь. Иногда он оставлял ложку в котелке и шарил рукой по натянутому подолу рубахи, отыскивая хлеб, находил только крошки, темно-коричневые и колючие, слизывал их с пальцев, шершавых и как бы расплюснутых.

Топот копыт, звонкий и отчетливый, словно рассекающий воздух, послышался в ложбине между холмами, что подступали к озеру с востока. Перевозчик оторвался от еды, прислушался, наклонив чуть голову, будто у земли звуки слышались громче. Глянув в котелок и решив, что успеет доесть до приезда всадника, неторопливо выбрал ложкой окуневую голову, обсосал ее и дохлебал юшку. Он попытался встать рывком, однако ноги разогнулись с сухими щелчками, будто ломался валежник, а боль в пояснице заставила замереть в полусогнутом положении. Обождав немного, перевозчик потер рукой спину и колени, распрямился и, с трудом переставляя ноги, спустился к воде. Он долго скреб нутро котелка серой каменной крошкой, с удовольствием слушал скрежещущие звуки, пару раз прошелся и по закопченной внешней стороне, оставив на ней несколько тонких золотистых царапин. У воды топот слышался отчетливее, создавалось впечатление, что скачут совсем рядом, по краю обрыва, и из-за тумана она казалась мутной, но погруженный в нее на локоть котелок был виден отчетливо, даже царапины просматривались. Сполоснув, перевозчик наполнил котелок водой на две трети и понес к костру, бесшумно ступая босыми ногами по пятнам мха, чтобы не поскользнуться на влажных от росы камнях.

Всадник доскакал до шалаша, слышно было, как надсадно, часто всхрапывая, дышит конь и перебирает копытами, не в силах устоять на месте.

– Эй! – раздался хрипловатый мужской голос, затем прочистили горло и позвали звонче: – Перевозчик!

Судя по голосу, это должен был быть молодой мужчина, но когда перевозчик увидел его, то подумал, что такое лицо скорее бы подошло человеку средних лет, а то и преклонных: изможденное, с затравленными глазами, правая половина покрыта бурой коркой подсохшей крови, стекшей из большой, рваной раны на коротко стриженной голове. Подтеки крови были и на шее, и на червчатой рубахе, распаханной от ворота до подола, но сливались по цвету с материей и не сильно были заметны. Порты на всаднике были темно-зеленые, однако ни ремня, ни обуви, как и седла на чалой – гнедой с седой гривой и хвостом – кобыле, одна лишь уздечка.

– Перевозчик! – вновь позвал всадник, наклонившись на лошади, чтобы заглянуть в шалаш.

Там было пусто, лежали две волчьи шкуры, клочковатые, видимо, с весеннего, неперелинавшего зверя, да небольшой бочонок с медом и топор. Всадник с трудом выпрямился, закрыл рукой глаза, чтобы остановить головокружение.

– Чего кричишь? – спросил перевозчик, выступив из тумана.

Всадник испуганно вздрогнул, натянул повод и сильнее сдвинул лошадиные бока грязными пятками, размазал белесый подтек пены на том, что был к перевозчику. Кобыла подалась чуть назад и всхрапнула коротко и устало, выпустив из угла рта тягучую нитку слюны. Раненый спрыгнул на землю, поклонился в пояс, а разогнувшись, замер с закрытыми глазами и плотно сжатыми губами, пересиливая дурноту.

– Перевези, – открыв глаза, тихо попросил он, – только заплачивать нечем, – раненый выпустил повод, – лошадь не моя.

Кобыла жадно пошевелила ноздрями, косясь на человека черным глазом с покрасневшим белком, направилась к воде.

– В следующий раз заплатишь, – сказал перевозчик, проходя мимо него со склоненной головой. – Кобылу выводи, а то запалишь.

– Мне срочно надо!

– Успеешь, погони не слышно, – возразил перевозчик и поднял голову.

Раненый хотел еще что-то сказать, но увидев обожженное, безобразное лицо, запнулся, послушно пошел к лошади.

Перевозчик подкинул валежника в костер, зачерпнул в шалаше из бочонка полную ложку темно-коричневого, пахучего меда, развел в котелке, который повесил на огонь. Костер затрещал веселее, поднялся выше, недовольно шипя, когда в него падали холодные капли с днища котелка. Перевозчик сел на бревно, короткое и с прогибом в середине, будто продавленным человеческими ягодицами, протянул к пламени руки красными, словно расплюснутыми пальцами. Он, казалось, не замечал раненого, который водил чалую кобылу, звонко цокающую копытами по камням, вдоль берега, стараясь держаться на одинаковом расстоянии от края леса и от кромки тумана, словно с обеих сторон ему грозила опасность.

Между холмами опять послышался стук копыт. На этот раз скакал целый отряд, отдельные звуки сливались в один, протяжный и тяжелый, распадался на несколько менее гроз-

ных, снова сливались. Раненый, придерживая у горла разорванные края рубахи, загнанно посмотрел на перевозчика. Тот недовольно поморщился, помешал ложкой воду в котелке, снял с огня и одним духом выпил половину.

– На, подкрепись, – предложил раненому.

Раненый сглотнул слюну, но отрицательно махнул рукой.

– Скоро здесь будут, – тихо произнес он.

Перевозчик ухмыльнулся и в два захода допил воду с медом. Он бережно встал, стрельнув коленными суставами, снял и кинул в шалаш тулуп.

– Пойдем, – позвал он, направляясь к воде.

Узкая лодка-долбленка, шаткая и неповоротливая, могла поднять от силы двух человек, низкие борта всего на ладонь возвышались над водой, которая время от времени преодолевала это препятствие и стекала на дно, покрытое ярко-зелеными водорослями, короткими, мягкими и скользкими, напоминающими плесень. Раненый сидел в носу лодки, лицом к перевозчику, и, погруженный в нерадостные думы, нехотя черпал воду деревянным ковшиком, стараясь не содрать водоросли, и выплескивал за борт. Иногда он замирал и плотнее сжимал губы, сдерживая тошноту, и на левой щеке, покрытой подсохшей кровью, начинала дергаться жилка. Раненый гладил ее мокрыми пальцами, и три розовые капли стекали на шею. Розовыми становились и подушечки пальцев, раненый пополоскал их за бортом.

– Теплая, – тихо произнес он.

– Умылся бы, – посоветовал перевозчик, загребая веслом по очереди с левого и правого борта.

Раненый, наверное, не услышал его, скребнул ковшиком по дну лодки, зачерпнул воды всего-ничего, выплеснул, скребнул по-новой, а полный тревоги взгляд был направлен на восточный берег, откуда все громче доносился стук копыт, который над водой казался резче, отчетливей, более грозным и гнетущим. Что он мог там увидеть – в таком-то тумане, когда дальше руки с трудом что-нибудь разглядишь – это было ведомо одному лишь ему.

Перевозчик положил весло поперек лодки на борта, опустил руки в воду, поворочал туда-сюда, гмыкнул недовольно, сделал несколько гребков слева, меняя курс вправо. Еще несколько гребков – и лодка гулко врезалась носом в каменный берег острова, светлый, точно образованный из отвердевшего тумана.

Раненый выронил ковшик на дно лодки, вскочил, раскачав ее и чуть не перевернув, выпрыгнул на берег. Ноги его соскользнули, раненый упал на левое колено.

– Не спеши, здесь тебя никто не тронет, – сказал перевозчик.

Раненый встал, сделал пару шагов. Верхняя часть его тела скрылась в тумане, еле угадывалась, и голос, казалось, прозвучал из другого мира:

– Спасибо, век не забуду!

– Еще и как забудешь, – пробурчал под нос перевозчик.

Он проплыл вдоль острова, остановился там, где к воде спускались вырубленные в скале ступеньки. Положив весло на борта, послушал стук копыт, доносившийся с восточного берега, определил, что еще не скоро доскачат до шалаша, перенес внимание на звуки, доносящиеся с острова. Они были отчетливы и громки, словно все происходило в двух шагах от перевозчика.

Раненый вышел на овальную площадку, защищенную с трех сторон отвесными скалами, в каждой из которых темнело по входу в пещеру. Два ближние были завешаны темно-коричневыми бычьими шкурами, а в дальней пещере можно было различить горящие угли в горне. Посреди площадки стоял вытесанный из светлого камня Белбог – высотой в косую сажень, с суровым лицом, облепленным мухами, и вытянутой вперед и вниз правой рукой, в которой лежал темно-красный железный брусок. Раненый остановился перед Белбогом, посмотрел в его нахмуренные глаза, не знающие жалости и сомнений.

Из средней пещеры бесшумно вышел старик с длинными седыми волосами, заплетенными на висках в тоненькие косички, по три на каждом, в белой рубахе до пят, холщовой, без прикрас, но подпоясанной широким ремнем с серебряным набором.

– Чего хочешь, – властно спросил он раненого, – испытания или защиты?

Раненый поклонился в землю, пошатнулся, чуть не упав, и еле вымолвил:

– Навет снять.

– Клейма позора не боишься? Подумай хорошо.

– Не боюсь.

Старик кивнул головой, будто ответ был именно тот, который хотел услышать, и показал рукой на вход в третью пещеру.

В горне среди алых углей лежали три продолговатых железных бруска, беловато-красных, вот-вот потекут. Кудесник взял клещами ближний, провел над язычками пламени, то ли нагревая сильнее, то ли очищая, поднес к руке раненого. Крепко сжатые пальцы напряглись, малость согнулись, а ладонь стала того же цвета, что и брусок. Кудесник разжал клещи – ладонь подалась вверх, потому что груз оказался легче, чем предполагалось. Железо как бы присосалось к руке, стало частью ее, быстро темнеющим наростом.

– Отнеси Белбогу, – приказал старик.

Пройти надо было двенадцать шагов. Раненый преодолел это расстояние, не спеша, осторожно переставляя ноги, чтобы не споткнуться, ведь все время смотрел на Белбога. Железо в его руке темнело, четче выделяясь на ладони, напоминая теперь кровавый нарыв. Раненый остановился перед Белбогом, переложил в его ладонь брусок, привстал на мысочки и поднес к его глазам свою руку, чистую, не заклеявленную позором, а затем развернулся и показал ее кудеснику.

– Чист перед богом и людьми, – подтвердил старик и показал на первую пещеру: – Иди туда, сейчас тебя накормят и промоют рану.

– Мне надо домой, — отклонил раненый.

Такой ты не доберешься, свалишься по дороге, а мертвый всегда виновен, – и кудесник чуть громче добавил: – да и плыть не на чем, перевозчик не скоро вернется.

Услышав эти слова, перевозчик оттолкнулся рукой от берега и поплыл на восток, где его уже ждали.

– Здесь он! – послышался злобный мужской голос. – Вон чалая кобыла бирюка – руки-ноги ему б пообламывать, чтоб не помогал гаденышам!

– На остров поплыл, – произнес другой мужчина, судя по голосу, старше и степенней, – подождем, как Белбог с ним решит.

– Нечего ждать! Виновен, смерть ему! – крикнул третий, молодой, наверное, ровесник раненого. – Перевозчик, где ты там?!

– Сейчас буду, – отозвался перевозчик, подгребая к берегу.

– Пльвем на остров, – произнес первый мужчина.

– Мы здесь подождем, – сказал второй.

– Струсил?! – крикнул третий.

– Язык придержи, шенок! Нам бояться нечего, но и судить не дано. Как Белбог решит, так и будет, – ответил второй.

К воде спустились двое, видимо, братья, уж больно похожи: жилистые, рыжебородые, со вздернутыми носами на конопатых лицах, одетые в темно-коричневые кафтаны, куньи высокие шапки и юфтевые сапоги, один лет тридцати четырех, подслеповато щуривший глаза и вооруженный коротким мечом, второй лет на двенадцать-четырнадцать моложе и с кистенем в левой руке.

– Оружие оставьте, – произнес перевозчик.

– Не указывай! – рыкнул на него старший из братьев и, чуть не перевернув лодку, сел посередине ее.

Младший устроился на носу, спиной к перевозчику, и наготовил кистень, будто уже добрались до цели, сейчас надо будет быстро выпрыгнуть и ударить врага. Тяжелая восьмиконечная звездочка, свисающая на цепи с рукоятки кистеня, занырнула наполовину в воду, напоминая блесну.

– Гребите быстрее! – прикрикнул младший. Перевозчик поплыл к центру озера, загребая поочередно с левого и правого бортов. Плыли молча. Старший подвигал ногами, пытаясь пристроить их так, чтобы сапоги не мочила вода, плескающаяся на дне лодки. Пристроил-таки, но сидеть стало неудобно, да и воды становилось все больше, потому что легко переплескивалась через борта, возвышающиеся над ней всего на пару пальцев. Тогда он поскреб носками ярко-зеленую поросль водорослей, будто от них и шло самое неудобство, поставил на очищенные места подошвы и взял ковшик, намереваясь вычерпать воду. Зачерпнув пару раз, понял, что мороки будет много, а сапоги и так уже мокрые, отшвырнул ковшик, рассерженно поглядел на перевозчика. Тот опустил руку за борт, повертел туда-сюда, пробуя воду. Попробовал и старший из братьев.

– Ух, холоднучая! – удивленно произнес он и вытер руку о полу темно-коричневого кафтана.

Перевозчик сделал несколько гребков с правого борта, отложил весло, вглядываясь в туман впереди. Вода с тихим плескотом билась о борта, стараясь перепрыгнуть через них. Порой ей удавалось это, особенно, когда кто-нибудь из братьев шевелился.

– Чего не гребешь?! – сердито крикнул младший, обернувшись и пытаясь разглядеть в тумане перевозчика.

– Приплыли.

Лодка носом ткнулась в мокрый камень, темным пнем выпирающий из воды.

Младший брат перебрался на него, помог развернуть лодку, чтобы старшему было удобней вылезти. И впервые увидел лицо перевозчика – лицо идола, неумело вырубленное из светло-коричневого дерева и словно облепленное коричневыми червячками, безбровое и безбородое. Рука перевозчика дотронулась до звездочки кистеня, повертела, попробовала на вес. Младший брат выпрямился и как бы вырвал свое оружие из чужих рук. Вслед за старшим он переступил на другой камень, пошире и повыше, с него – на темный скалистый берег – и слился с ним, не разглядишь в тумане.

– Эй, перевозчик, куда тут идти? – послышался голос старшего.

– Прямо по тропинке.

– Попробуй найди ее!

– Вот она, – нашел младший.

Перевозчик взял ковшик, начал вычерпывать воду. Выливал за борт как можно тише, чтобы не пропустить ни звука из происходящего на острове.

– Ох! – воскликнул вдруг младший брат.

– Чего?

– Думал, человек, а это камень!

– Меньше думай, сначала бей.

Братья замолчали, затихли и звуки их шагов.

– Чего опять?

– Тропинка раздваивается, видишь? – сообщил младший.

– Ну-ка... Ага, точно. И кости какие-то валяются.

– Череп. Человеческий.

– Ага... Ну, ты иди туда, а я в эту сторону. Как увидишь его, сразу звука меня зови.

– Сам справлюсь! – хвастливо сказал младший брат. Голоса опять стихли, не слышно было и шагов наверное, дальше тропинка была покрыта мхом. Через какое-то время тишину вспорол короткий, свистящий звук, затем что-то твердое ударило по мягкому – и кто-то зарычал от боли. Еще удар – и закричал младший из братьев, отчаянно и жалобно: – Бра-ат!..

Послышался то ли стон сквозь зубы, то ли рычание наполненным ртом, то ли хрипение; звякнул меч, упавший на камни.

Перевозчик подождал немного, затем перебрался на камень-пенек, положил на него весло, придавив им конец веревки, привязанной к носу лодки, и бесшумно пошел в глубь темного острова, осторожно ступая по влажным камням.

Вернулся он с двумя парами юфтевых сапог, двумя соболиными шапками и темно-коричневыми кафтанами, испачканными кровью, кистенем и мечом в ножнах. Замыв кровь на одной из шапок и кафтане, прорезанном на груди, положил добычу на дно лодки в носу, оттолкнулся веслом от камня-пня и поплыл на юг.

Александр Чернобровкин

ЯРЫГА

Рассказ

1

Дождь давно закончился, однако с крыши стояльной избы еще падали тяжелые капли, глухо разбиваясь о землю и со звоном – о воду в бочке со ржавыми обручами, что стояла рядом с крыльцом, раздолбанным и почерневшим от времени, лишь вторая снизу ступенька была не стертой и светлой, желтовато-белой, словно вобрала в себя чуток холодного пламени, которым с новой силой, омывшись, горели листья кленов, растущих во дворе кабака, а воздух был настолько пропитан влагой, что, казалось, не пропускал ни сероватый, жидкий свет заходящего солнца, как бы залепленного комковатыми тучами, ни ветер, слабый и дующий непонятно откуда, ни редкие звуки, робкие, еле слышные, изредка нарушавшие покой вымершей улицы, отчего создавалось впечатление, что они чужие здесь и старые, утренние или даже вчерашние, ожившие под дождевыми каплями, но так и не набравшие былой силы. Дверь избы, набухшая и потяжелевшая, взвизгнула негромко и коротко, будто поросенок под колесом телеги, вмявшим его рыло в жирную грязь, и наполовину открылась от толчка изнутри. В просвет с трудом протиснулся боком толстый целовальник с лоснящимся лицом, обрамленным растрепанной, круглой бородой. Он тащил, держа под руки, пьянющего мужичонку с разбитыми губами, невысокого и хилого, одетого в старые порты, латанные-перелатанные и явно чужие – постоянно сползающие, и желтую рубаху, разорванную до пупа и покрытую пятнами жира, вина и крови, а на

впалой, безволосой груди ерзал на грязном, почерневшем, льняном гайтане медный крестик, почти не заметный на загорелой коже, вялой и дряблой. Следом за ними на крыльцо вышел холоп, помятый и с осоловелыми, рачьими глазами, словно только что свалился с печи и никак не может понять, зачем это сделал, надо было дрыхнуть и дальше. Целовальник блынул на него такими же выпученными, но от натуги глазами, промычал что-то маловразумительное. Однако холоп понял и привычным жестом поднял ноги пьянящего мужичонки, босые и грязные, с оттопыренными вбок большими пальцами, перехватил повыше, чтобы оторвать от досок тощий зад, почти полностью оголенный сползшими портами. Малость запоздав, холоп качнул тело мужичонки не в такт с целовальником, зато сильнее и отпустил раньше, поэтому пьяный, полетев сначала головой вперед и спиной книзу, перевернулся в воздухе и шмякнулся в грязь лицом, ногами к воротам, не издав при этом ни звука и не пошевелившись, точно мертвый. Целовальник недовольно покачал головой – как ты мне надоел! – плюнул в пьяного, попав в новую ступеньку крыльца, вытер с лоснящегося лица капли пота. Стараясь сохранить степенное выражение, он с трудом протиснулся в просвет приоткрытой двери, причем живот как бы заупрямился, решил остаться на свежем воздухе и надулся пузырьком, а затем, точно лопнув, опал и проскочил внутрь избы. Холоп лениво помигал, словно соглашался с невысказанной вслух мыслью хозяина, зябко передернул плечами и шустро юркнул в дом. Рачьи глаза выглянули в просвет, убедились, что пьяный не шевелится, очухается не скоро, и исчезли, точно задвинутые захлопнувшейся дверью. Пьяный всхрапнул надрывно, будто обрадовался, что избавился от надоедливой опеки, и перевернулся на спину после пары робких и неудачных попыток, которые, видимо, нужны были для того, чтобы отлепиться от грязи. Из-за раскинутых в стороны рук и распахнутого, окровавленного рта, казалось, что мужичок распят за грехи свои и не имеет права жаловаться на боль и просить о помиловании, а грязь, выпачкавшая лицо, Делала его более скорбным, зато жиденькую бороденку и усы – густыми, под стать степенному человеку. Кончиком языка, покрытого толстым слоем желтоватого налета, пьяный облизал разбитые губы, столкнул с нижней комок грязи. На это, наверное, ушли последние силы, потому что больше не шевелился и, казалось, не дышал. Морось быстро припорошила его мелкими холод-

ными каплями, скопившись лужицами в глазницах, таких глубоких, точно в них не было глаз, а веки прикрывали заживающие раны.

В воротах появились два стрелыца примерно одного возраста – чуть за тридцать, одинакового сложения и похоже одетые – в черные кафтаны, порты и яловые сапоги; левую руку оба держали на рукоятках сабель, а правой похожими жестами вытирали капли дождя с лица; и лица их казались похожими, хотя один был светло-русый и голубоглазым, а другой – темно-русый и сероглазым; у первого борода была округлой и средней длины, а у второго – длинная и лопатой. По промокшей до нитки одежде нетрудно было догадаться, что ходят давно и все бестолку, но люди подневольные, роптать не привыкли – отшагают, сколько потребуется, и приказ выполнят.

Обойдя с двух сторон лужу, что собралась посреди кабацкого двора, они остановились перед пьяным, одновременно вытерли похожими жестами капли с лица, посмотрели на мужичонку недоверчивыми взглядами, словно сомневались, тот ли это или нет, и если тот, то жив ли? Светло-русый стрелец чихнул тоненько, визгливо, как девчонка, и произнес, потирая нос и поэтому немного гундося:

– Я же говорил, с этого конца надо было начинать, зря только полдня грязь месили.

Темно-русый кашлянул басовито, будто признавал свою неправоту, и произнес не то чтобы удивленно, а, скорее, с трудом соглашаясь, что и такое возможно:

– Другой бы давно загнулся, а этого никакая зараза не берет!

Светло-русый опять чихнул, теперь поглубже, как и положено мужчине, вытер нос и спросил нормальным голосом, правда, с нотками сомнения:

– Потащим? Или купанем?

Темно-русый оглядел мужичонку наметанным взглядом и ответил уверенно, точно всю жизнь тем и занимался, что пьяных таскал:

– Тяжел больно. Протрезвлять будем.

Стрелыца постояли молча, успев по два раза стереть дождевые капли с лица, а когда голубоглазый вновь чихнул и вытер нос, оба наклонились к пьяному, подхватили под руки и подтащили к бочке с водой. Не обменявшись ни словом, но и не сделав ни единого лишнего движения, окунули пьяного

головой в бочку. Вода плеснула через край, залив стрельцам сапоги, и так мокрые, поэтому оба не обратили на это внимания, продолжали смотреть на жидкие волосы пьяного, словно ожившие, копьями нацелившиеся кверху. Копья замотались из стороны в сторону, точно пытались проколоть пузырьки воздуха, что устремились изо рта мужичонки, который задергался, заколотил босыми, грязными ногами по клепкам. Стрельцы покивали головами, точно соглашались, что обручи на бочке крепкие – просто так не сломаешь, рывком вытащили пьяного из воды и, решив, что сделали слишком много, отпустили его, позволив плюхнуться мордой в лужу, что натекла из бочки.

Пьяный шустро вскочил на четвереньки и, трясясь и держась, выблевал все, что было у него в желудке, а потом зашелся в кашле, тяжелом и, казалось, бесконечном. В наступившей как-то вдруг темноте напоминал он издали крупную большую собаку, которая, пошатываясь на подогнутых лапах, облаивает простужено бочку и стрельцов. Наконец-то затихнув, он с трудом оторвал от земли правую руку с посиневшими от холода, грязными пальцами, провел ею по лицу, медленно и осторожно, словно проверял, на месте ли оно, убедился, что на месте и почти не разбито, сдавил щеки и рот, собрав в пучок жидкую бороденку, будто выжимал из нее воду.

Едва его рука вновь коснулась земли, как стрельцы подхватили мужичонку и макнули в бочку, на этот раз ненадолго, до первого пузырька. Отпустив пьяного, они одновременно отшагнули от бочки, вытерли руки о полы кафтанов и замерли с отсутствующими взглядами, точно давно уже стояли здесь, переговорили обо всем на свете и теперь дожидаются смены, которая придет не скоро.

Пьяный обхватил бочку руками и медленно опустился на колени, прижавшись щекой к ржавому обручу. Он покашлял малость, брызгая слюной и каплями воды из легких и постукивая головой по клепкам и обручу. Сжав нос грязными пальцами, высморкался, вытер их о порты, пробурчал без злости и обиды:

– Ироды... креста на вас нет...

– Ан врешь, есть! – весело ответил светло-русый стрелец.

– А ты как это до сих пор свой-то не пропил?! – наигранно удивился темно-русый и протер глаза, словно никак не мог поверить, что крест не пропит. – Помочь? – спросил он, заме-

тив, что мужичонка схватился за верхний край бочки и пытается встать.

Пьяный ничего не ответил, поднатужился и поднялся на широко расставленные ноги, чуть согнутые в коленях, подтянул одной рукой сползшие порты, а другой попробовал запахнуть разорванную до пупа рубаху, но не смог и оставил ее в покое.

– Пойдем, воевода кличет, – сказал светло-русый.

– Он еще испить хочет, водица понравилась! – пошутил его напарник.

– Ироды... – повторил мужичонка, отпустил верхний край бочки, пошатался малость на нетвердых ногах и пошел со двора прямо по луже. Стрельцы, пристроившиеся к нему с боков, чтобы не сбежал, тоже должны были шагать по луже, а потом месить грязь, потому что выбирал дорогу как можно хуже, а стоило им отойти, сразу останавливался и бурчал: – Воевода кличет... погулять не дадут...

2

В гриднице, освещенной дюжиной свечей в четырех тройных подсвечниках на высоких подставках черного дерева, было жарко натоплено, однако князь – шестидесятичетырехлетний старик с худым скуластым лицом, седыми бровями, такими кустистыми, длинными, что, казалось, достают до расшитой золотом и жемчугом тафьи, прикрывающей макушку наголо бритой головы, и черными, наверное, крашеными усами и бородой – зябко кутался в горностаевую хребтовую шубу и с недоумением и завистью смотрел на подрагивающего то ли от холода, то ли с похмелья, мокрого и босого человека, стоявшего перед ним с понурой головой.

– Это и есть твой хваленый ярыга? – спросил князь воеводу, сидевшего по правую руку от него.

Воевода – рослый широкоплечий мужчина лет пятидесяти пяти, огненно-рыжий, с двумя сабельными шрамами на веснушчатом лице и окладистой бородой, раздвоенной посередине, – ответил:

– Он самый. Выглядит, конечно, не очень, не того... – повертел он в воздухе конопатой рукой с растопыренными пальцами, – ...однако дело знает, а хватка – сдохнет, но не выпустит.

– Ну-ну, – недоверчиво буркнул князь.

– Больше все равно никого нет, – молвил стоявший по левую руку от него казначей – ровесник князя и такой же худослицый, правда, с седой бородой и одетый бедненько, не по знатности.

Князь тяжело вздохнул, плотнее закутался в шубу и кивнул казначею, чтобы говорил за него.

– Зачем звали – догадываешься? – спросил казначей, приблизившись, прихрамывая на левую ногу, к ярыге и став боком, чтобы видеть и князя.

Ярыга промолчал. За него ответил воевода:

– Откуда ему знать?! Посылал я его... – воевода гмыкнул, прочищая горло, – ...по одному делу...

По какому – так и не смог придумать сразу, поэтому еще раз гмыкнул.

– А звали тебя вот зачем, – казначей оглядел гридницу, будто проверял, не подслушивает ли кто-нибудь, хотя тайну эту знали все, кроме ярыги. – Княжич захворал. Десятый день как слег и не встает, чахнет на глазах. Знахарь вылечить не смог, говорит, порчу наслали. Каждый день в церкви по две службы служат, святой водой кропили – не помогает. Видать, сильное заклятие наложили, чертово семя! Найди, чья это работа...

– ...а дальше мы сами! – перебив, грозно пообещал воевода и так стукнул кулаками по лавке рядом с собой, что она жалобно скрипнула. – Я ему, вражине!..

– Справишься – не пожалеешь, одарим по-княжески, – закончил казначей и глянул на князя: все ли правильно сказал?

Князь словно бы не замечал его, смотрел на ярыгу с такой тоской в глазах, будто сам был при смерти.

– Один остался он у меня, последыш, – произнес он.

В его словах было столько печали, что ярыга поднял голову, посмотрел на князя прищуренными, зеленовато-желтыми глазами. Вглядывался долго, пытливо, проверял, действительно ли так дорог сын отцу, а когда убедился в этом, в глазах блеснули золотистые искорки, и он пообещал хриплым, пропитым голосом:

– Найду.

– Раз пообещал, сделает! – заулыбавшись, подтвердил воевода.

– Чем быстрее, тем лучше, – напомнил казначей.

– Быстрее никто не справится! – с обидой, точно сомневались в нем самом, произнес воевода. – Нужна будет подмога,

все стрельцы – твои, я предупрежу, – сказал он ярыге. – Ну, иди, не теряй зря время.

– Подожди. – Князь повернулся к ключнику. – Накорми. Одень. И денег дай.

– Денег не надо, – вмешался воевода. – Потом, когда дело сделает, все сразу и получит.

– Тебе виднее, – не стал спорить князь.

Ярыга вслед за хромым казначеем вышел из княжеского терема, поднялся в клеть, где хранилась одежда. При свете свечи, толстой и наполовину оплывшей, казначей пересчитал сундуки, проверил замки на двух, видать, с самым ценным добром, остановился перед самым большим, без замка, с трудом поднял дубовую крышку, окованную железом. Из сундука пахнуло прелью и чем-то сладковато-кислым, напоминающим запах крови. Казначей подозрительно покосился на ярыгу, который с безучастным видом смотрел на паутину в дальнем верхнем углу клетки, достал из сундука кожу водяной мыши, лежавшую сверху от моли и затхлости, принялся рыться в нем, бормоча что-то себе под нос. После долгих поисков вытащил шапку с собольей опушкой, в которой белело несколько залысин, и ферязь, не старую и не новую, на меху серой лисицы.

Ярыга безропотно натянул на голову шапку, оказавшуюся маловатой, надел ферязь, слишком длинную, собравшуюся складками на полу, и со старательно зашитой прорехой на животе. Ярыга продел руки в прорези рукавов, длинных, до пола, приподнял ферязь спереди на пядь выше, убедился, что теперь прореха находится как раз напротив сердца, сокрушенно покачал головой и улыбнулся, радуясь, что не он был в этой одежде, когда ее подпортили. К ногам его упали сапоги, почти не ношенные, однако ярыга оттолкнул их не меряя.

– Велики.

– Сена подложишь, – посоветовал казначей, собираясь закрыть сундук.

Ярыга будто не слышал совета, пялился на паутину. Казначей недовольно посопел, забрал сапоги, помял их, недоуменно кривясь: хороши, чего б от такого добра нос воротить?! Посмотрел на свои, старые и стоптанные, особенно правый, решая, не сменяться ли. Понял, что и ему будут велики, кинул их в сундук, порылся в нем еще чуть, достал другие, черные, новые, и швырнул их ярыге со злостью, будто свои отдавал.

Эти пришлись впору. Ярыга топнул одной ногой, потом другой, проверяя, хороши ли, не развалятся ли на ходу. Не дожидаясь казначея, он вышел из клетки, высморкался, сжав нос пальцами, и собрался вытереть их о полу ферязи, но пожалел, помял порты на бедре.

Казначей долго возился с замком клетки, потом стучал по нему, проверяя, надежно ли держит. Хромая сильнее, чем раньше, повел ярыгу к поварне, рядом с которой стояла небольшая избушка для кого-то из избранной прислуги, может быть, казначеева.

В поварне возле кадки с квашней возилась спиной к двери полноватая девица, одетая просто, если не считать серег из сканого серебра, однако в плавных ее движениях было столько важности, что ее можно было принять за боярыню. Ярыга стянул с головы шапку, поклонился. Девица обернулась, посмотрела на казначея, как на пустое место, и с интересом, потому что раньше не встречала, – на ярыгу. Лет ей было немного за тридцать, лицо строго и надменно, уже начало терять былую красоту, но еще притягивало взор и казалось чужим здесь, в поварне, место ему было – в светелке.

Ключник осторожно, точно боялся, что боднут, и с игривостью, плохо вязавшейся с его возрастом, бочком подковылял к поварихе, протянул руку, намереваясь пошлепать ее по заду, но так и не осмелился.

– Трудисься все, лебедушка? Совсем не жалеешь себя!

– Чего пришел? – оборвала его повариха.

– Накормить надо, – казначей кивнул на ярыгу, – по спешному делу отправляется.

– По какому ж это? – она недоверчиво посмотрела на ярыгу, совершенно не похожего на человека, которому можно доверить что-нибудь серьезное.

– Да так, кое что по мелочи, – ответил казначей и все-таки осмелился дотронуться до ее крутого зада.

И тут же получил по руке. Мог бы и по морде схлопотать, да успел отскочить. Повариха сходила в холодные сени, принесла оттуда оловянное блюдо с кусками холодного жареного мяса, продолговатый пряженный пирог с рыбой и миску похмеля – ломтики холодной баранины, смешанные с мелко искрошенными огурцами, огуречным рассолом, уксусом и перцем.

Казначей вороном кружился около нее, то приближаясь, то удаляясь, похваливал за красоту, хозяйственность, но так и

не решился больше шлепнуть и не удосужился ни слова, ни взгляда. Ярыга понаблюдал за ними, а потом перевел взгляд в дальний, темный угол поварни, где на расстеленном на лавке, большом, овчинном тулупе спал мальчик лет двенадцати. Нагулялся, набегался за день, видимо, от души, поужинал, присел на лавку, поджидая мать – тут и сморило его. Мать стянула с его ног сапожки, ладные, сафьяновые, шитые золотом по червчатому полю, таких бы не погнушались дети боярина. Статью мальчик пошел в повариху, а лицом, наверное, в отца: больно худым оно было, и казалось знакомым, будто недавно где-то встречал. Ярыга перевел взгляд на девичью косу поварихи, почесал свой затылок.

– Иди ешь, – позвала она, поставив рядом с блюдом и миской солонку и положив каравай хлеба, уже початый. – Больше ничего не осталось, раньше надо было приходиться.

– И на том спасибо, – сказал ярыга, садясь за стол.

Он жадно выхлебал похмелье, съел небольшой кусок пирога. Попробовал и жареное мясо: долго и скучно жевал кусок, больше интересуясь не вкусом его, а тем, как казначей вертится, нахваливая, возле поварихи. Она словно бы не замечала его, занималась своими делами, и лишь когда приближался слишком близко, отгоняла взмахом руки, коротким и не быстрым, как назойливую муху, безвредную, но шибко надоевшую. Дожевав кусок, ярыга вытер руки о скатерть, сыто отрыгнул. Звук был такой громкий, что повариха вздрогнула, а казначей вжал голову в плечи, будто сверху на него посыпалось что-то тяжелое. Ярыга отрыгнул еще раз, намного тише, и, не обращая внимания на суровый взгляд поварихи, засунул в карманы ферязи несколько кусков мяса и остатки пирога.

– Накормила, спасибо тебе, – сказал он, встав из-за стола, – а за похмелье – особо!

– Не за что, – у уголков глаз поварихи появились «смешливые» морщинки.

– Пойду я, – сказал ярыга и вышел из поварни, не дожидаясь казначея.

На крыльце он высморкался, зажав нос пальцами и вытер их о полу ферязи.

3

Серый, холодный свет утренних сумерек робко проникал в церквушку через узкое слюдяное оконце, бесшумно боролся

с темнотой, пропахшей ладаном и гниющим деревом, пытался отогнать ее в углы. Точно наблюдая за этой борьбой, притихли мыши, не скреблись и не пищали, дея застывшие на полу капли сальных свечей. А может быть, боялись человека, который, стоя на коленях и уперевшись лбом в пол, замер перед иконостасом, тусклым, будто покрытым плесенью. Казалось, и ярыга должен вот-вот заплесневеть: так долго стоит не шевелясь.

Из ризницы вышел священник – высохший старик с седой бородашкой, трясушимися руками и слабой, шаркающей походкой, – облаченный для службы и с лучиной в руке. При ее неярком свете увидел он ярыгу, не удивился и не испугался, лишь головой покачал: так я и думал. Медленно, будто сомневался, правильно ли делает, не забыл ли, он перекрестил ярыгу, затем себя и произнес дребезжащим, немощным голосом:

– Опять ты. – Он зажег свечу перед иконостасом, задул лучину. – А я ночью слышу – спать плохо стал, забудусь на чуток и сразу очнусь, – ходит, вроде, кто-то. Пусть, думаю, ходит, брать у нас все равно нечего, а если и найдет что, значит, ему нужнее.

– А грех святотатства?

– Бог простит, он – не люди... Много нагрешил?

– Да. И делами, и помыслами: гордыня обуюет.

– Каешься?

– Да.

– Ну и иди с Богом. – Батюшка перекрестил его еще раз.

Ярыга с трудом разогнулся, поймал его руку, сухую и морщинистую, поцеловал разбитыми, потресканными губами, а затем припал к ней лбом, холодным от долгого лежания на полу.

– Все были бы такими, как ты... – глядя поверх головы ярыги, произнес священник. – Бога вспоминают, когда совсем беда. То ли было раньше!.. Ну, иди, иди, сейчас народ на заутреню начнет собираться.

Ярыга встал, переступил с ноги на ногу, разминаясь. Лицо напряглось, потеряв мягкость, раскаяние, а на кончике носа заблестела зеленоватая капля. Ярыга вытер ее тыльной стороной ладони, а ладонь – о полу ферязи. Выйдя из церкви, перекрестился и нахлобучил на голову шапку, которую достал из кармана ферязи, а из другого – пирог и куски жареного мяса и, присев на паперти, стал жадно есть. Жевал торопливо, будто

боялся, что сейчас отберут, и не чувствуя вкуса, потому что напряженно думал о чем-то.

В ближнем к церкви дворе замычала корова, напомнила, что пора доить. Дворов через пять дальше хлопнули ворота, и топот копыт прокатился по улице к окраине посада, сопровождаемый собачьим лаем. Взбrehнула собака и в ближнем дворе, но без особой злости. Лаяла она на нищего – слепого старика в лохмотьях, простоволосого, с соломинками в седых кудрях и бороде, босоногого. Он остановился у паперти и произнес, не поворачивая головы к ярыге:

– Хлеб да соль.

Ярыга какое-то время жевал молча, думая о чем-то, затем подвинулся немного и ответил:

– Ем, да свой. Садись и ты поешь.

Он взял слепого за руку, помог сесть рядом с собой, отдал ему остатки пирога и большую часть мяса. Нищий жевал еще быстрее, и получилось так, что закончили трапезу одновременно. Ярыга громко отрыгнул, поковырялся ногтем в зубах.

– Хорошо, да мало, – сказал он хриплым, пропитым голосом.

– Птичка по зернышку клюет... – нищий не закончил, потому что обнаружил у себя на коленях несколько крошек и бросил их в рот.

– Много в городе колдунов?

– В городе ни одного не осталось, позапрошлым летом всех вывели, когда мор был, а на посаде парочка имеется.

– Кто?

– На безбородого скорняка люди указывают и на вдову хамовника, горбунью. Может, и наговаривают, но давненько обоих в церкви не видали.

– Где они живут?

– Скорняк налево по улице, на той же стороне, что и церковь, почти у окраины. Сразу найдешь: тихо у него в доме и шукурами гнилыми воняет.

– А горбунья?

– Эта на противоположной окраине. На деревьях у нее во дворе воронья сидит – туча несметная. Всех прохожих обкаркивают, заместо собак у нее. И гарью воняет: палили ее в начале лета за то, что засуху наслала. Подперли дверь колом и пустили на крышу красного петуха. Солома только занялась, как вдруг среди ясного неба загромыхало и полило, вмиг всех

до нитки вымочило и огонь потушило. Больше не жгли, до следующей засухи берегут.

– Схожу проведаю – сказал ярыга, вставая.

– Не ходил бы, – посоветовал слепой.

– Дело у меня к ним есть.

– Да хранит тебя господь, добрый человек! – пожелал нищий.

– На бога надейся да сам не плошай! – Ярыга снял с головы шапку, сунул ее слепому. – Будет во что милостыню собирать.

– Не след тебе простоволоситься!

– Не впервой! Зато ломать ее ни перед кем не надо! – произнес ярыга и пошел налево по улице бодрым, боевитым шагом. Полы фэязи разлетались в стороны и опали в грязь, напоминая крылья красного петуха.

4

В доме скорняка, действительно, было необычно тихо, а во дворе так сильно воняло гнилью и падалью, что создавалось впечатление, будто в доме и хлеву передохло все живое и теперь разлагается незахороненное. Ярыга прошел по двору, заглянул в приоткрытую дверь сарая, полюбовался пустыми чанами для золки шкур – прямоугольными ящиками в три венца колотых плах, вставленных в пазы вертикально врытых столбов. Не найдя ни единой живой души – ни собаки, ни кошки, ни даже воробья, – он подошел к кривому крыльцу, сколоченному из подгнивших досок – того и гляди развалится. Ярыга перекрестился и, наклонив голову, точно нырял в омут, взбежал по ступенькам. В сенях, пустых и темных, вонища была послабее, а в горнице, в которую падал мутный свет через бычий пузырь окна, узкого и кособокого, и вовсе не чувствовалось ее. Горница была чиста, будто только что несколько женщин наводили здесь порядок. Везде висели связки шкур: волчьих, лисьих, медвежьих, беличьих, куньих, бобровых, соболиных – все, на первый взгляд, самые лучшие, без изъяна и хорошо выделанные – огромное богатство, наверное, заказчики нанесли или без нечистой силы не обошлось. Словно в подтверждение последней догадки ярыги, на длинном столе, приставленном торцом к стене под окном, лежали недошитые шубы, лисья и соболя, и несколько беличьих шапок, в которых торчали иголки с нитками, как бы только что

оставленные человеческими руками, несколькими парами. А рук-то как раз и не хватало, даже одной-единственной пары – хозяйской. Ярыга оглядел горницу, не нашел в красном углу иконы (может, и была там, но угол был завешан связкой странных шкур, то ли кошачьих, то ли еще черт знает каких!), но на всякий случай перекрестился в ту сторону.

С печи прозвучал стон, протяжный и болезненный, кто-то задержался там, точно выпутывался из сети. Видимо, сеть была накинута удачно, потому что возня не прекращалась.

– Хозяин, слазь давай, а то еще раз перекрещусь!

На печи застонали потише, на пол поползло одеяло из волчьих шкур и такое длинное, что казалось бесконечным, нагромоздилось высокой кучей. С печи свесились две ноги с тонкими кривыми пальцами, ногти на которых по форме, цвету и размеру напоминали медвежьи. Скорняк пошевелил ими, проверяя, достают ли до одеяла, упавшего на пол. Ногти больших пальцев доставали, со скрипом скребли мех. Скорняк потянулся, зевнул протяжно, словно сытый медведь рыкнул, и свалился с печи на одеяло.

Пока он там барахтался, ярыга перевел взгляд на стол и – то ли ему почудилось, то ли было в самом деле, – увидел, как замерли двигавшиеся только что иголки с нитками, которые шили шубы и шапки. Нет, не почудилось, потому что одна иголка поднялась над беличьей шапкой, протягивая нитку, и так и замерла под человеческим взглядом, а потом поняла, что не должна висеть в воздухе, не бывает так у простых смертных, и плавно, стараясь, чтобы не заметили, опустилась на рыжий мех, а лежавший рядом короткий нож с белой костяной рукояткой посунулся по столу и перерезал нитку, завязавшуюся узлом. Ярыга зажмурился и перекрестился.

Из одеяла послышался стон, будто скорняка кольнули раскаленной иглой. Хозяин вскочил и широко раскинул руки, будто хотел навалиться на гостя и задавить его в объятиях. Был он невысок, крикост, в глубокую прорезь рубахи проглядывала седовато-рыжая шерсть, длинная, густая и вся в колтунах, зато голова и лицо были безволосыми, со лба свисали складки, закрывающие глаза, не рассмотришь, какого они цвета и есть ли вообще, хотя чувствовалось, что они буравят ярыгу, с особым вниманием – кожу на руках, точно прикидывают, сгодятся ли на голенища или хотя бы на рукавицы. Недовольный рык, видимо, обозначал, что кожа у гостя – ни к черту, незачем о нее руки марать. Скорняк поскреб грудь в прорези

рубахи – от него сильно пахло кислятиной, как от старого козла, – запустил лапы дальше и почесал спину, а может, и крестец и обе лопатки заодно. Когда он высунул руки из-под рубахи, оказалось, что они лишь самую малость не достают до пола, а ногти почти такие же, как на ногах, только сильнее сточены и потому более острые.

– Чего надо? – рыкнул скорняк, садясь за стол. Лавка протяжно скрипнула под ним и сильно прогнулась. – Заказы не принимаю, завален работой, продохнуть некогда, – добавил он и смачно зевнул, показав длинные клыки, расположенные вкривь и вкось.

– С моим заказом быстро управишься, – сказал ярыга и тоже сел за стол напротив хозяина и поближе к той шапке, над которой видел висящую иголку. – Слышал, наверное, что княжич заболел?

– А мне какое дело?

– Как это какое?! Молодой, здоровый парень – и при смерти лежит! Тут без порчи не обошлось. Не твоя ли работа?

Скорняк презрительно фыркнул.

– Если и не твоя, то знаешь, чья.

– И знал бы, все равно не сказал! – скорняк повернул голову к печи и блаженно улыбнулся, вспомнив, наверное, как хорошо спалось.

– Повисишь на дыбе, погреешь пятки на раскаленных углях – сразу заговоришь! – пригрозил ярыга.

– Может, и скажу, – скривив в презрительной улыбке губы, молвил скорняк, – а может, княжич умрет до того, как меня в оборот возьмут. Тебя за это по головке не погладят – правильно я рассуждаю?

– Не погладят, – согласился ярыга и положил руки на стол, рядом с ножом. – Значит, не хочешь подсказать, кто порчу наслал?

– Сказал же, не знаю и знать не хочу! Иди в другом месте спрашивай.

– Пойду — что ж мне остается?! Только и тебя без призора не оставлю: вдруг твоих рук дело?! – Ярыга взял нож и всадил его снизу в крышку стола, перекрестив трижды.

Хозяин, собиравшийся потянуться и зевнуть, дернулся и застыл, выпрямившись, будто нож всадили ему в зад и проткнули до темечка; рот так и остался распахнутым, показывающим кривые клыки; а руки опали на стол, ладонями вверх, словно тянулись за милостыней.

– Сиди и вспоминай, кто порчу наслал и как от нее быстрее избавиться, а я к другим колдунам наведуясь по твоему совету, попытаю, не они ли воду мутят, – насмешливо сказал ярыга и добавил, будто отвечая на безмолвный вопрос: – Может, и скоро вернусь, а может, помереть успеешь до того, как я вражину найду. Меня за это и по головке поглядят, и наградят щедро!

Сбросив на пол недошитые шубы и шапки, ярыга завесил окно связкой волчьих шкур, чтобы с улицы никто не увидел скорняка и не пришел на помощь и, выйдя из избы, запер ее на большой ржавый замок, обнаруженный в сенях на полу, а ключ сунул в карман фериши.

5

Во дворе вдовы хамовника росли три тополя, толстоствольных и раскидистых, с которых уже облетела листва и вместо нее на ветках сидело видимо-невидимо воронья. Птицы устроились и на соломенной крыше, один скат которой недавно был крыт поновой. Они негромко перекаркивались, изредка то одна, то другая взлетали, делали несколько кругов, разминая крылья, и опять садились, но на дерево, если поднимались с крыши, и наоборот или роняли бело-зелено-черные комки помета, испятнав им все вокруг дома. Увидев приближающегося к воротам человека, вороны раскричались так, что подняли бы и мертвого.

Ярыга махнул рукой в сторону тополей, словно отбивался от птичьего гомона, и торопливо юркнул под навес крыльца. Громко постучав в дверь и не дождавшись приглашения, шибанул ее ногой. Дверь, казавшаяся тяжелой и прочной, стукнувшись о стену, выпустила из щелей облако светло-коричневой пыли и сильно перекосилась. Ярыга вошел в сени и толкнул ее пяткой, закрывая за собой.

– Кого там нелегкая несет? – послышался из избы недовольный голос, слишком твердый для женского и слишком высокий для мужского.

– Судьбу узнать хочу, – ответил ярыга, не уточняя, чью именно.

Первое, что он увидел в избе, – были зеленые, сверкающие глаза, которые уставились на него из красного угла: там на полочке, где истинные христиане ставят иконы, сидела

черная кошка. Она издала звук, больше похожий не на мяуканье, а на карканье, и закрыла глаза.

У печи, вытирая красные, будто с мороза, руки о повязанный поперек поневы грязный передник, стояла маленькая горбатая женщина с опухшим, сырым лицом, будто водой опилась, длинным крючковатым носом и птичьей грудью. Голова была склонена к правому плечу, но она глаза, черные, с красными, припухшими веками, находились на одной высоте от пола. Они пробежали по гостю снизу вверх, задержавшись на зашитой прорехе. Горбунья сунула руки под передник, сложила их на животе.

– Принес бы черного петуха, поведала бы тебе все, а по бобам могу только проверить, будет ли удача в деле, – молвила она через силу, точно намеревалась сказать что-то другое, но никак не осмеливалась.

– Мне больше и не надо. – Он оглядел избу, выискивая, на что бы сесть, ничего не обнаружил, даже лавки не было, а если убрать стол – и вообще пусто будет. – Сесть бы. Говорят, в ногах правды нет. Или без нее обойдемся?

– Зачем пожаловал? – грубым, мужским голосом спросила женщина.

– Сама же сказала: узнать, будет ли удача в деле. Оно у меня вот какое: княжича от порчи избавить. Бобы кинешь или так сообщишь?

Горбунья молчала, смотрела в красный угол, во вновь загоревшиеся, зеленые глаза, точно спрашивала у кошки, как поступить с непрошенным гостем.

– А лучше ответь, кто на него эту пакость наслал, – продолжал ярыга.

– Не знаю. Я ворожу, а не колдую.

– Разве это ни один черт?!

– Кому – один, кому – нет.

– Ладно, некогда мне тут с тобой тары-бары разводить. Кто порчу наслал?

– Не знаю, – повторила ворожея, продолжая глядеть в кошачьи глаза.

Ярыга подошел к ней, схватил за грудки и, оторвав от пола, придавил спиной к печи. Горбунья двумя руками вцепилась в ворот своей рубахи, перетянувший шею, задержала ногами, захлопала тонкими губами, над которыми торчали несколько длинных черных волосин.

– Скажешь?

– Не зна-а... – прохрипела она.

Ярыга оторвал ее от печи и швырнул на пол.

– Неохота руки о тебя марать, ведьма горбатая. Будешь сидеть дома, пока не вспомнишь или пока я виновника не найду.

Он взял стоявшую у печи кочергу, пошел к двери. Ворожея, лежавшая смирно, сразу вскочила на четвереньки и поползла за непрошенным гостем, пытаясь вырвать у него кочергу. Ярыга ногой отбил ее руку, а потом ударил носком ей в висок, отбросив к печи. Переступив через порог, он поставил кочергу так, чтобы перегораживала наискось дверной проем, загнутым железным концом вверх. Горбунья задержалась, зашевелила губами, намереваясь что-то сказать, но вдруг замерла в неудобной позе, с вывернутой назад рукой, глаза ее налились краснотой, набрякли, став похожими на переспелые вишни.

– Лежи и вспоминай! Если одумаешься, дай знать – ворон за мной пришли!

Выйдя на крыльцо, ярыга с удивлением посмотрел на тополя, голые и как бы другие. Куда подевались птицы – непонятно было, ни одной не видать в округе. Ярыга высморкался, вытер пальцы о полу фэязи и пошел в детинец, на княжеский двор.

6

Утро выдалось морозным. Желтовато-зеленая трава, покрытая седым инеем, хрустела под ногами. Ярыга, спустившись с сеника, расположенного в чердаке конюшни, двумя руками с растопыренными пальцами, как гребенками, вычесывал былинки из волос и бороды и смотрел по сторонам с таким видом, будто не мог понять, проспал ли он целые сутки или самую малость и идет все еще вчерашнее утро. Он подошел к поилке – деревянному корыту, выдолбленному в длинном толстом дереве, – которая лежала у колодезного сруба. Верхние кромки корыта были погрызаны лошадиными зубами, а земля вокруг изрыта копытами и покрыта черными лепешками раздавленных конских «яблок». Ярыга склонился к воде, посмотрел на свое отображение на серо-коричневой воде, в которой как бы полоскались комковатые облака, похожие на старые простыни. Поверху плавало несколько льдинок, тонких и прозрачных. Ярыга развел их руками, а заодно как

бы и облака, зябко поежился. Зачерпнув полные пригоршни, плеснул себе в лицо раз, другой, тихо поскуливая и отфыркиваясь. Вытирался рукавом ферязи. Лицу как бы передалось красной краски из материи, оно порозовело и посвежело.

Из поварни вышли стрельцы, те самые, светло-русый и темно-русый. Похожими жестами они вытерли губы и повели плечами, приноравливаясь к холоду после тепла избы... Следом за ними вышла девка, дородная и румянощекая, с блудливой улыбкой на полных губах. Стрельцы расступились, пропуская, и вдвоем шлепнули ее по ягодицам. Ляск был такой, будто огрели двумя оглоблями кобылу по крупу. Девка взвизгнула и, хихикая, побежала через двор в мыльню, а стрельцы громко заржали, приглаживая одинаковыми жестами усы. Заметив ярыгу, приосанились, напустили на лица строгость и придвинулись плечом к плечу, точно готовились биться стенка на стенку.

– Воевода тебя ищет, – сказал светло-русый.

– Срочно, – добавил темно-русый.

Они придвинулись к ярыге, точно собирались, если не пойдет по-хорошему, отеснить его к воеводиному терему. Ярыга, с тоской глянув на дверь поварни, сглотнул слюну, развернулся и пошел к красному крыльцу княжичевого терема, на котором как раз появился рыжебородый воевода, хмурью и грозный, даже рыжая борода топорщилась воинственно.

Воевода спустился с крыльца, стал посреди желтовато-зеленого островка травы, посеребренного инеем. Широко расставленные, кривые ноги его, казалось, примерзли к траве – не стронешь. Левая рука, веснушчатая и со вздувшимися венами, мяла рукоять сабли, точно хотела затолкать ее в ножны вслед за клинком. Когда ярыга с понурой головой остановился в двух шагах от него, воевода еще сильнее нахмурил брови и произнес не то, чтобы обвиняя, но и не без укора:

– Медлишь... Княжич уже еле дышит. И не ест ничего. – Он сыто отрыгнул. – Все никак не решат, постригать его в монахи или подождать, может, выздоровеет.

– Пусть подождут, – тихо сказал ярыга.

– И я так думаю. Что мертвый, что монах – все нам плохо будет, – Воевода сдвинул на затылок соболью шапку и потер шрам на лбу.

– Ошибся я, в другом месте поищу, – повинился ярыга.

– Поищи, да побыстрее, – приказал воевода и собрался вернуться в терем, когда мимо него прокатился мячик из кожи, набитой сеном.

Воевода остановил его ногой, поднял и протянул подбегающему мальчику, сыну поварихи. На лице воеводы появилось заискивающее выражение. Мальчик взял мячик и, не поблагодарив, побежал к житнице, где его поджидали два ровесника, одетые побогаче, наверное, боярские дети. Воевода, глядя ему вслед, недовольно гмыкнул, сердясь на себя за раболепство, и произнес шутливо, но не без горечи:

– Глядишь, попомнит, когда его время придет!

И тут ярыга догадался, кого напоминал ему мальчик.

– А поговаривают, что купец заезжий наведывается к ней по ночам, – сообщил светло-русый стрелец и презрительно сплюнул.

– Снял лавку в красном ряду, заморским товаром торгует, – добавил темно-русый и тоже презрительно сплюнул, но в другую сторону.

– Не мужское это дело – сплетни собирать, – бросил воевода и пошел в княжеский терем.

Ярыга посмотрел на мальчика, тузившего одного из своих приятелей, на стрельцов, будто ждал, что и они сейчас подерутся. Зажав нос пальцами, высморкался и вытер их о ферязь.

– Давно купец объявился? – спросил он стрельцов.

– В конце лета, – ответил светло-русый.

– На Евдокию-малинуху, – уточнил другой.

– И хороший товар у него?

– У-у!.. – в один голос ответили стрельцы.

– Вот мы и сходим к нему втроем, посмотрим, как торгует, – приказал ярыга и пошел, не оборачиваясь, уверенный, что стрельцы не ослушаются.

7

В лавке купца не оказалось. Холоп его – бойкий малый с языком без костей – объяснил, не забывая нахваливать товар:

– Дома он. Заутреню отстоял, теперь завтракает... Покупай, красавица! Алтабас – из-за семи морей привезен!.. Вон наш дом – крытый дранкой... Сердоликовые, матушка, из самой Византии привезены! Покупай, не пожалеешь!..

Стрельцы слушали его, покачивая головами: ну и болтало! Ярыга же внимательно осмотрел товар, особенно благовония,

которые перешибали смрад, идущий от рыбного и мясного рядов. Увидев все, что ему нужно было, ярыга пошел к дому купца, жестом позвав за собой стрельцов.

Купец сидел за накрытым столом, доедал черную уху – с гвоздикой. Был он высок и толст, черные густые волосы старательно причесаны, как и борода, окладистая, длинная, в которой застряли хлебные крошки. Глаза, темно-карие и большие, со страхом смотрели на вошедших, а зубы, словно их это не касалось, продолжали старательно пережевывать пищу, которой был набит рот.

– Бог в помощь! – пожелал ярыга, махнув стрельцам, чтобы подождали в сенях. Он сел за стол, взял пирог, разломил. Пирог был с заячьим мясом, смешанным с гречневой кашей. Ярыга брезгливо поморщился, считая заячье мясо нечистым, отложил пирог. – Жуи быстрее, разговор есть.

Купец поперхнулся и зашелся в кашле. Из рта полетели крошки, несколько угодило в ярыгу. Прокашлявшись, купец перекрестился и молвил:

– Прости, Господи! – Вытер полотенцем губы и нос, спросил тихим, настороженным голосом: – Зачем пожаловал?

– Не догадываешься? А ведь в Писании сказано: «Время раскидывать камни, время собирать». Делал одно, теперь пришел черед другого. Думал, твои черные дела останутся безнаказанными?!

– Не ведаю, о чем ты говоришь, человек. Да и кто ты такой, чтобы брать на себя божеский суд? – сказал купец, поглаживая окладистую бороду.

– Красивая у тебя борода! – усмехнулся ярыга. – Ну, как отрубят голову – на чем носить бороду будешь? – и став вдруг суровым, отчеканил: – Хватит придуриваться! Отраву княжичу ты дал – тебе и ответ держать!

– Не травил я княжича, ей-богу! – перекрестился купец.

– Ты отраву поварихе дал, а она княжичу подсунула – так?

– Все она! Я сперва не знал зачем. А когда княжич захворал, спрашиваю: не она ли дала? Она в ответ: «Молчи, а то скажу, что с тобой в сговоре была!»

– Значит, сговора не было?

– Нет, вот-те крест! – перекрестился купец еще раз.

– Врешь, однако, – равнодушно молвил ярыга, – ну, да черт с тобой. Лекарство от яда есть?

– Есть! – Купец метнулся в красный угол, достал из-за складня ларчик темно-красного дерева, украшенный сканым серебром.

Ноги у купца оказались короткие, будто достались от другого человека, поэтому стоя он выглядел не таким уж и высоким, как сидящий. Он подошел на цыпочках, словно боялся, что кто-нибудь услышит, к ярыге, передал ларчик, предварительно вытерев с него пыль рукавом рубахи. Внутри на черной материи лежали два ядрышка, золотисто-зеленые, напоминающие овечьи катышки. Дух от них шел горьковато-соленый и такой резкий, что у ярыги засвербило в носу и он громко чихнул, захлопнув непроизвольно ларчик.

Растворить одно ядрышко в вине и выпить мелкими глотками. Потом ничего ни пить, ни есть, пока невраготу станет. Тогда растворить в вине второе ядрышко и дать больному. Хворь как рукой снимет, – пояснил купец.

– Или голову тебе снимут, – предупредил ярыга.

– Али я сам себе враг?!

– Кто тебя знает? – Ярыга спрятал ларчик за пазуху и встал из-за стола. – Пойду проверю, а ты сиди ешь, если сможешь, и жди меня. Чтоб не было скучно, стрельцы повеселят тебя. – Он открыл дверь в сени, позвал стрельцов. – Глаз с него не спускать! Сбежит – вы без голов останетесь! – предупредил он.

8

Молодой князь лежал на широком ложе под грудой пуховых одеял, атласных и шитых золотом, из-за тяжести которых, казалось, и не мог вдохнуть полной грудью, а потому и вовсе не хотел дышать, лишь изредка приоткрывал губы, тонкие и покрытые коростой, а ноздри белого, заострившегося носа и вовсе как бы слиплись за ненадобностью. Только красно-коричневые тени вокруг глаз выглядели живыми, но существующими наособицу от бледного с желтизной лица, сливавшегося по цвету с золотистой подушкой. В ногах княжича сидела его мать – полная женщина с двойным подбородком, когда-то, наверное, красивая: васильковые глаза, хоть и заплаканные и покрасневшие, впору бы были и шестнадцатилетней девице, столько в них сохранилось молодого задора и очарования. Пухлыми руками она держала худую, высохшую руку сына. Рядом на стольце сидела мамка – такая же полная, как

княгиня, с такими же красными от слез глазами, но не настолько же красивыми, хотя годами была помоложе. Слезы у нее текли без перерыва, непонятно было, откуда столько берется. На приход ярыги и воеводы обе женщины не обратили внимания: дожидаться помощи отчаялись, оставалось не пропустить последнее дыхание умирающего.

Ярыга подошел к столику, что стоял у изголовья, налил в кубок вина, светло-красного и пахучего, кинул ядрышко. Оно закружилось на поверхности, шипя и оставляя за собой зеленоватый пенный след. Когда растворилось полностью, ярыга помешал пальцем вино в кубке, пока не осела пена. Вино потемнело, приобрело зеленоватый оттенок.

Обе женщины как бы не замечали его, хотя боковым зрением неотрывно следили за каждым движением, и когда он поднес кубок к покрытым коростой губам, встрепенулись обе, дернулись, чтобы помешать – и тут же обмякли, поняв, что хуже сделать больному уже невозможно, всхлипли одновременно и захлюпали привычно носами.

Ярыга надавил пальцем на подбородок юноши, заставил открыть рот. Положив край кубка на потресканную нижнюю губу, наклонил его, чтобы вино потекло в горло. Зеленоватокрасная струйка разбилась о язык, покрытый толстым слоем творожистого налета, потекла дальше. На шее под дряблой кожей дернулся острый кадык, судорожно, будто хотел вспороть ее. Тонкие губы попытались сжаться, чтобы не пропускать в рот жидкости, но ярыга сильнее надавил на подбородок и наклонил кубок. Ноздри вдруг затрепетали и разлепились, порозовев. От них краснота перетекла в щеки, лоб, шею, и когда княжич допил последнюю каплю из кубка, бледным оставался лишь кончик заострившегося носа. Юноша открыл глаза, покрытые белесой пеленой, как у дохлой рыбы, и вздохнул шумно, полной грудью. Из глаз потекли слезы, мелкие и мутные, и словно унесли с собой пелену, очистив васильковые радужные оболочки и черные зрачки, в которых засверкали золотисто-красные искорки.

– Мать Божья, Царица небесная... – закричалась мамка, но не закончила, заплакала навзрыд.

Следом за ней заревела княгиня.

– Ну, завелись! – пробурчал воевода, однако улыбка у него была до ушей. Он похлопал ярыгу по плечу: – Говорил же, что справишься! Чужло мое сердце!.. – Он хотел похлопать и княжича, но лишь поправил одеяло. – Теперь выздоровеешь!

Мы с тобой такое!.. – Недоговорив, воевода потряс в воздухе огромным рыжим кулаком.

– Ни есть, ни пить ему не давать, пока я не вернусь! – предупредил ярыга.

– Я прослежу, – пообещал воевода. – А куда это ты собрался?

– За снадобье заплатить.

– Князь заплатит, сколько скажешь!

– Там без меня не обойдутся, – сказал ярыга и еще раз напомнил: – Ни капли, ни крошки!

– Не бойся, не получит! – положив руку на рукоять сабли, произнес воевода и сверкнул тазами на мамку, будто она пыталась втихаря сунуть что-нибудь княжичу.

9

В поварне стоял такой густой запах жареного мяса, что казалось, вдохнешь несколько раз – и насытишься на целый день. Возле печи сновали две девки, толстозадые и с блудливыми улыбками на губах. Повариха стояла у окна, нюхала какую-то сушеную заморскую траву, собиралась приправить ею стряпню. Почувствовав спиной взгляд ярыга, оглянулась, зазвенев сережками сканого серебра, и выронила траву на пол. Серая в черную полоску кошка кинулась к пучку, неодобрительно фыркнула и, задрав хвост, потерлась о ногу хозяйки. Повариха оттолкнула ее.

– Ну-ка, девки, – ярыга шлепнул обеих по заду, – пойдите погуляйте!

Они, хихикая, отскочили от мужчины и вопрошающе посмотрели на повариху. Та поникла головой, давая понять, что власть сейчас не у нее. Когда девки вышли во двор, ярыга поднял с пола заморскую траву, понюхал. Запах был горьковато-соленый, как у ядрышек.

– Не из нее ли отраву готовила? – не дожидаясь ответа, поразмышлял вслух: – На костре тебя сожгут или в землю живой закопают? В прошлом году ведьму закопали, так земля в том месте два дня ворочалась. Тогда ее раскопали, закидали дровами и подожгли, чтоб не мучилась. Славно горела!

Повариха посмотрела на пламя в печи, буйное, жаркое.

– Князь, может, и пожалел бы тебя по старой памяти, но княгиня – у-у!.. А воевода – этот с живой шкуру сдерет! Нет, сперва с твоего сына, а потом уже с тебя!

Повариха посмотрела на нож с длинным широким лезвием, к которому прилипла пара зеленовато-белых капустных ошметков.

– Хорошая мысль, да запоздалая! – усмехнувшись, бросил ярыга. – Позавчера надо было.

– Да, – согласилась повариха, – чужло мое сердце, что накличешь беду.

– Ты сама накликала. – Он еще раз понюхал траву и швырнул в печь, где она занялась синеватым пламенем. – Ну что, на костер пойдешь или замуж?

– За тебя, что ли? – Повариха удивленно вскинула голову и вытерла губы, словно готовилась целоваться.

– Мне что – жить надоело?! На кого укажу, за того и пойдешь.

– Нет.

– Куда ты денешься! – уверенно произнес он. – Или увидишь, как с сына шкуру сдирают.

– Нет.

– Князь за него заступится? Может, и так. Но в монахи уж точно пострижет и монастырь найдет подальше и построже. Да и без тебя ничего сынок не добьется, слишком балованный, как я заметил.

Повариха зашевелила губами, словно хотела плюнуть обидчику в лицо, но никак не могла набрать слюны.

– К князю идем или в церковь?

Она одернула паневу, засунула под подвязь выбившуюся прядь.

– Значит, в церковь, – догадался ярыга.

– Мне переодеться надо, – произнесла повариха с вызовом и тряхнула головой, позвенев серебряными сережками. – Венчаться ведь иду.

– Переоденься. И отраву прихвати, вдруг на новом месте пригодится.

Они вышли из поварни, повариха направилась в избушку, которую ярыга считал казначеевой. Он остался во дворе, сказав:

– За сыном твоим присмотрю, чтоб не напроказил: норовом, поди, в мать пошел?

Повариха метнула на него злой взгляд, но ничего не сказала и сына в избу не позвала, поняв, что сбежать вдвоем не дадут.

Купец все сидел за столом, успев здорово опьянеть. Лицо побурело, а глаза потемнели, слились со зрачками и как бы занырнули под набрякшие веки, выглаживая оттуда затравленными зверьками. На бороде впридачу к хлебным крошкам появились комочки яичного желтка. В центре стола стояли четыре пустые бутылки желтоватого, толстого, заморского стекла, а пятую, наполовину опорожненную, держал в руке купец, намереваясь налить из нее стрельцам. Они сидели по бокам от хозяина, обнимали его с пьяной развязностью, а может, держались, чтобы не свалиться под стол. Темно-вишневые носы их нависли над чашами, серебряными и с рукоятками по бокам, ждали, когда туда нальют вина. Увидев новых гостей, купец отнес бутылку от их чаш, расплескав немного на скатерть, поставил рядом с собой.

Ярыга вытер губы, словно только что отведал купеческого вина, и пропел хриплым, пропитым голосом:

Вьюн над водой
                                увивается,
Жених у стола
                                дожидается.
Просит он свое,
                                свое сужено,
Просит он свое,
                                свое ряжено:
— Вы подайте мне
                                мою сужену!
Вывели ему
                                красну девицу:
— Это вот
                                твое сужено,
Это вот
                                твое ряжено!

Он засмеялся натужно и подтолкнул вперед повариху, нарумяненную, в венце из золотой проволоки в несколько рядов с поднизью, украшенной жемчугом, в белой рубахе до пят, с вышитым золотом подолом, поверх которой был надет летник до щиколоток из червчатой камки с серебряными и золотыми узорами, поочередно представляющими листья, вошвами из черного бархата, расшитого канителью и трунцалом, подолом из лазоревого атласа и шейным ожерельем из черной тесьмы,

унизанным жемчугом и пристегнутым к воротнику пятью золотыми пуговицами.

– Что морщишься? – подначил ярыга купца. – Смотри, какая тебе невеста досталась – кровь с молоком! И приданое богатое, – он подтолкнул вперед мальчика, который в чем играл на дворе, в том и был приведен, и теперь с приоткрытым ртом разглядывал мужчин за столом, соображая, наверное, за кого из них собралась его мать замуж. – Князь не поспешил! – ярыга засмеялся и сразу смолк под гневным взглядом поварихи.

Купец, понявший, что ему предстоит, мигом протрезвел, посветлел лицом и распрямил плечи. И стрельцы оказались не меньшими хитрецами: их руки перебрались с хозяйских плеч на стол, носы оторвались от чаш, шеи напряглись, выравнивая головы и показывая глаза – совсем трезвые, с лукавыми блестящими: ловко мы, а?! Стоило купцу пошевелиться, как оба стрельца придавили его к лавке: сидеть!

– Не нравится невеста?! – ерничал ярыга. – Зря! Если бы не служба, сам бы на такой женился! А что с приданым – так тебе меньше работы!

Стрельцы хохотнули и с двух боков толкнул и купца локтями.

– Деваться тебе все равно некуда: три головы лучше, чем ни одной. Собирайся, а то невесте, вишь, невтерпех. И деньги не забудь: наш батюшка в долг не венчает. Стрельцы помогут тебе нарядиться, а я за невестой пригляжу, чтобы не сиганула в окно, не осрамила тебя!

Повариха, стоявшая с понурой головой, нашла ощупью голову сына, прижала к своему животу, чтобы ничего не видел и не слышал. Ярыга отпустил руку мальчика и перестал улыбаться, с грустью уставился на икону Богородицы в красном углу.

11

В церкви отслужили обедню, почти все уже разошлись, только самые истово верующие, с трудом переставляя затекшие ноги, выбирались на паперть, торопливо спускались по ступенькам, отворачиваясь с обиженным выражением лица от слепого, точно это он должен был подать им, но пожадничал.

Нищий тоже виновато клонил голову – чем больше проходило народу, не кинув монетку, тем ниже. Обоими руками

он крепко сжимал шапку, подаренную ярыгой, на дне которой лежало две полушки, и часто шевелил ноздрями и сглатывал слюну, почуяв, видимо, запахи обеда, готовившегося в доме попа.

– Подай нищему, – посоветовал ярыга купцу, – не каждый день женишься.

Пока купец рылся, отыскивая монету помельче, в прямоугольном кошельке из мягкой дубленой яловки, сложенной вдвое и прошитой вдоль прямого края двумя рядами медной проволоки, оба стрельца, ярыга, повариха и, после того, как мать столкнула с его головы шапку, мальчик перекрестились на крест на куполе. Мальчик надул губы и собрался покапризничать, но мать потянула его за собой внутрь церкви, стараясь не отстать от купца, зажатого между стрельцами.

Воздух в церкви был тепл, пропитан запахом ладана и казался желтоватым из-за света догорающих свечей. Священник, не успевший еще переодеться, около ризницы разговаривал, мелко трясая седой бородой, с церковным старостой, благообразным стариком, настолько похожим на святого Петра, каким изобразили его на висевшей рядом иконе, что создавалось впечатление, будто с нее и сошел.

Ярыга подождал, пока они закончат разговор, подошел к попу:

– Батюшка, обвенчай молодых.

Священник, прищутив подслеповатые глаза, удивленно посмотрел на ярыгу, решив, что именно он решил жениться, тряхнул головой, отгоняя наваждение, и лишь заметив стоявших поодаль купца и повариху, улыбнулся виновато и пригладил бороду.

– К чему такая спешка?

– Совесть замучила: в скверне живут, – ответил ярыга, – а жениху надо ехать вечером по делам торговым и надолго. Уважь, батюшка, а он тебе вдвойне заплатит.

– Церкви, не мне, – поправил поп, – мне уже ничего не надо. А что ж он сам молчит?

– Язык от счастья проглотил, – без тени насмешки ответил ярыга. – Невеста долго раздумывала, все никак решиться не могла.

– Бывает, – согласился священник.

Он послал служку за вином, а когда тот вернулся, совершил обряд венчания и произнес наставление:

– Часто ходите в церковь, слушайте духовников, храните посты и праздники, подавайте милостыню, муж бей жену палкою, как подобает главе. – Он взял жену за руку, вручил мужу и приказал: – Целуйтесь! – Когда они исполнили приказ, дал купцу деревянную чашу с вином.

Отпив, муж передал чашу жене, та отпила и вернула ему – и так три раза, потом муж допил остатки, разломал чашу и бросил под ноги. Жена первой наступила на обломки чаши и высокомерно глянула на мужа: не тебе быть главой в доме! Пока они топтали обломки, священник произнес:

– Пусть так под ногами вашими будут потоптаны те, которые станут посеять между вами раздор и нелюбовь. Аминь!

– Ну вот, – пригладил ярыга вихры на голове мальчика, – был княжеский сын, стал купеческий.

Молодая жена, шагнувшая к выходу, споткнулась и посмотрела на мужа так, что от него должна была бы остаться лишь кучка пепла. И муж зыркнул на жену, как на беглого должника.

– Мир вам да любовь! – пожелал ярыга и добавил тихо: – Посмотрим, кто кого первым отравит.

Подобная мысль, видимо, пришла в голову обоим молодым, потому что вздрогнули и отпрянули друг от друга. На паперти ярыга отчеканил:

– Времени у вас – всего-ничего. Я до вечера не буду рассказывать князю, – он посмотрел на повариху, – за похмелье рассчитаюсь, но мир не без добрых людей, так что поторопитесь. – Он повернулся к стрельцам. – Проводите на большую дорогу и проследите, чтоб никуда не сворачивали.

12

Тополя во дворе ворожеи стояли голые, без листьев и без ворон. Птиц вообще не было видно поблизости, и даже пятен помета стало заметно меньше, наверное, всосались в раскисшую за день землю. В доме было тихо, ни звука, ни шороха, и воняло кошками и кислыми щами. Горбунья лежала у печки в той позе, в какой оставил ее ярыга, только лицо стало шире, набухло, будто все эти дни впитывало в себя влагу из земляного пола. На полке в красном углу сидела кошка с закрытыми глазами и гладкой, будто сплавившейся шерстью, и каза-

лась игрушкой из обожженной глины, выкрашенной в черный цвет.

– Отдохнула, пора и честь знать! – сказал ярыга через порог и сбил ногой кочергу.

Она упала на пол с таким грохотом, точно крыша обвалилась.

В красном ушу вспыхнули два зеленые огонька, кошка вздыбила шерсть и выгнула спину, словно приготовилась отбиваться от стаи собак. Зашевелилась и ворожея. С трудом оторвав от пола непомерно большую голову, казавшуюся чужой на маленьком, худом теле, она села, расправила паневу, прикрыв ею кривые ноги, покрытые серой шерстью, отчего напоминали козьи. Движения ее были медленны и неуверенны, словно с трудом вспоминала, что и как делается.

– Так-то, коза драная, – произнес ярыга, – в следующий раз будешь знать: мне как на духу надо выкладывать!

Когда он вышел из избы, то увидел на тополях тучи воронья, которое каркало громко и радостно и роняло на землю комки помета. Увидев ярыгу, они затихли, завертели головами, наверное, запоминая этого человека на всю жизнь.

– И вы у меня смотрите, – погрозил им пальцем ярыга, – а то быстро управу найду!

У церкви он встретил слепого нищего, который, сильно шатаясь, нес полные руки добра: штуку ярко-красной материи, хомут, надетый на шею, недопитую бутылку вина, к которой постоянно прикладывался, половину копченого свиного окорока и икону Богородицы под мышкой. Он часто спотыкался и ронял что-нибудь и надолго останавливался. Вокруг него бегали мальчишки, дразнили, хватая за одежду и показывая язык, как будто он мог увидеть.

– Ох, я вас сейчас! – грозился нищий с пьяной удалью, поднимая свиной окорок, порядком выпачканный в грязи.

– Хомут зачем тебе? – спросил ярыга. – Давно в упряжке не ходил?

Слепой засмеялся, показав гнилые зубы.

– Все берет, и я взял, что под руку подвернулось!

– Лучше бы из одежды что или сапога, морозы ведь скоро ударят.

– Мне хорошая одежда ни к чему: кто мне в ней подавать будет? А хомут, – нищий понюхал его, – новый, еще не знал конской холки, на него всегда покупатель найдется.

– Тебе, конечно, виднее, – мрачно пошутил ярыга и пошел к дому скорняка.

Когда он добрался туда, солнце уже зашло, и все вокруг посерело, растеряло радостные, дневные цвета. В избе по-прежнему было тихо, но не так сильно воняло, как раньше, будто мертвых унесли и закопали, правда, не успели проветрить помещение. В горнице не было ни единой связки шкур, зато на полу лежали горки пыли: черной, темно-коричневой, рыжей, а у печи – огромная серой, в которой почти не видно было скорняка, торчали лишь руки и ноги с длиннющими, в пядь, несточенными, медвежьими когтями.

– Эк, тебя завалило! – насмешливо посочувствовал ярыга, подходя к столу. – Ну что, образумился, понял, как впредь надо встречать меня?.. Или еще повалеешься?

Из кучи серой пыли послышался тихий стон.

– Ага, значит, образумился, – понял ярыга. – Тогда я тебя прощаю. – Он выдернул нож из крышки стола. – Только смотри мне без глупостей! – отступая спиной к двери, предупредил он.

Закрывая за собой дверь, ярыга увидел, что горница сплошь завешена связками выделанных, звериных шкур; у печи на сваленном в кучу, волчьем одеяле лежал скорняк и робкими, болезненными движениями царапал пол, оставляя глубокие, узкие и гладенькие борозды, словно раскаленным железом в коровьем масле; на столе появились две недошитые шубы, лисья и соболя, и несколько беличьих шапок, над которыми зависли иголки с нитками. Ярыга перекрестился – иголки попадали на стол, а скорняк заревел и задергался, словно они воткнулись ему в спину и чуть ниже.

13

В натопленной гриднице стоял терпкий запах дыма березовых дров и сладковатый – восковых свечей, стаявших на две трети. Князь кутался в шубу из чернобурки и злыми глазами из-под седых бровей буравил воеводу и ярыгу. Они стояли посреди комнаты, воевода чуть впереди и полубоком, словно готовился защитить ярыгу и от князя, и от стрельцов, светло-русого и темно-русого, которые замерли по обе стороны от двери, и от казначея, сидевшего по левую руку на лавке и поглаживавшего усы, чтобы скрыть ехидную улыбку.

– Княжич здоров! – доложил воевода и перекрестился. Перекрестились и все остальные, а казначей еще и пожелал:

– Многих лет ему и да хранит его Господь!

– Приказ твой выполнен, – закончил воевода.

– А злодеи не наказаны! – язвительно произнес казначей, подхромал к ярыге и, заглядывая снизу ему в лицо, спросил: – Врагов покрываешь?!

– Не шуми! – тихо, но грозно остановил его воевода. – Он сделал как лучше!

Князь вскинул седые брови, погладил черную бороду и вопросительно посмотрел на ярыгу.

– Отрубил бы ты им головы – разве это наказание?! – начал ярыга. – И грех на душу взял бы – зачем? Всё не чужие... Пусть уж сами себя покарают: хорек и гадюка в одной норе не уживутся, кто-то должен умереть. Они теперь боятся друг друга сильнее, чем твоего гнева, а нет жутче казни, чем вечный страх.

Князь коротко гмыкнул, то ли одобряя действия ярыги, то ли поражаясь его хитрости, и посмотрел на казначея, словно прикидывал, не пора ли расстаться с советчиком, тем более, что есть замена получше. Морщинистая рука пригладила черные усы, легла на нагрудный крест, золотой, украшенный драгоценными камнями.

– Рано или поздно приходится платить за грехи свои, – молвил князь. Не поворачиваясь к казначею, приказал: – Дай кошелек.

Кошелек был сафьяновый, прошитый золотой проволокой и туго набитый монетами. Даже не заглянув в него, ярыга спрятал за пазуху и поклонился князю земным поклоном, а потом вытер рукавом ферязи зеленоватую каплю с кончика носа.

– Дай ему шубу и шапку, – приказал князь.

– Пусть сюда принесет, – произнес ярыга хриплым, пропитым голосом.

– Что? – не понял князь.

– Сюда пусть принесет, а то вдруг слишком хорошую даст. Князь посмотрел на ферязь не по росту и с защитой прорехой на груди, недобро гмыкнул.

– Горностаевую шубу и шапку, мои, – понял? – прикрикнул князь на казначея.

– Сделаю, как велишь! – поклонился казначей и захромал из гридницы.

– Проследи, – приказал князь воеводе и махнул рукой, чтобы оставили его одного.

14

Моросил дождь, холодный и нудный. Капли с тихим шорохом разбивались о соломенную крышу стояльной избы, собирались в тонкие ручейки и стекали на землю или в бочку со ржавыми обручами, наполненную до краев. Ярыга взбежал на крыльцо, высморкался, зажав нос пальцами, и вытер их о полу горностаевой шубы, крытой красным бархатом. Сбив набекрень горлатую горностаевую шапку с прорехой спереди, на одной стороне которой были петли, густо обложенные жемчугом, на другой – золотые пуговицы, ярыга распахнул входную дверь, отсыревшую, тяжелую. Она взвизгнула простужено, словно сорвала голос, открываясь и закрываясь целый день без перерыва. Из избы шибануло густым, бражным духом. Ярыга жадно втянул его ноздрями, улыбнулся, но сразу же придал лицу строгости, степенности, подобающих шубе и шапке.

У левой стены за стойкой сидел целовальник и сонными глазами смотрел на пятерых пьяниц, добивших братину и болтающих без умолку, потому что пить больше было не на что, а идти домой не хотелось. Они сидели за столом, длинным и узким, у правой стены, а у дальней, на соломе, копошились два странника, старик и подросток, собирались спать. Они первыми заметили ярыгу и уставились на него с испугом, пытаясь понять, что надо здесь такому знатному боярину. Из соседней комнаты выглянул холоп, блымнул осоловелыми, рачьими глазами на вошедшего и сразу опознал, заорал радостно:

– Хозяин, к нам гость знатный!

Целовальник провел рукой по лоснящемуся лицу, отгоняя наваждение, узнал, кто перед ним стоит, и заулыбался лъстиво.

– Здрав будь, боярин! Давненько не заходил, я уж думал, не случилось ли чего с тобой? А шуба какая знатная! – Он отвернул полу, помял горностаевый мех.

– Не лапай, – ударил его по руке ярыга, – не на тебя шита!

– Али я не понимаю?! – деланно возмутился целовальник.
– Таковую только боярину носить!

– Бери выше, – высокомерно заявил ярыга.

– Неужто княжеская?!

– А то! – Ярыга остановился у стола, повел плечами, скидывая шубу на лавку. – С его плеча, наградил за исправную службу.

– И шапка не по сеньке, – намекнул целовальник.

– Тоже его, – подтвердил ярыга, садясь за стол. – Тащи все, что есть! – сказал он целовальнику и повернулся к пятерым пьяницам: – Двигайте ко мне, всех угощаю! И вы, странники, тоже подсаживайтесь!

– Тебе, наверно, двойного вина принести? – закинул целовальник. – Или, может, тройного?

– Четверного!

– А не угоришь?

– Не твое дело! Неси четвертину, нет, ендову ведерную и побыстрее!

– Денег-то хватит?

– Ярыга хмыкнул презрительно, достал из-за пазухи и швырнул на стол сафьяновый кошелек, набитый монетами.

– Да тут их... на целый год хватит! – восторженно произнес ближний пьяница, заглянув в кошелек.

– На сколько хватит, столько и будем гулять! – крикнул ярыга. – Все за стол, пейте, ешьте, чтоб на всю жизнь запомнили и всем рассказали, как умеет гулять ярыга!

Александр Чернобровкин

БОРТНИК

Рассказ

Сосна была стара, кора покрыта зеленовато-серыми наростами, с южной стороны на высоте трех с половиной сажень имелось дупло, которое углубили и заколотили досками, превратив в борт, и подвесили чуть ниже на лыковой веревке бревно, короткое и тяжелое, и пчелы, вылетев, какое-то время кружили около него, грозно жужжа, потом опускались чуть ниже, мимо знамени – двух скрещенных зарубин – встречать непрощенного гостя. Сдирая когтями кору, на дерево карабкался медведь, крупный, матерый, с длинной светло-коричневой шерстью. Он добрался до бревна, обнюхал, оттолкнул лапой. Бревно откатнулось и вернулось на место, стукнув зверя по уху. Из борти вылетело сразу десятка два пчел, сбилось в облачко, темное и постоянно меняющее форму, которое как бы осело на черный мясистый нос. Медведь злобно зарычал и на бревно, и на пчел, прихлопнул вторых лапой, а первое трогать не стал, перебрался на северную сторону сосны, поднялся чуть выше и перегрыз лыковую веревку. Бревно торцом упало на землю, покрытую мхом и опавшими иголками, завалилось на бок, покатилося, примяв кустики брусники с подрумяненными сверху ягодами. Несколько пчел устремились за ним, но вскоре вернулись к зверю, который уже обнюхивал доски, преграждающие доступ в борт, блаженно урчал, чуя поживу, и небрежно давил лапой пчел, быстро вылетающих сразу из всех отверстий одна за другой, отчего складывалось впечатление, что из дупла сами по себе вытягиваются бесконечные, жужжащие веревки.

Бортник – тридцатилетний мужчина, коренастый, в плечах чуть ли не шире, чем в вышину, с проседью в густой, темно-русой, коротко подстриженной бороде, одетый в старую шапку, рубаху и порты, аккуратно залатанные, обутый в лапти с подошвами из сыромятных ремней, с колчаном и торбой за спиной и рогатиной и луком в руках – бесшумно перешел из-за кустов к молодой сосне, росшей неподалеку от старой. Он прислонил к стволу дерева рогатину, древко которой было настолько заяложено, что отсвечивало на солнце, как и наточенные, железные наконечники на зубьях. Неторопливо, словно делал это по многу раз на день, достал из-за плеча ясеневую стрелу с белым, лебединым оперением, приложил к тетиве, другой рукой натянул большой лук, тугой, обклеенный с внешней стороны сухожилиями, а с внутренней – роговыми пластинами. Тщательно прицелившись, выстрелил мишке под левую лопатку. Стрела вошла в зверя наполовину, и белое оперение заколыхалось, вторя судорожным его движениям. Медведь заревел, завозил лапой по спине, отыскивая пчелу, которая так больно ужалила. Быстро, но без суеты, бортник всадил мишке вторую стрелу рядом с первой, сбил его с дерева. Светло-коричневая туша с ревом рухнула на землю, скребнула ее передними лапами, разметав мох и старую хвою. Хищник развернулся, блынул налитыми кровью глазами, увидев человека, рявкнул яростно. Он встал на задние лапы, поднял передние с большими острыми когтями и повалил на бортника, намереваясь подмять под себя и перегрызть желтыми зубами, которые, казалось, не помещались в пасти, разрывали ее, поэтому и текли из уголков розовые слюни. Бортник прислонил лук к дереву и взял рогатину, перехватил посподручнее и, нацелив зубья медведю в грудь, упер нижний конец древка в землю, прижал ногой, чтобы не сосунулось. Зверь, не замечая наточенных, железных клыков, обрушился на человека. Бортник цепче ухватился за древко, начавшее гнуться, когда зубья влезли в медвежью грудь по раздвоению, и чуть подался назад, чтобы не угодить под лапы. Они зачерпнули воздух, подгребли под себя и обвисли, малость подождав, когда из пасти вместе с густой, почти черной кровью вырвалось захлебистое, хриплое рычание-стон. Голова зверя поникла, тело ослабло, сильнее навалилось на рогатину, согнувшуюся дугой и на пядь влезшую в землю. Бортник перехватил ее повыше, почти прижавшись к светло-коричневой туше, почуял резкий запах зверя и сладковатый – крови, нада-

вил рогатину, чтобы подалась вбок. Медведь завалился на левый бок, лапа оказалась на морде, прикрыла глаз, будто зверь не хотел видеть своего убийцу.

Бортник выдернул рогатину, вытер мхом кровь с зубьев и землю с нижнего конца, прислонил к дереву рядом с луком. Из торбы он достал древолазные шипы и две веревки, короткую и длинную, сплетенные из пеньки. Шипы он приделал ремнями к лаптям, длинную веревку привязал к бревну, сбитому зверем, а короткой – себя лицом к дереву, но так, чтобы между телом и стволом оставалось пространство и можно было свободно передвигать веревку вверх-вниз. Сноровисто поднявшись к борти, откинулся на короткую веревку, перенесся на нее большую часть своего веса, вытянул наверх бревно. Привязав его так, чтобы отвадило следующего непрошеного гостя, не такого смышленного, как убитый, неспешно спустился на землю. С дюжину пчел, покружилось около него, однако ни одна не ужалила.

Кудлатый широкогрудый пес с обрубленными ушами и хвостом рвал укороченную цепь и захлебывался в лае, хрипел и брызгал слюной с такой яростью, будто во дворе хозяйничала стая волков, а не хрустели овсом, насыпанным щедрой рукой прямо на землю, четыре оседланные лошади, которые не зло фыркали на кур, с кудахтаньем таскающих почти из-под копыт длинные узкие зерна. Казалось, нет ничего на свете, что могло бы вызвать у собаки большую враждебность, но когда соловая кобыла, подгоняемая бортником, втянула во двор волокушу с мертвым медведем, пес как бы увеличился в размере из-за вставшей дыбом шерсти и уже не залаял, а завыл передавленным ошейником горлом. Встав свечой на задние лапы и удерживаясь на туго натянутой цепи, он сучил лапами и ворочал выпученными от натуги глазами, а из пасти падали хлопья пены. Бортник недобро посмотрел на оседланных лошадей, на рассыпанный по двору овес, взял с волокуши рогатину и, шлепнув соловую кобылу, чтобы шла к сараю, направился к крыльцу.

Дверь избы открылась и на крыльцо выбрались два мечника боярские, вытерли губы, липкие от медовухи. Следом вышел еще один, одетый побогаче и в шапке повыше. Рука его лежала на плече десятилетней девочки, дочери бортника, скуластой и конопатой, крепкого сложения, но немного постройнее отца, одетой в льняную рубаху до пят, зачем-то подпоясанную темно-коричневым, сыромятным ремнем. Пара,

вышедшая первой, спустилась с крыльца, зашла с боков к остановившемуся бортнику. Руки их лежали на рукоятках, а полные наигранного презрения глаза не упускали из виду зубья рогатины. Старший загородился девочкой, крепче сжал ее плечо и пригрозил бортнику:

– Не вздумай дурить! Сам понимаешь, мы люди подневольные, что прикажут, то и делаем!

Бортник удобнее перехватил рогатину, посмотрел на мечников, подобравшихся к нему с боков, на пса, позабывшего о медведе и рвущегося загрызть непрошенных тетей, на девочку, на шее которой лежала сильная мужская рука, большой палец – на горле, готовый передавить в любой миг – и уронил оружие.

– Вяжите, – сказал старший мечник. Подручные сноровисто выполнили приказ.

Старший спустился с крыльца, подтолкнул девочку, разрешая попрощаться с отцом. Она остановилась в шаге, не решаясь подойти ближе, впиалась в бортника взглядом, полным любви, звериной, жертвенной – чистый волчонок, прикажи отец – вцепится в глотку мечнику, будет грызть, пока не убьют, и даже тогда не разожмет зубы. Она ждала такого приказа. Но бортник словно бы не замечал ее.

– Чем это я не угодил боярину? Или трех бочек меда ему показалось мало?

– Двух, – ответил старший. – Одну по дороге разбили.

– Самую большую?

– Ее самую. А в остальных медок оказался... не того... – подмешал чего или нашептал – это тебе виднее. Все, кто попробовал, животами маются.

– Мало ли от чего живот может болеть?! Попили бы настошак настой кудрявого купыря – хворь как рукой бы сняло.

– Приедем к боярину, ему и расскажешь. Он третий день лежит, позеленел уже. Обещал на кол тебя посадить, как только привезем.

– Ну, это бабушка надвое сказала, – возразил бортник и повернулся к дочери. – За домом присматривай. С медведя сними шкуру, мясо засоли, а левую лапу сохрани: от бессонницы помогает, – он подмигнул дочери. — Травы накоси, но только не в полночь у болота, а то косу можешь сломать о разрыв-траву. И мешочек с травой кукушкины слезы, что у печки висит, не трогай: память напрочь отшибает, еще и меня

забудешь! – грустно улыбнувшись, произнес он. – Ну, поехали, а то засветло не успеем.

– Доскачем, – не согласился старший, взбираясь на лошадь, которая трепещущими ноздрями ловила медвежий дух и тревожно перебирала копытами.

Один из мечников посадил бортника позади себя на лошадь. Девочка проводила их до ворот, посмотрела на лук и колчан со стрелами в волокуше, на левую лапу медведя, над которым кружил рой мух, черных, серых, зеленых.

Старый месяц старался боднуть острыми ртами тучное облако, проплывающее мимо, чтобы не закрыло его, дало еще посветить на луг у болота, где дочка бортника как бы отбивалась косой-горбушей от обступившей ее вражеской рати – высокой травы. Лезвие с тягучим шипением подрезало передних врагов под корень, укладывая на землю полукруглой полосой. Таких полос было уже десятка три, они тянулись от опушки леса, где паслась спутанная, соловая кобыла, казавшаяся в лунном свете серебристой, а под старой кривой березой лежал кудлатый пес с обрубленными ушами и хвостом и при каждом незнакомом звуке вскидывал голову, принюхивался и приоткрывал пасть, точно пугал невидимых врагов острыми клыками.

Коса звякнула и разлетелась на две части. Звук был такой пронзительный, что лошадь шарахнулась и всхрапнула, а собака грозно зарычала. Девочка собрала траву в том месте, отнесла в неглубокую впадинку, заполненную дождевой водой. Почти вся трава осталась плавать на поверхности, девочка отвела ее к одному краю, чтобы видно было дно, на котором лежала тонкая травинка с двумя четырехугольными листиками. Дочка бортника достала ее, повертела в руке, разглядывая. На воздухе травинка как бы покраснела от смущения, стала цвета червонного золота. Она была мягка, податлива, легко сворачивалась в кольцо и стремительно разворачивалась, стоило отпустить, а когда девочка дотронулась ею до обломка косы, тот пронзительно звякнул и распался на несколько частей. Девочка положила разрыв-траву в торбу, притороченную к седлу, где уже была медвежья лапа и мешочек с травой кукушкины слезы. Ловко вскочив в седло, она свистнула псу, поскакала по ночному лесу, замершему, опасливо усваивавшему перестук лошадиных копыт.

Съезжая изба стояла на площади рядом с двором боярина и напротив церкви. В верхних комнатах было темно и тихо, спали все, а в подвале светилося маленькое окошко – ребенок голову еле просунет, – заделанное бычьим пузырем. На дальней околице села постукивала колотушка сторожа и изредка взбредивала собака. Полаяли они и на боярском дворе, почуяв чужого пса, но так как он не отзывался, вскоре затихли. Дочка бортника слезла у избы с лошади, привязала ее к коновязи и показала рукой псу, чтобы лежал здесь. Она достала из торбы медвежью лапу, разрыв-траву и кукушкины слезы, подошла к обитой железом двери, ведущей в подвал, постучалась.

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

– Аминь! – послышался за дверью мужской голос. – Кого там нелегкая принесла?

– Я дочка бортника.

– Утром придешь, ему сейчас не до тебя.

– Мне надо к утру домой вернуться, за хозяйством некому присматривать. Я много принесла, на всех хватит, и медовухи целый кувшин.

– Пусти ее, – послышался другой мужской голос, подрагивающий, будто говорящий ехал в трясковой телеге.

Проскрипел дубовый запор, дверь приоткрылась. Чернобородый и кривой на правый глаз кат с жилистыми руками окинул девочку взглядом с головы до ног, пытаясь найти кувшин с медовухой. Дочка бортника поднесла к его лицу левую медвежью лапу, похожую на человеческую, только слишком заросшую, повела влево-вправо – и будто намазала густым клеем: глаза ката слиплись, щеки и губы обмякли, расплылись. Он покачнулся и, придерживаясь рукой за стену, спустился по лестнице в три ступеньки в комнатенку, низкую и узкую, в которой стоял стол и две лавки, а на стене висели орудия пыток. Кат добрался до ближней лавки и рухнул на нее, как подрубленный. Его товарищ, низколобый и с вывороченными ноздрями, словно набитыми комками черных волос, приоткрыл рот, намереваясь ругнуться, но не успел, потому что медвежья лапа с полусогнутыми, когтистыми пальцами поколебалась у его лица.

Второй кат успел зевнуть перед тем, как свалился, заснув мертвым сном.

Девочка подошла к маленькой дубовой двери с зарешеченным окошком вверху и закрытой на висячий замок, большой и ржавый. Через окошко из подвала тянуло сыростью,

гнилью, испражнениями, кровью и паленым мясом. Девочка дотронулась разрыв-травой до замка, он жалобно взвизгнул и разлетелся на несколько частей, завоняло дегтем. Она открыла дверь, замерла на пороге, привыкая к вони и темноте.

– Прямо иди, – позвал отец из глубины подвала. Девочка выставила вперед руки, прошла несколько шагов, путаясь ногами в соломе, гнилой и влажной.

– Чуть левее. Стой. Повернись к двери.

Девочка развернулась и заметила левее себя и чуть впереди лежавшего на полу отца, ноги которого были закованы в кандалы, приделанные к кольцу в стене. На груди бортника сидела белая мышка, умывалась. Когда пронзительно зазвенели рвущиеся кандалы, мышка неторопливо слезла с человека, побежала в нору под стеной.

– Помоги встать, – попросил отец.

Спина его была исполосована кнутами, живого места не найдешь, а руки, вывернутые в суставах, не шевелились. С помощью дочери он вышел из подвала, добрался до коновязи.

– Кукушкины слезы привезла? – спросил он дочь.

– Да.

– Дай псу.

Он присел перед кобелем, в зубах которого был узелок с травой кукушкины слезы, и представил, как он заходит во двор боярина, быстро подбегает к колодцу и роняет в него узелок, а потом, не вступая в драку с боярскими собаками, выбегает на улицу.

– Открой ему ворота, – сказал он дочери.

Девочка подошла к воротам боярского двора, просунула травинку с двумя четырехугольными листьями в щель калитки. По ту сторону ворот звякнуло железо и испуганно завыли собаки. Калитка малость приоткрылась, пес нырнул в просвет и исчез. Через какое-то время в глубине двора послышался собачий лай, истошный, многоголосый. Лай покатился к воротам. Пес с обрубленными ушами и хвостом выскочил со двора, развернулся, вздыбив шерсть на холке, и с радостным блеском в горящих глазах приготовился к драке, поджидая, когда первая собака выскочит за ворота. Не дождался, потому что девочка провела перед собачьими мордами медвежьей лапой – и в селе опять запала тишина, никто ни за кем не гнался и ни на кого не лаял.

– Этот медведь испугал лошадей, которые везли мои меда боярину, из-за него и разбилась большая бочка, выпив кото-

рую, позабыли бы о нас с тобой. Теперь напьются воды из колодца – и все-таки забудут, пока опять не заблудятся на охоте и случайно не наткнутся, – сказал бортник.

Дочь помогла ему сесть в седло, сама пристроилась сзади и, держа одной рукой поводья, а другой – отца, поскакала по безлюдной ночной улице. Следом бежал пес, безухий и безхвостый, и катился лай собак из дворов, мимо которых они проезжали.

В. Щербаков

Восточная Атлантида

СЕКРЕТ ЭТРУССКИХ ЗЕРКАЛ

Одна из древнейших этрусских фресок воспроизводит мотив с леопардом. Двое ведут коня под уздцы. На коне – мальчик, за спиной его – леопард или гепард. Зверь доверчиво положил лапу на плечо мальчика.

Фреска найдена на территории современной Италии, но родиной этрусков является Малая Азия. В языке хаттов, населявших Малую Азию 5-6 тысяч лет назад, можно найти в имени леопарда корень «рас». Этруски же называли сами себя расенами. Именно в Малой Азии, близ Гордиона, найдена недавно керамика, свойственная этрускам.

В древности море не разъединяло, а соединяло города, племена и земли. Корабль был главным средством передвижения. В Восточном Средиземноморье сложился единый язык. Носители его – древнейшие племена, поклонявшиеся леопарду-расу: расены, русы, русици. Именно они выдержали удар атлантов, вознамерившихся, по Платону, обратить в рабство все Средиземноморье.

Можно предположить, что этруски – прямые потомки древнейших жителей Средиземноморья. Именно в этрусской культуре, на раскопках древних этрусских городов, в этрусском языке можно найти новые следы Восточной Атлантиды, некогда противостоявшей атлантам.

Несмотря на неоднократные заверения авторов иных популярных статей, что этруски наконец заговорили или готовы заговорить, этого до сих пор еще не случилось.

Причин тому много. Одна из них – использование латинской транскрипции для «озвучивания» этрусских надписей. Но есть мнения и такие, что латиница не может ни передать особенности этрусского языка, ни привести к правильному

пониманию, как же звучали этрусские слова. В этом состояло и состоит главное препятствие, которое не позволило западным специалистам приблизиться к желаемой цели. Могут возразить: как же так, ведь много надписей переведено с этрусского? На это следует, к сожалению, ответить: большинство этих переводов неверны (и это тоже доказано), лишь немногие из них передают общий смысл надписи или текста. В этом не было бы беды, если не вступал в действие закон «обратной связи»: неправильные переводы влекут за собой новые неправильные расшифровки и переводы, что ведет к неизбежному тупику.

Надписи на дошедших до нас этрусских зеркалах небрежны, они выполнены скорописью, можно подумать, что мастер намеренно исказил написание букв, чтобы затруднить чтение непосвященным (большинство этих непосвященных вообще были неграмотными, и это вполне естественно для того времени). И оно должно было по замыслу автора надписей на бронзовых этрусских зеркалах остаться как бы по ту сторону тайны. Действительно, даже прочитав этрусские надписи, нелегко иной раз понять то или иное слово.

Главные особенности надписей состоят вот в чем: текст может читаться справа налево и слева направо, буквы нередко поворачиваются в сторону, противоположную направлению чтения, или вверх ногами, вместо одних букв пишутся другие.

Попробуем найти причину, которая бы объяснила эти особенности надписей. Прежде всего нужно вспомнить, что главное в этрусских зеркалах – не надписи, а рисунки, выполненные иногда мастерски даже по современным канонам. Кто выполнял рисунки? Художник. Ремесленник. Но художник мог быть и неграмотным. Научиться рисовать мог и раб, если он одарен от природы. Для этого ему не обязательно не только уметь писать, но даже говорить по-этрусски. А научиться писать было нелегко. Судя по всему, книг в Этрурии было не так уж много.

Но если мастер не умеет писать, он все же должен выполнить надпись, кратко характеризующую сюжет, изображаемый на зеркале. Как это сделать? Нужно, конечно, скопировать надпись – целиком или по частям – с какого-то эталона, образца. Этим образцом было другое зеркало. Легко убедиться, что это так: поставим книгу вертикально перед лежащим на столе зеркалом и обратим внимание, что буквы отражаются в нем. Если бы зеркало было бронзовым, оставалось бы лишь

обвести их острым резцом, процарапать на бронзе. Так, с зеркала на зеркало переносились надписи – целиком или по частям, по словам, иногда по буквам. Просто и быстро. Главное – не нужно знать этрусской грамоты. Но именно это и приводило к искажениям.

Буквы и слова зеркально отражались. Иногда точно так же отражались целые надписи. Но «заказчик» требовал «своей», оригинальной надписи и сюжета. Приходилось копировать с других зеркал и слова, и отдельные буквы, неизвестное количество раз таким же образом «зеркально отраженные». Кроме закона зеркального отражения, переворачивания букв и строк, вкрадывались и ошибки – они постепенно накапливались. В исключительных случаях мастеру «под руку» попадалась латинская надпись, с которой он копировал одну-две буквы, – есть и такие надписи на полированной бронзе.

Другая характерная особенность этрусского письма состоит в том, что писали чаще всего, как слышали, как произносили, в отличие от современного русского. Мягкого знака не было вообще, как не было букв «э», «ы», «щ», «ф», «ъ», «ч», «ю». Звуки «ф», «ч», «ю», передавались в этрусских надписях двумя буквами. Вместо «ы» писалась «и», как в украинском. Эта же буква «и» выполняла роль мягкого знака в конце слова. Часто «у» читалось как «о», а «з» как «ж». Звонкие согласные звучали глухо: «д» звучало как «т», «б», как «п» и т. д. – почти как в современном русском.

* * *

Остановимся на двух заключительных строках надписи «А» – главной этрусской надписи на золотой пластинке из Пирги, найденной сравнительно недавно. В русской транскрипции получим: «Авил ени ака пулу мква». Перевод, полученный этрускологами из сравнения с рядом помещенным финикийским текстом, гласит; «Годы как звезды». Применим сформулированные правила этрусского письма. «Ени» – они. «Пулу» – поле, поле. «Ака» – яки, яко, как. «Мква» – маково (пропущены гласные, как это часто бывало в древних текстах). Получим перевод: «Годы они как поле маково». Подобные примеры не должны удивлять: словно ветви могучего дерева современные языки сходятся к общим корням, к общим истокам.

Примерно на месте первопоселенцев Чатал-Хююка обособились хатты, затем – хетты. Многие корни хаттских и хетт-

ских слов перешли в славянские языки. Вот пример: медь по-хеттски называлась куваной. Корень этого слова остался в глаголе «ковать». Хаттское «свит» (свет) перевода не требует.

В хаттском языке есть важное слово «капрас». Его переводят как «леопард». Но это не просто леопард, а священный леопард. Корень «кап» остался в этрусском слове «капенкепен» – жрец и в славянском «капище» – святилище. Священный леопард хаттов – наследие глубокой древности, роль его подобна ягуару у мифических атлантов, а также у майя и их далеких предков.

Именно этрусский язык наряду с хаттским и хеттским, по-видимому, помогает установить связь между русскими корнями. Этрусское «пуя, поя» – это поилица. «Пуин» (буйный) такого же корня и означает буквально «опоенный». «Пуя» напоминает и о богине-матери из Чатал-Хююка. «Торна» – дорога – указывает на глагол «торить», который так прочно вошел в современный язык, что выражения «торная дорога», «торить дорогу» не наводят на мысль о тавтологии.

Этрусски – это, образно говоря, лист, оторванный от малоазийского, понтийского дерева. В этой связи можно вспомнить рутенов. И в «Слове о полку Игореве» упоминаются не венециане, а «венедици» – венедичи, венеды, тоже пришельца из Атлантиды.

* * *

Память о катастрофе и страшном потопе осталась в этрусском слове «тупи». Если вспомнить, что мягкого знака тогда не было, а его функции на конце слов выполняла буква «и», а также что звук, изображаемый буквой «у», произносился близко к «о», это слово можно записать в русской транскрипции так: «топь». Означает оно потоп, кару, ведь по представлениям того времени потоп был карой божьей. Именно так произошли, по-видимому, русские слова «топь», «топить», «потоп», «утопленник» и др.

Конечно, звучание древнего слова, сходного по форме с современным, еще не обеспечивает сходства смысла. Возможно, так и обстоит, например, с глаголом «схин» – брать. Цепочка «схин – скин – сгин – сгинуть» указывает (правильно ли?) на иное значение.

Есть в этрусском языке трудное слово «лаутни». Перевод его по существу выполнен. Слово означает зависимую группу людей, рабов например. Есть и другие переводы этого терми-

на: домочадец, вольноотпущенник, член семьи. Обратим внимание на звучание слова: лаутни – лаудни – людни – люди. Ясно, что буквы для звука «ю» не было, приходилось изображать его с помощью двух букв. Много позже слово это как бы вернулось в выражениях «люди графа» такого-то, «людская» и др.

В сложном термине «зилак мехл расенал» можно уловить уже знакомые созвучия. Перевод, по-видимому, должен звучать так: «предводитель силы расенов». Это соответствует и контексту. Некоторые исследовали – сторонники той точки зрения, что этруски не осознавали себя ни единым племенем, ни единым государством. Да, города этрусков – это скорее всего государства-полисы. Тем не менее этруски, основавшие двенадцатиградье, осознавали свое единство. У них существовал обычай вбивания гвоздя в стену храма (гвоздь по-этруски «клувень» – «головень»), потому что похож на головастика). Когда на стене храма не останется свободного места от вбитых гвоздей, народ этрусков, по их собственным поверьям, должен исчезнуть.

В большинстве своем этруски – простые «лаутни»: пахари, мастеровые, моряки, строители. Рисунки на зеркалах отражают глубокое и точное проникновение в психологию человека. Они показывают также, что этруски ценили юмор. На одном из рисунков молодец утолил жажду из фонтана, выполненного в виде головы льва, из пасти которого бьет струя воды – она заменяет зверю язык. Герой сцены говорит льву: «Хед сле!» (Иди следом за мной!) Каменный зверь отвечает: «Тиге се!» (Тяни это (струю воды)!)

Тин – главный бог этрусков, бог дня, света. Так же звучит этрусское слово «день». Но тот же корень и в китайском слове «тьен» – небо, и в японском переосмысленном «тен». Исследователь, не подозревающий о существовании восточной Атлантиды, тщетно будет составлять и ворошить тексты на разных языках, не умея, к примеру, объяснить наличие в тюркских языках славянских корней. Разумеется, еще прежде Китая и Японии, бывшей некогда частью материка, восточные атланты и их потомки достигли Индии.

* * *

...Сыны леопарда в свое время были силой, способной опрокинуть атлантов. Много тысячелетий спустя Этрурия или Скифия (занимавшая территории Закавказья вплоть до Пале-

стины) были лишь тенью былого величия восточной Атлантиды.

Катастрофа, которой еще не знала Земля, уничтожила не только Атлантиду Платона, но и все города Восточной Атлантиды – родины праязыка. Только спустя 2 тысячи лет начали подниматься первые поселки, в основном на континенте, вдали от берегов. Так возник Чатал-Хююк (название современное), Иерихон.

Но даже 4 тысячи лет спустя районы побережья не достигли былого расцвета. Древнейшие племена лишь частично оправившись от страшных потерь. Они сохранили язык и культ леопарда. Позже их потомков называли пеласгами. В древнейших финикийских, критских, малоазийских, эгейских поселениях говорили на том же праязыке. На рубеже 3-2-го тысячелетия до н. э. из континентальных районов пришли греки-ахейцы, племена которых в древности менее пострадали от катастрофы, так как районы их обитания не были связаны с морем и не подвергались опустошению стихиями, уничтожившими Атлантиду.

Подлинные варвары – греки захватили территорию современной Греции, разрушили города пеласгов, их крепости, сровняли с землей крепость Пеласгикон, на месте которой лишь через полторы тысячи лет построили Парфенон. Многие из пеласгов переправились на Крит, спасаясь от вторжения. На Крите до этого процветали города пеласгов-минойцев. Письменность их прочитана, но не понята до сих пор. Язык их неизвестен лингвистам, хотя это и есть, вероятно, тот праязык, на котором говорили лидийцы, ханаанеи, киммерийцы, трипольцы, этруски, жители Трои и многие, многие другие племена, близко родственные пеласгам («белым богам» древности). В период после гипотетической гибели Атлантиды начинается, образно говоря, новый виток человеческой истории.

В середине 2-го тысячелетия до н. э. греки добрались и до Крита. Полнокровное искусство минойцев-пеласгов уступает место сухой и безжизненной стилизации. Традиционные для минойской живописи мотивы – цветы, морские звезды, осьминоги на вазах дворцового стиля – исчезают или перерождаются в абстрактные графические схемы.

И все же ахейская культура греков смогла многое заимствовать от минойцев, потомков восточных атлантов. В том числе линейное слоговое письмо, религиозные обряды вместе

с самими богами, водопровод, фресковую живопись, фасоны одежды и многое другое.

Примерно через 700 лет наступил расцвет ахейской микенской культуры. Но на земли Греции и прилегающие районы обрушилось новое нашествие греков-варваров, известных под именем дорийцев. После него начался новый период греческой истории – гомеровский, по имени певца Гомера. Дорийское завоевание отбросило Грецию на несколько столетий назад. Дворцы, цитадели и целые города лежали в развалинах. Даже в Афинах, не разграбленных дорийцами, акрополь был покинут жителями. Произведения искусства дорийского периода по своему художественному уровню отделены пропастью от минойских или микенских времен. Время не просто замерло на 2 тысячи лет – оно как бы вернулось назад.

...Знакомство с кроманьонским искусством не может не привести к любопытным выводам. Уже на заре предистории человечества кроманьонские мастера умело передавали движение, повадки животным. Они использовали скромную цветовую гамму, но их произведения, насчитывающие 20-15 тысяч лет, поражают именно сегодня, когда художники открыли новые направления в живописи. Как отмечалось выше, некоторым шедеврам в пещерах Ласко, Дордонь, Альтамира и других нет аналогий в современном искусстве, настолько они совершенны в главном – в способе передачи движения и состояния. Но у кроманьонцев не было мастеров в собственном смысле этого слова, ибо племя насчитывало лишь несколько десятков человек. Живописью занимались один или несколько из этих десятков людей, ведших борьбу за выживание. Вывод напрашивается парадоксальный: почти каждый из кроманьонцев должен был быть художником, притом талантливым даже по современным меркам. И недаром, к примеру, найдены музыкальные инструменты на стоянках, которым более 20 тысяч лет. Следовало бы выдать патент на изобретение современному ученому, который сможет наконец разъяснить, как восточные кроманьонцы Сунгирия выпрямляли бивни мамонта и затем разрезали их вдоль для того, чтобы изготавливать копья.

Вообще же секреты кроманьонцев еще ждут своих первооткрывателей. Тема эта близка к теме нашего рассказа, поскольку в этрусском искусстве как бы ожили некоторые приемы живописи кроманьонцев. Та же идея движения, та же стремительность линий, то же неповторимое мастерство в изображении состояний людей и животных, то же тяготение к

фиксации мгновенных поз. Из этой эпохи берет начало обожествление женщины. Вспомним богиню-мать Чатал-Хююка. Это седая древность. Но после хаттов и хеттов этрусски, жившие в Малой Азии, сохранили от матриархата кроманьонцев многие верования. После того как часть этрусков переселилась на территорию нынешней Италии, многое в их верованиях все еще оставалось неизменным. Отсюда, к примеру, та удивительная свобода, которой пользовались женщины в Этрурии, та роль их в общественной жизни, которая удивляла римлян. Заметим попутно, что многочисленные каменные статуэтки кроманьонских мадонн со всей полнотой отражают примерно те же взгляды на роль женщины.

ПОТОМКИ СЫНОВ ЛЕОПАРДА

Римский историк Тит Ливий писал об этрусках 1-го тысячелетия до н. э. следующее: «Империя этрусков до Римской империи охватывала значительные пространства по суше и по морю. Названия свидетельствуют о том, что они господствовали на верхнем и нижнем морях, которыми омывается Италия наподобие острова. Одно из них итальянские народы называют Тусским, по имени народа, другое – Адриатическим, от Адрии, колонии этрусков, греки же – соответственно Тирренским и Адриатическим. И, распространяясь по тому и другому морю, они заселили землю своими двенадцатью городами».

Пятидесятивесельные этрусские корабли – пентеконтеры – достигали двадцатипятиметровой длины и бороздили средиземноморские просторы как вблизи Этрурии, так и в самых удаленных от нее местах. Боевые суда этрусков снабжались подводным металлическим тараном, который римляне называли ростром. На монетах Ветулонии и других этрусских городов-полисов можно увидеть изображение усовершенствованного якоря с двумя металлическими лапами. Нетрудно понять удобства, даваемые таким якорем: до его изобретения использовались якорные камни и корзины с камнями. Многие находки этрусских мастеров продолжают традицию, берущую начало в Восточной Атлантиде.

Мастер VII века до н. э. изобразил морской бой. На палубах двадцативесельных кораблей стоят вооруженные воины. Один из кораблей явно собирается таранить противника. Это этрусское судно.

Роль моря в жизни этрусков столь велика, что само появление их на Апеннинском полуострове иногда связывается с длительным морским путешествием.

Уместно вспомнить, что древней родиной викингов, отдаленных родственников этрусков, является черноморское или каспийское побережье. Вождя викингов, приведшего свой народ в Скандинавию из Причерноморья, звали Одним; после смерти его провозгласили богом. Снорри Стурлусон считает, что причиной переселения послужила римская экспансия. Случилось это примерно в I веке н. э. Автору этих строк довелось познакомиться с развалинами римской крепости близ Пицунды – наглядным свидетельством натиска Рима на восток.

Есть свидетельство, что на рубеже нашей эры в альпийских долинах говорили еще по-этрусски. Позднее рутены совершили переход к Днепру, «на родину». Возможно, в этом походе участвовали потомки этрусков из северных районов.

* * *

Что именно дала Этрурия Риму? Вот краткий перечень: музыкальные инструменты, роstr и якорь, театр, горное дело, керамику и металлообработку, траволечение, мелиорацию, города в Италии, искусство гадания, капитолийскую волчицу. Согласно преданию, этруская династия правила в Риме с 616 по 509 год до н. э. Влияние этрусков распространилось на всю Италию. Этрусские кулачные бойцы участвовали в римских празднествах. Почти все, что этруски построили в «вечном городе», римляне впоследствии определили эпитетом «величайший». Этруская система каналов и сегодня является частью городского хозяйства Рима. Этрусский щит, этрусское копье, этрусские доспехи надежно защищали Рим и Италию. Мюлештейн писал: «Этрурия – колыбель Рима. Рим – могила этрусков». Небезынтересно отметить, что этрусские пророки смогли точно предсказать время гибели Этрурии. С ослабленной Этрурией было покончено, когда римские императоры стали селить на ее земле римлян.

Этрусское искусство было открыто недавно; стремясь доказать свое происхождение от богов, римляне постарались «забыть» о «толстых этрусках», как они их пренебрежительно называли. Но величайший архитектурный памятник – это все же не пирамида Хеопса, а этруская гробница в Клузии. Дело

не только в размерах. Вот как Плиний Старший описывает могилу близ Клузия:

«Порсенна похоронен недалеко от Клузия, где оставил четырехгранный памятник из каменных плит; длина его сторон составляет 300 стоп (88,8 метра), высота 50 стоп (14,8 метра). В этом квадратном постаменте расположен непроходимый лабиринт; если кто-нибудь в него войдет без клубка шерсти, то не сможет найти выход. На этом четырехгранном постаменте стоят пять пирамид: четыре в углу и одна в центре. У основания они шириной 75 стоп (22,2 метра), а высотой 150 стоп (44,4 метра). Они сужаются в высоту так, что сверху покрыты металлическим кругом, с которого свисают колокола на цепях. Их раскачивает ветер, и их звук слышен вдали, так же как это было в Додоне. На этом круге стоят четыре пирамиды, каждая высотой 100 стоп (29,6 метра). Над ними на общем основании стоят пять пирамид, высоту которых Варрон не сумел привести; этрусские источники, однако, утверждают, что они были так же высоки, как вся постройка до них».

Ни Варрон, со слов которого это было записано, ни Плиний не могут привести сведений о третьем этапе пирамид, потому что архитектурный замысел этрусков остается для них за семью печатями. Между тем в этом величественном надгробии сквозит идея изменчивости всего сущего, идея движения (пронизывающая этрусское искусство). В сооружении использованы самые простые формы. Именно этот эффект и не позволил, вероятно, оценить высоту верхнего этажа пирамид. Пирамиды эти были разновеликими, что еще более усиливало иллюзию метаморфозы. Центральная пирамида верхнего этажа была высотой 74 метра (это сумма высот первого и второго этажа пирамид). Четыре боковые пирамиды создавали впечатление верхней ломаной линии, которая гармонично сочеталась с нижним изломом у квадратного постамента. Они были меньшей высоты – ее нетрудно рассчитать: 19,7 метра. Уменьшающаяся от этажа к этажу высота пирамид создавала плавную линию; квадратное основание и высокая верхняя пирамида придавали сооружению стройность. Все вместе создавало ощущение неповторимого движения с резкими переходами от одной пирамиды к другой. Но римские историки не могли понять и другого: пирамидами они называли этрусские шатры – основу многих последующих архитектурных форм.

Все сооружение выше пирамиды Хеопса, но производит совершенно иное впечатление.

Этрусские пирамиды-шатры, однако, не так долговечны, как сплошное каменное тело. Но ведь и разрушение, по мысли этрусских мудрецов, лишь одна из форм движения. Может быть, именно гробница в Клузии наводит на мысль об общих истоках древнейшего обычая строить пирамиды, который известен и по ту и по эту сторону Атлантики. И снова уместен вопрос: не Атлантида ли родина этого обычая?..

* * *

Схематичность и скудность сведений вообще характерны для средневековых карт и географических описаний. Когда же речь идет о «варварах», то античная традиция прямо-таки не оставляет для них места ни на суше, ни на море. Монахи веками придерживались старых образцов и продолжали обозначать многие страны и области названиями бывших провинций Римской империи. Веками признавали они лишь те народы и государства, которые приняли христианство. Но, имея в виду некоторые вышеизложенные вопросы, есть смысл задать и такой: что же известно о Руси дохристианского периода?

Прежде всего топонимику, восходящую к имени Русь, удастся выявить на Дунае для середины IX века н. э. в немецких источниках «Житие Св. Георгия Амстридского» и «Житие Св. Стефания Сурожского» упоминают Русь в Северном Причерноморье. Упоминания эти переносят нас сразу в VIII век. Ранее этого времени Руси как будто бы не существует ни в умах сеятелей христианства среди «варваров», ни в умах современных западных историков и публицистов.

Но если классическое римское воспитание помешало средневековым историкам и географам рассмотреть Русь и славян, несмотря на относительную многочисленность последних, приведшую к прочным позициям Болгарии в прежних пределах Византии (а ведь Болгария – это государство славян и протоболгар со славянским языком в качестве государственного), то не помогут ли решить этот нелегкий и щекотливый вопрос восточные авторы?

Аль-Идриси составил в 1154 году карту для короля Роджера II. На ней можно найти 2500 названий. В тексте его книги названий еще больше – около 7000. Академик Б. А. Рыбаков раскрыл значение труда аль-Идриси в своей книге «Киевская Русь и русские княжества». Для понимания последующего важно отметить что «река русов» аль-Идриси –

это не что иное, как Керченский пролив. Его рассказ о трех городах русов также заслуживает доверия.

Анонимный автор «Худуд ал-Алем» («Пределы мира») остановил указания координат и мест обитания всех известных ему народов. Это позволило Б. А. Рыбакову уточнить положение Руси начиная с VI века н. э. Русь располагалась к северу от Черного моря, но, как близко она подходила к самому побережью в разное время, вопрос все же невыясненный. По-видимому, связь с Черноморским побережьем сохранялась длительный период. Более того, само образование русского долетописного государства началось с района побережья.

Чтобы подтвердить эту мысль, придется вспомнить сначала выдающегося ученого средневекового Востока аль-Хорезми. Его сочинение «Книга картины Земли» написано между 837 и 846 годами н. э. Считается, что сочинение аль-Хорезми представляет собой не что иное, как переработку «Географического руководства» александрийского ученого II века н. э. Клавдия Птолемея. Однако это не соответствует действительности, по крайней мере в той части труда, которая посвящена Северному Причерноморью. Аль-Хорезми называет среди прочих следующие города этого региона: Арусиния, Арсаса, Растянис. Во всех этих названиях (если учесть возможное выпадение гласных) присутствует корень «рус» или «рас». Одно это не дает возможности, к сожалению, прийти к однозначным выводам. Неизвестно к тому же, о каком времени идет речь в книге аль-Хорезми. По карте и по тексту ясно, между прочим, что Азовское море не соединяется с Черным. Это написано вопреки Птолемею. Аль-Идриси позднее прочертил здесь «реку русов», которая соединили оба моря.

Размышляя над древними текстами, приходишь к мысли, что связь Руси с Черным морем неразрывная, исконная. Не о том ли говорят, к примеру, русские сказки и предания. За «сине море» отправляются русские корабли, из-за «моря синя» прибывают иноземные гости с товарами. Об этом напоминает как будто бы самим своим именем город Арусиния. Это и было отправной точкой и путеводной нитью в исследованиях автора этих строк.

Любопытный факт: в Турции есть город Мерсин, основанный еще хеттами более 3 тысячелетий назад, и на современном русском название этого города звучит почти так же, как в давние хеттские времена: «море сине». Расположен город на берегу Средиземного моря. Когда-то чешский ученый

Б. Грозный расшифровал хеттское письмо и обнаружил сходство этого языка со славянскими. Хетты жили в Малой Азии (почти по соседству с современными славянами).

Вся история Этрурии, хеттских государств в Малой Азии и других регионов свидетельствует: корни славянских языков, начальный опыт их государственности следует искать в глубине тысячелетий, близ «моря синего». Но одно дело – язык, и совсем другое – система письменности. Языки сходные, но хетты употребляли и иероглифы и клинопись, этруски же использовали буквы, похожие на финикийские, – они легли затем в основу латинского и греческого алфавитов. Слова общие – буквы и знаки для письма разные. Это затрудняет расшифровку.

* * *

К каким же источникам обратиться для уяснения последовательности событий, которые привели к образованию Русского государства? Конечно же прежде всего к «Повести временных лет», которая, по словам К. Н. Бестужева-Рюмина, является «архивом», в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы». В этой гибели произведений «первоначальной литературы» повинна и реформа, связанная с именами Кирилла и Мефодия. Надо полагать, произведения, записанные до введения кириллицы на Руси, ретивые последователи реформистов постарались изъять из культурного обихода, предать забвению или поступить с ними еще более круто.

Первая часть «Повести...» напоминает краткий реферат утраченного навсегда. Славянский народ выделился из племени сына Ноя – Иафета. Одна из ветвей его – поляне. Апостол Андрей побывал на Днепре, благословил то место, где позднее был основан Киев, затем пришел якобы «в словены» то есть пометил будущую Новгородскую землю. Там, наблюдая за обычаями, в числе прочих он был поражен обычаем местных жителей хлестать себя до бесчувствия в жарко натопленных банях. От благословения тогда он, видимо, воздержался. Автор «Повести...» выбирает эпизоды, выгодные с точки зрения князей-полян, иронизируя над «словенами». Что же, ныне археолога как будто бы доказали, что ветвь полян и ветвь «словен» – новгородцев – разошлись задолго до гипотетического путешествия Андрея. По всем антропологическим признакам новгородцы – западные славяне, близкие к бодричам. Поляне

же как будто более «исконны». Эпизод с первосвященником Андреем дает важную временную мету, показывает, какими глобальными периодами оперирует автор «Повести...», пытаясь сжать до предела записанную некогда историю славянства, выбросить из нее все, что не нужно, с его точки зрения, и оставить при этом пусть легенды, но зато нужные с княжеской, государственной точки зрения. Как нетрудно понять, время сыновей Ноя и разделения земли между ними относится к началу послепотопного периода, то есть возможно ко времени Атлантиды Платона. Путешествие же Андрея относится к I веку н. э.

Затем в «Повести...» идет рассказ о строительстве Киева тремя предводителями родов у полян. Вот их имена – Кий, Шек, Хорив. Имя их сестры – Лыбедь. Киев назван по имени старшего брата. Попутно опровергается слух, будто Кий был перевозчиком. Нет, утверждает автор, он был не перевозчиком, а князем.

Вряд ли можно перечислить всех братьев, которые, по наитию авторов летописей, легенд и сказов, принимали участие в основании городов. Таков, к примеру, мотив известной песни сербов об основании тремя братьями города. Радим и Вятко будто бы родоначальники вятичей и радимичей. Основание Харькова связывалось с именем Харька. Даже в Новгород как будто бы пришли три брата-варяга. Думается, в такой форме в памяти народной события удерживаются легче. Однако долг историка – отделить правду от вымысла

Не случайно выше отмечена глобальность временных вех, которые расставил автор «Повести...». И вехи эти помогают сделать необходимые обобщения. В жизни и в истории имена героям и путешественникам часто даются по имени земли, откуда они вышли. Вспомним хотя бы былинного богатыря Илью Муромца, родина которого – под городом Муромом. Примерно так же обстоит с князьями – предводителями родов. Вряд ли есть основания утверждать, что три брата да еще с сестрой Лыбедью могли одновременно возглавлять три рода полян. Напротив, три племени, объединившись в племенной союз (явление характерное), оставили на память об этом событии нарицательные имена своих вождей, которые совпадали с названиями отдельных племен. Вероятнее всего, это могли быть названия земель, откуда вышли коллективные члены племенного союза.

Построение гипотезы начнем со Шека, одного из трех предводителей полян. Можно ли отыскать на карте место, которое сохранило бы подобное этому имени название земли или княжества? Да, можно. Для этого надо обратиться к карте Малой Азии времен хеттского владычества. На западе Анатолии во 2-м тысячелетии до н. э. можно отыскать государство Сеха, которое по сути было объединением отдельных княжеств. Это была густонаселенная земля, процветающая и богатая. Не должно смущать соответствие звуков «с-ш». Город Хашшу, к примеру, в письменных источниках называется Хассувой. Письменное «с» звучало как шипящий звук. Итак, вместо «Сеха» звучало «Шеха». Вспомним теперь о правилах чтения этрусских надписей, ведь этруски тоже вышли из Малой Азии! Знак «а» может читаться как «о». Шеко – вот подлинное название государства или княжества, откуда родом Шек. Фракийские данные указывают на то, что собственное имя следует так и читать: Шеко, но не Шек!

Обратимся к имени Кий. Если гипотеза верна, то землю Кия следует искать по соседству с Шеко: ведь роды полян говорили на одном языке! И такая земля действительно лежала по соседству с Шеко. Это Аххиява, или, точнее, Акиява. Хеттские источники сообщают, что, в XIII веке до н. э. «человек Акия» все чаще нападал на земли, зависевшие от хеттов. «Человек Акия» – это мог быть князь Акиявы. В сокращении имя это звучит Кий. Любопытно, что даже хетты называли князя Акиявы не его собственным именем, а нарицательно, по названию его земли.

Третье имя – Хорив – звучит по-киевски на «о». Подлинное звучание этого имени восстановится, если учесть неизбежную замену звука «в» на «б». Ведь и «басилей» звучало у киевлян как «Василий», но историка интересует исконное, хетто-лувийское звучание. Хорив – это Кориб. Но в словаре живого великорусского языка слово «короб» не без оснований связывается с «кораблем». Кориб – это корабль. Корень «кар», «кор» можно найти в древнейших каппадокийских табличках именно в подобном значении. Но можно ли, право, связать слово «кориб – короб – корабль» с названием земли, местности или княжества? Задача казалась бы почти невыполнимой, если бы на карте Малой Азии не нашлось такой земли у самого важного морского пролива древности – Босфора. Босфор – это мост между Европой и Азией, это единственная возможность перешагнуть с континента на континент. Но в те време-

на, понятно, моста еще не было. Для кораблей хеттского времени Босфор был даже меньшим препятствием, чем крупная река. А небольшое государство, которое владело Босфором и прилегающим районом, называлось так: Каркиса. В нем то же корень «кар». Суффикс же в слове подобен суффиксу в названии столицы хеттов – Хатуссы. Земля хеттов именовалась страной Хатти; один из хеттских правителей носил имя Хаттусили, то есть Хатусский. Все это помогает понять, почему имена, произведенные от названия земли или страны, были для хеттолувийцев и позднее для славян важнее, чем имена собственные.

О сестре Лыбеди можно сказать несколько слов. Имя это, бесспорно, нарицательное и восходит к временам Лувии или, быть может, Лидии. Но все перечисленные земли соседствовали. Их жители говорили, возможно, на одном языке. После разгрома Трои и вторжения иноземцев они должны были искать пристанища за Босфором, уже в Европе. За их спиной разоренное, разгромленное государство хеттов, сожженная Хатусса, уничтоженные поселения Анатолии. Шел XIII век до н. э...

Остается объяснить, почему автор «Повести...» так ревностно защищает Кия, отстаивая его княжеское звание. Неужели у кого-то были серьезные основания называть его перевозчиком? Да, такие основания были. На земле Акиявы располагалась Троя – легендарный город, владевший морским побережьем. Многих, очень многих горожан-троянцев можно было с полным правом назвать перевозчиками. Флот Трои перевозил огромную по тем временам массу товаров. И в этом смысле Кий с неизбежностью был «перевозчиком», как, возможно, не без иронии называли его конкуренты-ахейцы, в конце концов разрушившие Трою.

Если взять название Акиява за отправной пункт гипотезы, становится понятным, почему утрачено заглавное «А» в славянском написании. Кий – самостоятельное имя в древнерусском языке – но так же назывался по Страбону один из городов Анатолии, и сохранение заглавной буквы привело бы к бессмыслице.

Сказанное о землях Анатолии не должно удивлять историка. Хорошо известно, что каски воевали со страной Хатти. Жили они на севере Анатолии, где их можно было найти в том же XIII веке до н. э. Однако спустя 2,5 тысячи лет автор «Слова о полку Игореве» пишет о касогах и о русском князе, кото-

рый зарезал Редедю перед полками касожскими. Касоги – это каски. Факт этот не вызывает возражений. Но касоги-каска перебрались на северное побережье Черного моря. И за 2,5 тысячи лет уклад их жизни к тому же мало изменился по сравнению с хеттскими временами. Такие периоды остановившегося развития можно было бы указать и у других племен. Они могут быть очень длительными. Условно можно назвать это аис-фазой, употребив древнее слово «аис» (яйцо). Аис-фаза самих хеттов после разгрома их государства длилась около тысячи лет, после чего хетты вообще исчезли, вероятно ассимилировались. Тому есть доказательства. Римский поэт Овидий был сослан в город нижнего Подунавья Томы и оттуда присылал своим друзьям любопытные поэтические послания. Овидий писал, что живет он среди гетов, которые разъезжают на конях по улицам города с ножами у бедра, насмеяются над латинской речью Овидия, считая ее варварской, а в другое время беседуют с ним и сочувствуют его несчастью под влиянием речи гетов язык греков, живущих в тех же Томах, исказился и стал почти варварским. Поэт выучивает гетский язык и сочиняет на нем оду, восхваляющую императора, за что геты присуждают ему звание поэта. Любопытно, что античный мир вообще не знал о великой державе хеттов. Тем не менее геты – это, вероятно, потомки хеттов, переселившихся из Анатолии. Об этом говорит и имя одного из вождей гетов – Дромихет. Тысячу лет спустя после падения империи хеттов, в III веке до н. э., войско Дромихета успешно противостояло войскам самого Александра Македонского и его преемников. Дромихет разбил наголову греческие рати полководца Лисимаха. Но теперь, на втором витке истории, племенной союз гетов-хеттов сложился на новой территории – севернее Дуная. В далекой Хатуссе, древней столице одной из самых могущественных держав древнего мира, глиняные таблички с записями о великих победах хеттов были погребены под тысячелетними руинами, а совсем в другом мире, за Босфором и Дунаем, далекие потомки хеттских воинов сражались с греками, не помня ничего об истории своих грозных предков, остановивших некогда войско Рамзеса II под Кадешем.

Овидий описывает шумные сходки гетов, которые, потрясая оружием, обсуждают в собрании волнующие их вопросы. По его мнению, это несомненный признак варварства гетов. Однако ни Овидий, ни его современники, ни даже поздние историки нового времени вплоть до недавних лет не подозре-

вали о существовании в Анатолии великой цивилизации хеттов, создавших яркую культуру, литературу, оставивших выразительные памятники архитектуры. Ныне же, сопоставляя свидетельства Овидия с письменными источниками Хатуссы, невольно ловишь себя на мысли о поразительном сходстве обычаев и нравов гетов-хеттов. Точно так же еще за полторы тысячи лет до Овидия хетты собирались с оружием в руках на народные собрания – панку. И царская власть вынуждена была бороться с народным собранием за полноту власти. Варварство? Отнюдь. Всего лишь форма государственного устройства, отличная от римских эталонов периода империи.

Конечно же все вышесказанное имеет прямое отношение и к теме происхождения Руси, ведь племена хетто-лувийцев и – косвенно – их предшественников – хаттов влились в, конечном счете в те самые роды полян, о которых говорит русская летопись.

Но хетты лишь переняли многое из культурного наследия хаттов, столицу которых они взяли приступом и разграбили. Главным в этом наследии был язык. После того как центральная часть страны была разорена, наследниками языка и культуры хаттов стали окраины Анатолии. Со временем там образовалось государство Арцава, соперничавшее с новой землей хеттов. Именно Арцава стала прибежищем потомков хаттов-лувийцев. Именно здесь сохранился культ леопарда-раса, который к тому времени насчитывал уже многие тысячелетия, начиная от потопа, уничтожившего, по преданию, Атлантиду. Более тридцати поколений каменных изваяний леопардов покоятся в руинах хаттских и протохаттских городов.

Рас, или в соответствии с современным произношением рус, дал некогда начало племени русов – восточных атлантов, которые задолго до шумерийцев населили Двуречье (протошумеры), расселились на обширных территориях Ливии, долины Нила, Северной Индии, дошли до Китая и Японии. Священный змей – второй главный символ русов. Он широко известен под личиной дракона на Востоке.

Круг замкнулся. Арцава была последним государственным образованием русов в Малой Азии. Лишь хетты хранили некоторые из традиций старой культуры, да Урарту и Скифия ненадолго воскресили древние обычаи восточных атлантов.

После длительной аис-фазы начался новый круг – севернее Черного моря; там возникли города Арусиния, Арусас, Растьянис, которые называет аль-Хорезми. Затем, тысячу лет

спустя, возник Киев-Киява, о чем шла речь выше. Трезубец бога морей, изображение леопарда и позже украшали гербы городов и государств русов; другие символы восточных атлантов вместе с языковыми корнями перешли в другие регионы планеты. Взамен и в языке их потомков – русских и славян – появились новые и новейшие корни.

И Шеко, и Акиява, и Каркиса, и некоторые другие области Малой Азии были в зависимости от Арцавы – государства, о котором известно гораздо меньше, чем об империи хеттов, но которое было не менее могущественным. Арцава соперничала со своим грозным соседом – хеттским государством. В правильном произношении Арцава – это не что иное, как Арусиява. Именно эта область после разгрома хеттами столицы хаттов стала восприемником традиций сынов леопарда. Дж. Г. Маккуин помещает Арцаву на юго-западе Анатолии. Согласно этому же автору, Троя находилась на территории Аххиявы-Акиявы. В «Слове» выражение «земля Троянова» употребляется в значении «земля Русская». Есть и «тропа Троянова», и «века Трояновы». Троян иногда упоминается в ряду языческих богов Древней Руси. «Мы знаем в «Слове» замечательный героический дух всей последующей русской литерату...» – пишет академик Д. И. Лихачев. Но вероятно, была и предшествующая «Слову» литература. Быть может, выражение «землю Трояню» нужно читать как «землю Троян», то есть землю жителей Трои? Тогда тропа троян – это путь переселенцев из Малой Азии, оставшийся в памяти народной и памяти певцов.

* * *

Этруски были отважными мореплавателями, Историки свидетельствуют, что они не раз выходили в открытый океан. То же можно сказать о ближайших родственниках этрусков – филистимлянах и первопоселенцах Финикии.

Многих исследователей привлекает загадка происхождения гуанчей, населявших Канарские острова. Сохранились даже отдельные надписи гуанчей, начертанные на камнях. Однако оставшийся материал ввиду незначительного объема пока не позволяет произвести расшифровку. Можно говорить лишь о более или менее достоверном прочтении одного-единственного слова «жизнь». Так же как этруски, гуанчи были гостеприимным народом, любившим музыку и танцы. Жили они в каменных домах, умели бальзамировать тела умерших.

Их добродушие и честность поражали европейских пришельцев. Поклонялись гуанчи Солнцу. Одна из морских экспедиций этрусков могла привести к заселению одного или нескольких островов Канарского архипелага.

Но в подобных экспедициях корабли могли сбиваться с курса, бури могли относить их далеко в океан. Человеческую маску с высунутым языком этрусски изображали на бронзовых зеркалах. Точную копию этой маски конкистадоры увидели в Америке. Она и сейчас украшает стены храмов, созданных во времена древних цивилизаций Америки.

Некоторые этрускологи считают, что маска эта – изображение головы Горгоны. Что касается ее американской копии, то о ней предпочитают умалчивать. Дело в том, что такая маска не может быть «дублирована» случайно: это явный признак культурных контактов. Можно объяснить сходство пирамид, календарей, некоторых образов, исходя из того, что Солнце одинаково светит всем – на том и на этом берегу Атлантики. Однако маска с высунутым языком несет вполне конкретную и однозначную информацию. Чтобы разобраться в этом, обратим прежде всего внимание на этрусские тексты, которые не переведены этрускологами. На одном из зеркал изображена человеческая голова с высунутым языком. Женщина протыкает эту голову копьем. Рядом стоит мужчина с кинжалом наготове. Текст гласит: «Ведме акоенем». «Ведему окаянному!» – вот что начертано рукой этрусского мастера. Что же за сцена изображена на зеркале? Не может быть и речи о Медузе Горгоне, ведь голова мужская. Речь идет о борьбе с колдуном. Ведем, ведьма – так они назывались у этрусков; второе из этих слов осталось у нас до сего дня. Корень тот же, что и в слове «ведать». Колдун, ведьма знают то, что сокрыто от других. Они могут наслать болезнь, сглазить, открыть чужую тайну.

В капитальном труде А. Н. Афанасьева о верованиях древних славян читаем: «Умирая, колдун и ведьма испытывают страшные муки; злые духи входят в них, терзают им внутренности и вытягивают из горла язык на целые пол-аршина».

Какую же роль выполняла маска на предполагаемой второй родине этрусков – в Америке? Ответ может быть только один: она символизировала гибель колдуна, ведьмы, конец колдовских чар. Ведь известно, что такого рода символы – лучшее оружие против живых колдунов. Маски майя и ацтеков охраняли людей и в этом и в загробном царстве. Многое в

язычестве вполне могло быть обязано вере такого рода. Это отголосок верований далеких предков этрусков – восточных атлантов, кроманьонцев.

Зарид, Озирис, Тот, Мут... Имена древнеегипетских богов – это имена восточных атлантов. Зариду арабские источники приписывают строительство допотопной пирамиды, в которой должны были быть сохранены такие достижения кроманьонских мастеров, как нержавеющая сталь («железо, которое не ржавеет»), гибкое стекло и т. д. Это не более чем одна из легенд о допотопной цивилизации, однако трудно отрицать, что и в имени Озирис, и в имени Зарид присутствует этрусский, а точнее, восточно-атлантический корень «зар», «жар». Озирис – озаренный. Правильное звучание этого имени – Озаре. Одного корня слова «заря», «жар» и другие. Озирис был богом озаряемой Солнцем природы. Змей Апоп был врагом Солнца. Могучий хвост этого змея, вполне возможно, мог символизировать магму, выплеснувшуюся вверх после того, как земную кору пробил гигантский метеорит. Упал он предположительно в Атлантический океан. Соединение воды и магмы породило камнепад, распыление огромного количества вещества в атмосфере, ливни и сели. Наступило время хаоса, отраженное в мифах многих народов. Атлантида «потонула». На бронзовом этруском кораблике, найденном в городе Ветулонии, разместился целый зверинец. Здесь «каждой твари по паре». Это некое подобие Ноева ковчега, отмечает этрусколог А. И. Немировский. Добиблейские – и догомеровские – представления этрусков о мире, о катастрофе и потопе отразились в их неповторимом искусстве. И об этом говорили выше.

После катастрофы кончился ледниковый период. Атлантида перестала преграждать путь Гольфстриму на север – огромные территории Европы освободились ото льда. Возникла необходимость заселить эти районы. Племена древнего Средиземноморья двинулись на север и северо-запад; движение это, то ослабляясь, то вновь набирая силу, длилось тысячелетиями. Таким образом, есть достаточное, с нашей точки зрения, основание предположить, что этнос Европы с некоторыми поправками – это этнос древнего и древнейшего Средиземноморья, восточной Атлантиды.

Объединенная редакция журналов
"Приключения, Фантастика", "Галактика", "Метагалактика",
газеты **"Голос Вселенной"**
и издательство **"Метагалактика"** объявляют конкурс

МИРЫ ЮРИЯ ПЕТУХОВА

I раздел

Конкурс на лучшие цветные и черно-белые иллюстрации к произведениям писателя Юрия Петухова "Звездная месть", "Бойня", "Сатанинское зелье", "Западня", "Измена", "Дорогами богов" и др., включая публицистику.

Конкурс проводится по трем группам участников:

1. Профессиональные художники, графики.
2. Художники-любители.
3. Дети до 15 лет (здесь потребуется помощь родителей, учителей, воспитателей, работников библиотек, кружков, студий и школ художественного творчества).

II раздел

Конкурс литературно-критических рецензий на произведения писателя (или одно выборочное произведение).

Количество работ, их формат, техника исполнения не регламентируются и не ограничиваются.

По результатам конкурса для каждой группы установлены призы и денежные премии. Конкурсные работы будут публиковаться в наших изданиях и альбомах.

Конкурс рассчитан на 5 лет. Подведение итогов, определение победителей и выдача премий – каждые полгода: на 1 января и 1 июля каждого текущего года.

Внимание! В школы, детские дома, интернаты, колонии, гарнизоны, студии необходимые для конкурсных работ книги и журналы высылаются бесплатно по заявкам

**Адрес для высылки конкурсных работ:
111123. Москва, а/я 40, "конкурс"**

Лучший подарок!

Книги – почтой

Увлекательная остроумная фантастика!

Ю.Петухов. Собрание сочинений в 8 тт.

Иллюстрированное издание, черный твердый переплет с бело – золотым тиснением, тома по 700 стр., блок шитый, суперобложки. Состав: Романы Ангел Возмездия, Бунт Вурдалаков, Погружение во Мрак, Вторжение из Ада, Карающий Меч, Бойня, XXII век, Сатанинское Зелье, Измена, Записки Воскрешшего, Изверги и др.

Заявки высылайте по адресу:
111123, Москва, а/я 40.

Ю. Петухов "Меч Вседержителя"
(продолжение). Рассказы
А. Чернобровкина, В. Вотрина и др.

